

Наталья Осипова

Кинозал № 2

*Мне бы жизнь свою, как киноленту,
прокрутить на сорок лет назад...*

2018 г.

УДК 340.132.644

ББК 99.83, 63.3

О 74

Оформление и макет Натальи Осиповой и Марианны Морговской
Под редакцией Анны Черняховской

Осипова Н. М.

О 74 Хроника военного времени, семейная. Документальное кино.

Кинозал № 2. / Наталья Осипова. – Москва, 2018. – 372 с.

ISBN 978-5-9618-0097-5

«Век двадцатый – век необычайный/ Чем столетье интересней для историка,/ Тем для современника печальней...» - так написал поэт Николай Глазков, чьи акrostихи, посвященные автору этой книги, Наталье Осиповой, щедро рассыпаны по страницам. Две части, «Хроника военного времени, семейная» и «Кинозал № 2», сливаются в одну большую историю.

Автор пишет семейную летопись и создает текст, в котором отражаются приметы времени, характерные детали и зафиксированы неповторимые ситуации. По задумке автора, это книга-перевертыш, которую можно читать с любого конца.

Формат 60x84/16

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,25

Тираж 500 экз.

Издательство М. «Алекс»

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль

УДК 340.132.644

ББК 99.83, 63.3

О 74

© Н. Осипова, 2018, год собаки

ISBN 978-5-9618-0097-5

Подбор репертуара и благодарности

Лет 5 или 8 назад, мои внуки Вася и Гриша, сидя на диване, вроде бы и не прислушивались к моей очередной истории, которую я рассказывала, или, скорее, напоминала сидевшим со мной за столом Ларисе и Андрюше. История была, кажется, про мои институтские годы. Когда я ее закончила, кто-то из моих внуков попросил: «Расскажи что-нибудь еще...» Меня это удивило и запомнилось.

Потом, пару лет назад почти в том же составе в ресторане я опять стала рассказывать очередную историю. И уже Лариса предложила: «Наталья Михайловна, запишите свои истории». Я удивилась и тоже запомнила. Умный Андрюша понял, что я это никогда сама не запишу и решил, что все мои истории следует записать на диктофон, а потом уже обрабатывать.

Так в моем доме появился Михаил Козырев, журналист, профессионал и просто неравнодушный человек, который раз в неделю часа по 3-4 выслушивал мои воспоминания, чаще связанные, но иногда и разрозненные, задавая вопросы, и часто в ответ рассказывая свои истории. И через неделю у нас появлялась расшифровка моих интервью. Миша был склонен к документальной достоверности, может быть, потому, что в силу молодого возраста, он про то время мало что помнил. Мне же хотелось передать мое настроение, ощущение в череде тех, уже далеких, событий.

Что-то я успела переписать, отредактировать. Придумала оформление, рубрики, подобрала фотографии, вмонтировав их в кусочки киноленты. А потом уже Аня Черняховская редактировала рассказы и переделывала новые аудио-

записи в связные тексты. А Марианна Морговская правила, верстала, подбирала фотографии. Получилось коллективное творчество, так как очень хотелось успеть к определенному сроку, к намеченной совсем не круглой дате – 17 мая.

А еще в мои истории, как мне кажется, органично вплелись акrostихи Николая Глазкова, интересного человека и замечательного поэта. Я работала в павильоне межотраслевых выставок ВДНХ СССР с его женой Росиной Моисеевной Глазковой. Мы сдружились и я часто бывала у них дома. И всегда получала в подарок четверостишие, посвященное мне, написанном акrostихом.

А если перевернуть книжку, то там окажется совсем другая история, которая жила во мне долгие годы и которую мы собирали вместе по архивам – Гриша, Андрюша и я. Которую мама хотела, чтобы я написала. Может быть, я написала не совсем такую историю, какая ей представлялась, но у меня получилась такая.

А еще я поняла, что ничто не проходит бесследно. Умение быстро менять облик, которое я приобрела, работая манекенщицей, часто давало мне силы и выручало в трудных ситуациях. Любовь к необычным блюдам помогала составлять меню почти ко всем проводимым мною мероприятиям - поэтому здесь вы найдете и рецепты, которыми интересовались во время наших застолий.

А еще Андрюша и Марианна создали сайт, где многие найдут фильмы, им посвященные.

С любовью и благодарностью ко всем,

Наташа Осипова

Кино бывает разное. Кинозалу все равно. Кто сегодня придет. Что будут крутить. Досмотрят ли до конца.

Сегодня в Кинозале № 2:

Подбор репертуара и благодарности	5
Сериал. Мексиканский	9
Мультик. Болгарский	21
Короткий метр. Мои дети	27
Сам себе режиссер. Открытие мира	39
В жанре времени. Во сне и наяву	65
Многосерийный фильм. Дорога	71
Не очень лирическая комедия.	
Котлета по-киевски. Рыбная	79
Образовательная программа. Германия начало 80-х	87
Нарезка. Заказ	95
Эпизод. Похороны	107
Путевые заметки. Сухой закон	111
Светская хроника. Ах, фестиваль, фестиваль...	119
Стоп-кадр. Автограф	127
Путевые заметки. Неудачный перелет	133
Премьера. «Унесенные ветром»	137
Крупным планом. Анатомия ненависти	155
За кадром. Кубок Кремля.	169
Блокбастер. Авантюра под названием «Огонек»	179
Трейлер. Рекламная заставка	199
Проект. Старт на креативную дистанцию.	219
Сценарий. Вышка	227
Прямая трансляция. Открытое пространство	239
Прокат. Третье поколение	243
В поисках жанра	247

Не все сериалы, в одночасье появившиеся на наших телевизионных экранах в конце 80-х, были мексиканскими. Были и бразильские, и американские. Но почему-то именно мексиканский сериал стал чем-то нарицательным.

У нашей семьи был свой собственный «мексиканский» сериал, очень длинный, протяженностью в 50 лет.

Как у любого уважающего себя сериала, серий должно быть очень много. Чтобы окончательно не запутать зрителя, все их делят на сезоны. Отсняли один сезон, показали, понравилось, снимают дальше. Но если сериал «эпический», то его все равно снимут до конца. А потом уже покажут, но разделят не на сезоны, а скорее на части. Все серии нашего сериала мы разделили на четыре части.

Часть первая

Действие начинается на Дону перед Первой мировой. Бедная еврейская семья – мать, ее дочь, которая, скажем прямо, не очень удачно вышла замуж. Надо было найти себе еврея, который пьет, бьет жену и детей. Да-да, детей – его жена умудрилась родить от него двух сыновей. А потом, в разгар всех войн и погромов он их еще и бросил.

На все эти перипетии может уйти не менее 10-15 серий. И каждый волен (на основании всего прочитанного или увиденного в фильмах об этих годах) сам придумать подробный сценарий каждой серии.

Но рефреном во всех этих сериях будет звучать (почти как в «Трех сестрах» «В Москву! В Москву!») слабые причитания матери «Уехать бы вам к дяде в Мексику». Ни к двоюродной тете в Москву, куда поехали многие-многие родственники. Ни в Америку, куда тоже кто-то уехал, а в Мексику. Дело в том, что родной брат матери много лет

назад оказался в Мексике и, по слухам, неплохо там жил. А своих детей у него, кажется, не было. Ну, может же помочь богатый дядюшка своей родной племяннице...

К концу пятнадцатой серии силы сопротивляться действительности у бедной брошенной женщины с двумя малолетними сыновьями окончательно иссякли. Она собрала скудный скарб и отважилась на отъезд. В Мексику.

Следующие 15 серий можно посвятить тому, как она туда добиралась. Сначала до Крыма или Одессы, в основном на перекладных, потом морем – в Турцию или Европу. Потом океаном в Америку, потом через всю Америку. На этот длинный путь, занявший почти год, даже пятнадцати серий мало. И все-таки она с двумя детьми добралась до Мексики и нашла дядю.

На этом первая часть нашего сериала заканчивается. Но все ждут продолжения.

Часть вторая

Мексика. 30-е годы XX столетия. Наша героиня расцвела. Дядя ее радушно встретил. Своих детей у него действительно не было. И он привязался к племяннице и ее сыновьям. Жил он не бедно. Большой красивый дом. Прислуга. Была у него своя фабрика, которая приносила хороший доход. Если честно, то он был миллионером. Сыновья учились, закончили школу. Поступили в университет.

На это может уйти еще серий 15. Когда они приехали, дядя был уже не молод. А сейчас, через 10 лет, он сильно сдал. Племянница и ее дети были единственными его наследниками. И он их любил. Но оставлять им управление делом, которому он посвятил столько сил и времени, он не хотел. Поскольку, естественно, понимал, что она вряд ли с этим справится, а детям еще учиться и учиться, набираться опы-

та. Зато на фабрике у дяди был отличный управляющий – австриец. Дядя его очень ценил за то, что этот австриец и производство хорошо знал, и людьми умел управлять, и вообще был человек цепкий, аккуратный, бережливый и порядочный. Этот смог бы его дело продолжить и приумножить, но оставлять чужому человеку дело не гоже. И дядя предложил своей племяннице и австрийцу пожениться. Если они поженятся, то он им все оставляет. Так оно и произошло. Это чистая правда. А на это и 15 серий не жалко.

Вскоре дядя умер. А наши молодожены оказались хорошей, доброй, любящей и ценящей друг друга парой. Австриец стал хозяином. На фабрике был теперь другой управляющий. А австриец, у которого стало больше свободного времени, даже русский язык выучил, чтобы с женой и детьми, а он мальчиков считал своими, говорить на их родном языке. На этом можно было бы закончить весь сериал. Но мы пока заканчиваем только вторую часть.

Часть третья

Начинается она в Мексике. Прошло уже больше 10 лет после окончания Второй мировой войны, во время которой, надо отметить, дела на фабрике шли хорошо и доходы росли. И в послевоенные годы тоже. Дети уже давно выросли, завели свое дело и обзавелись семьями. Мир стал спокойнее. И наша уже не молодая пара решила отправиться в далекое путешествие. Им уже давно хотелось побывать в местах, где прошла их юность, даже если она была не слишком легкой. Со временем все плохие, горькие, тяжелые воспоминания сглаживаются, смягчаются. В 30-е или 40-е годы мысль поехать в СССР им в голову прийти не могла. Но после смерти Сталина они решились Посмотреть, найти родственников, познакомиться. Естественно, все эти годы никто ни с кем не

переписывался. Но с ростовскими родственниками какая-то связь была, а нас долго искать не надо было. Семья жила в той же квартире в центре Москвы, куда в 20-е годы многие родственники приезжали к тете.

Тетей была моя бабушка. Она уже умерла. Но ее дочь, моя мама, жила с семьей в той же коммунальной квартире на пятом этаже, без лифта, с туалетом на пять семейств в коридоре. Правда, помещение туалета было большое с высокими потолками. Стены, покрашенные на две трети зеленой масляной краской, были увешаны съемными стульчаками разных размеров и фасонов. Для каждой семьи свой. А что, если наши иностранные гости захотят в туалет? Не объяснять же им про съемные стульчаки на стене.

Вы уже поняли, что действие очередных серий происходит в конце 50-х годов в СССР, в Москве. Что думали увидеть наши мексиканские родственники, сказать трудно. За 35 лет многое и в мире, и в быту изменилось. У нас в квартире даже появилась ванная с колонкой. Но взглянув на все эти удобства другими глазами, мы сразу поняли, что их это может удивить.

Мама и папа, не так давно вернувшийся из мест достаточно отдаленных, стали в деталях прорабатывать «легенду»: у нас есть загородный дом. Там мы круглый год живем, а сюда приезжаем только изредка. Дом этот далеко... там и мебель, и все удобства... и воздух... Но так как у них мало времени, то, наверное, в этот раз не стоит туда ехать.

К достоверному составлению этой «легенды» была привлечена и я. Родилась я между второй и третьей частями этого сериала, в год, когда была запатентована первая шариковая ручка и на экранах американских телевизоров впервые показали «мыльную оперу». Да-да, все это произошло именно в 1946 году. А сейчас мне уже было больше 10 лет.

Все взвесив и обсудив, мы решили не приглашать их к нам домой («пятый этаж без лифта»), а пойти в ресторан. Выбрана была «Прага», не кафе на первом этаже, а ресторан. Встретились мы у гостиницы, куда мы за ними заехали. Невысокие пожилые люди, она полная, улыбающаяся, с аккуратно уложенными крашеными волосами, он худощавый, поджарый, сдержанный, но тоже улыбающийся.

В большом зале «Праги» все было замечательно, все было вкусно, им все нравилось. Много говорили. По-русски. У австрийца русский был не очень хороший, его жена говорила с привычным южным акцентом, но в произношении чувствовалась долгая жизнь за границей. Хотя, конечно, большого опыта общения с иностранцами у меня не было. Они живо интересовались всей нашей жизнью, действительностью. И, кажется, даже поверили в «легенду» про загородный дом.

Когда папа стал расплачиваться в ресторане, они решили подарить официанту шариковую ручку. В Москве тогда шариковых ручек не было. Мне безумно хотелось попросить у них такую ручку, но я не смогла. Почему-то их первый приезд в Москву у меня всегда ассоциировался с так и не доставшейся мне шариковой ручкой.

Шариковая ручка крупным планом. Конец последней серии третьей части.

Часть четвертая

Все серии этой части происходят уже в 1966 году, в августе. Сначала в Мексике, потом в СССР (Москва-Прибалтика-Ростов-Москва), потом в Австрии и опять в Мексике.

В этот раз они приезжали попрощаться. Маршрут был четко продуман: Москва, Прибалтика и Ростов, где оставались родные. Потом из России они поедут в Австрию, попрощаться с его родиной, с его родственниками. И, конеч-

но, надо привезти всем запоминающиеся дорогие подарки, а не фильдеперсовы чулки и ручки, как в прошлый раз, когда они плохо понимали куда и к кому едут.

Поездку в СССР они оформили через «Интурист». Это был индивидуальный тур. В стоимость входили перелеты, гостиницы, талоны на питание, обмен денег. Ростовским и прибалтийским родственникам они решили подарить по машине. Надо было выбрать три. Выбрали – «Волгу», «Москвич» и «Запорожец». Чтобы у всех были разные. Ну и теперь представьте, как эти родственники отнеслись к таким подаркам.

Маме, зная, что она член партии, а из всех родственников она была единственным членом партии, они побоялись дарить что-то сильно материальное. Чтобы ее не подвести, не подставить. Бог нас миловал, потому что все остальные между собой разругались и долгие годы не общались. Почему мне «Запорожец», а ему «Волгу»? Это было сильно.

Пока они были в Прибалтике и Ростове, общаясь и раздавая, как им казалось, хорошие подарки, мы с мамой здесь, в Москве готовили подарки для них и для их сыновей, которым к тому моменту было уже больше 40 лет. Один из них, старший, очень любил делать своими руками разные рамочки для картин. Мы решили купить ему картины с видами Москвы и русской природой. Сели на такси и поехали по салонам покупать разные картины, для которых потом можно будет сделать рамки. Однако выяснилось, что купить просто картину, без рамочки, нигде нельзя. Только с рамкой. Поэтому мы покупали картины в рамках, при нас били стекло, ломали рамки, и мы картины забирали.

Еще мы хотели купить этим двум сыновьям в подарок русские рубашки - косоворотки. Купили две. Потом поехали на рынок. В Мексике, как мама выяснила, грибов нет, а тетя

грибы любила. Мама купила несколько связок шляпок белых грибов.

Тем временем, посетив Прибалтику и Ростов, наши мексиканские родственники вернулись в Москву. Жили они в гостинице «Ленинградская» на площади трех вокзалов. На следующий день после их возвращения из Ростова мы вместе с тетей отправились за покупками в «Березку» на Профсоюзной. Тетя выдала мне 100 долларов одной купюрой, которую я зажала в потной ладошке. По тогдашнему курсу это были большие деньги. На них надо было купить подарки всем: маме, папе, сыну, которому только что исполнилось полгода, мужу и себе.

Вещи я купила всем. Много всего, модного, качественного и нужного. Себе я купила черные замшевые австрийские сапоги на шпильке, со шнуровкой шелковой лентой.

Тетя все покупки одобрила, ведь это были ее подарки. Но больше всего ей понравились сапоги. И она купила себе такие же. Когда мы вернулись в гостиницу, из их разговора с мужем я поняла, что он недоволен. Он долго объяснял, что через несколько дней они будут в Вене, а там эти сапоги будут значительно дешевле.

Они были очень состоятельными людьми и не скрывали это. Они готовы были подарить автомобиль людям, с которыми, в общем-то, все эти 50 лет и не общались. Но почему-то для него оказалось важным – где и за какие деньги покупать замшевые черные сапоги на шнуровке. Хотя, может быть, он просто не хотел их везти. А может, не понял, зачем в Москве покупать австрийские сапоги. Или, на самом деле заботился о ее здоровье и не хотел, чтобы она ходила на шпильках.

Накануне их отъезда мама передала наши подарки. Картины и рубашки им понравились. С грибами было слож-

нее. Дядя был уверен, что везти их через столько таможенных проверок будет слишком дорого. Бережливость, за которую его ценили в молодости, с годами никуда не делась. Но в итоге грибы все-таки взяли. Наверно, из уважения к маме.

А еще дядя, который хорошо знал цену деньгам, предлагал, даже просил маму забрать рубли, которые у них остались. Мама была непреклонна, уверяла, что им на границе обязательно рубли поменяют на другую валюту. Дядя ей объяснял, что это вряд ли будет, что он сможет ими только туалет у себя в Мексике обклеить. Ведь он уже второй раз приезжал в СССР. И он оказался прав. На границе их долго мурыжили и так и не поменяли ни на мексиканские, ни на австрийские, ни на американские деньги.

А еще у наших мексиканских родственников остались талоны на питание. Люди они были уже немолодые. Не выпивали, питались умеренно, видимо, следили за здоровьем (что у нас тогда было не принято и никак не обсуждалось, а у них, наверное, было принято). Поэтому большая часть талонов на питание, которые им выдали в «Интуристе» на завтраки, обеды и ужины, у них так на руках и осталась. Я была, видимо, не такая гордая, как моя мама, поэтому нам с мужем досталась целая пачка интуристовских талонов.

Потратить их можно было только в ресторанах «Интуриста». Таких ресторанов в Москве было не то, чтобы много, но и не мало. И вот в один прекрасный день, когда с деньгами было совсем плохо, мы с мужем отправились в ресторан. Муж был в красивом модном теплом свитере с северными оленями, который я совсем недавно купила ему во время того похода с тетей в «Березку». С короткой молнией спереди на горловине. Если ее расстегнуть, получался воротник. И в вырезе была видна белоснежная рубашка

с галстуком. Все модно и со вкусом.

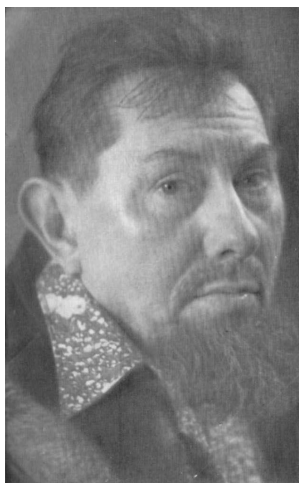
Мы решили поужинать в «Софии» на площади Маяковского. Но не тут-то было... Не успели мы снять пальто, как нам сразу же показали, объявление – в спортивной одежде вход в ресторан запрещен. А этот свитер, как нам разъяснили, явно спортивная одежда. Мы, в прямом смысле, не солоно хлебавши, дошли до ресторана «Центральный». Нам опять показали бумажку про стиль одежды. Рассказали, что это ресторан первой категории, здесь обслуживают иностранцев и в спортивной одежде вход запрещен. Промёрзшие, голодные и злые мы пришли в «Националь», уверенные, что и здесь нас кормить не станут. На первом этаже нас раздели без вопросов, поднялись на второй. Сидим, подходит официант, подает меню. Спрашиваем: «А какой категории у вас ресторан?». Он спокойно отвечает: «У нас ресторан вне категории». Смеемся! В общем, свитер здесь никого не удивил, нас вежливо обслужили, вкусно накормили и спокойно взяли талоны вместо денег. И еще почти год мы довольно часто ужинали в «Национале» по этим талонам, по которым «не доели» наши родственники, благополучно вернувшиеся в Мексику.

Действие последней серии происходит в Мексике, в их большом красивом доме. В гости пришли сыновья с женами и детьми. Тетя сварила грибной суп. Дядя и тетя

делятся своими впечатлениями от поездки в СССР и Австрию, дарят подарки.

Старшему сыну тети, который любил делать рамочки своими руками, картины понравились. Он их окантовал. И многие раздарил. Но одну картину с дождливой Москвой он оставил себе. Крупный план – наезд на картину дождливой Москвы в искусной рамке. Конец серии. Конец четвертой части. Конец сериала.

НИКОЛАЙ ЛАЗКОВ

ВОКЗАЛ

Стихотворения, поэма

Пожелай &
прекрасной Кате
не томиться в трезвечной
покаде!

22/VII - 76

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1976

Слыньчев Бряг. Середина сентября. Нашу московскую профсоюзную туристическую группу автобус привез из аэропорта Бургаса в гостиницу. И все, достав купальники, побежали на пляж. А я улеглась спать. Шутка ли, почти четыре месяца без выходных, да еще в постоянном нервном напряжении. Сначала подготовка, учебы, подбор воспитателей, вожатых и руководителей кружков, составление планов на смену, закупки, оформление, согласования. Потом три смены. И в каждой – 500 детей, 24 воспитателя и вожатых, да еще с десятков руководителей кружков. Сотня разных мероприятий, половину из которых заранее и запланировать было невозможно, хотя бы из-за неожиданных, но частых приездов почетных многочисленных иностранных делегаций. И еще бесчисленное количество проверяющих комиссий. А потом еще почти три недели уборки, отчетов, благодарственных писем, награждений.

Поэтому в Болгарии я вначале проспала двое суток, только с трудом выползая на коллективные ужины в ресторане на первом этаже нашей гостиницы, которая была совсем рядом с морем. За ужинами я узнавала последние новости. О замечательном песке на замечательном пляже длиной километров десять. О замечательных магазинчиках, где можно купить замечательные фрукты, овощи и даже вино по замечательным ценам. А еще подальше в других магазинах замечательные вещи по ценам вообще фантастическим. На третьи сутки я была почти готова к светской зарубежной жизни, во всяком случае, захотела доползти до моря. А, вернувшись, обнаружила ночную рубашку не под подушкой, а на подушке, взбитую, как цветок. Сервис.

Конечно, были новости и от нашего гида о культурной программе на остров Робинзона, о пиратской шхуне, ночном баре и дискотеке.

На остров Робинзона надо было отправляться рано утром, до завтрака, возвращались оттуда часов в 5 вечера. Атракцион заключался в том, что по прибытию на остров следовало выпить в определенной последовательности пять рюмок все более и более крепких напитков, и только потом появлялась еда. Большинство европейских туристов даже до третьей рюмки не доходило... Жара, солнце, +40 градусов. А наши могли выпить в любой последовательности – по убывающей, по возрастающей, в одном флаконе. Потом уже, когда приносили еду, выпивка становится бесплатной. Это входило в стоимость тура, но большинство посетителей до этого не доходило. А наши – доходили. И в какой-то момент было принято решение советских граждан на этот остров Робинзона не возить, потому что очень накладно выходило для организаторов. Но я бы все равно не поехала, во-первых, потому, что надо очень рано вставать, а потом – я не большой любитель выпивать, тем более разные напитки, тем более с утра.

А на пиратскую шхуну в один из вечеров мы отправились почти в полном составе. Когда тыходишь внутрь, тебе на какие-то оголенные части тела ставят соответствующие печати. Туристы из капстран подставляли для печати попу, наши – поэлегантнее – руку. Потом в какой-то момент гаснет свет, и вдруг по полу, по столам начинают бегать мышки. Гости визжат... Развлечение, одним словом. Наверно, и на других курортах в других странах были подобные развлечения, но для большинства членов нашей группы это был первый выезд за рубеж, и нам не с чем было сравнивать. Дискотеки и бары по рекомендации гида мы посещали каждый вечер.

Получила я эту путевку в награду за работу старшей пионервожатой в пионерском лагере «Орленок». Лагерь

занял первое место среди лагерей Москвы. И наш профком ВДНХ СССР решил поощрить меня двумя путевками в Болгарию, мне и мужу.

Мой второй муж, с которым мы поженились всего год назад, был категорически против этой поездки. Он-то не поедет точно, а если я поеду, то – развод! Я еду. С конца сентября до начала октября 1973 года. Я первый раз за рубежом... Все очень радужно. Ощущение, что это 16-я республика. Многие говорили по-русски. Не чувствовалось,

что ты за границей. В Прибалтике больше ощущалось, что ты за рубежом, чем в Болгарии. Во всяком случае, так было на тот момент. Но это было скорее приятно и даже естественно.

А потом прямо на пляже у меня жутко разболелся зуб. И в коляске милицейского мотоцикла меня увозят в Бургас. На глазах у всей группы... Люди в недоумении – человека в купальнике с пляжа увозит милиция...

Обычно, когда у меня в Москве начиналась острая зубная боль, я мчалась в круглосуточную стоматологическую поликлинику, где мне и еще десятку таких же бедолаг достаточно варварским способом вырывали разболевшийся к ночи зуб. А здесь в провинциальном городе – трехэтажная стоматологическая клиника. Целый этаж отведен только под рентгеновское отделение. Это было потрясающе. В Москве ничего похожего. И врачи такие вежливые, ласковые, улыбающиеся, доброжелательные. И все время спрашивают: «Этот болит? – да, этот болит? – нет». Но все это под наркозом,

без крови, очень аккуратно и красиво. В результате вырвали не тот зуб, но это выяснилось, когда меня привезли назад в гостиницу, и когда наркоз отошел. Со времен турецкого ига у болгар так уж исторически сложилось, что кивок головой вниз означает «нет», а вбок – «да». У них это связано с игом, а у меня это оказалось связано с больным зубом.

Вернулись в Москву мы 6 октября. Перед тем как ехать в аэропорт, мы еще успели окунуться в море. Солёные, загорелые, счастливые. А здесь снег. В Шереметьево меня встречали с шубой. Это был первый день Судной войны в Израиле. А вскоре мы разошлись с мужем.

Я не большой любитель поездок за рубеж. Может, это началось с того раза. Что-то повлияло – развод, или вырванный зуб, или начавшаяся в Израиле война...

Глазков Н. И.
Г52 Первозданность: Книга стихов. — М.: Современник, 1979. — 135 с. (Новинки «Современника»).

Новая книга поэта рассказывает об увиденном в поездках по стране. Герои стихов — современники и наши славные предки, те, кто открывал богатства Сибири, и те, кто из сегодня основал. Поэт славит мудрость и жизнелюбие трудового человека.

Г 70402—004 127—79 4702010200
М106(03)—79

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК», 1979 г.

1

Ночь вы ещё сильнее дна,
А всё же радует меня.
Пекучий день — Волна дурта!
Азартно стрижет Дед-Мороз:
Мунат вылез и не вылез,
Его однако била карта!

79
мунат

Когда стихи Николая Глазкова не печатали, он делал самодельные сборники и называл их «самсебяиздат». Когда у него вышел поэтический сборник «Первозданность», он и тут подошел творчески, оставив первую страницу белым пустым листом и вписывая туда персональные акrostихи для каждого, кому дарил книжку.

Зимой 1970 года, когда мы еще жили на Герцена, мама подошла к телефону. Звонили мне. Мама поинтересовалась, кто меня спрашивает, и в ответ услышала: «Её дети». Летом 69-го я первый раз поехала в пионерский лагерь «Орленок» отрядной вожатой. Это были пионеры из моего отряда, которых я была старше лет на 12. Но это неожиданное определение – мои дети – так и закрепилось в моем сознании.

Сегодня этим детям должно быть 57, 58, 59 лет. Память объединила совсем, казалось бы, не связанные между собой события: две недели в июле 1975 и 18 дней в июле 1974. Объединили их дети, подростки, сверстники, которые оказались в непривычной для себя среде, вырванные на короткий срок из своей повседневной жизни, и оказавшиеся в жизни иностранной.

В 1975 в мой заграничный паспорт вписали троих, у которых еще не было своего паспорта. Очередное подтверждение – мои дети. Но отвечала я все равно за всех. Их было 30 подростков из московских ПТУ. Все мы впервые выезжали по линии комсомольского «Спутника» за рубеж. Они – отличники, активисты, ударники – и я как руководитель группы.

Мы ехали на поезде с Белорусского вокзала через Брест до Варшавы. В Польше уже начались забастовки, хотя до «Солидарности» было еще лет пять. Но мы про это ничего не знали. Город, а мы были, в основном, в Варшаве, по стране мы мало ездили, произвел яркое впечатление. Все события, связанные с забастовками, с безработицей, с девальвацией – все это прошло мимо нас. Языка мы не знали, со сверстниками общения не было. А на экскурсиях, на улице, в транспорте, в общежитии, где мы жили, в мага-

зинчиках, куда всегда любили наведываться российские (и советские) туристы отношение было теплое.

Сами экскурсии были традиционные, нам показали Варшаву, дом науки, который был очень похож на Московский университет (его наши и строили). Были мы и в Варшавском гетто, в котором, скорее всего, погибли мои прадедушка и прабабушка, и их дети. Но я точно не знаю, где они погибли. Мой дедушка, их сын, уехал из Варшавы в Москву еще в начале века. А в 1935 году он умер, и все связи с его родственниками прервались. Потом мы на один день поехали в Освенцим, который более 30 лет назад освобождал и мой папа. Это я знаю точно. Наверно, и для ребят посещение этих мест было важным, но для меня оно было личным.

Остальная программа включала летний отдых, такой молодежный ознакомительный туризм.

Ребята хотели купить какие-то вещи себе и подарки родным. Не могу сказать, что в Польше это было все очень дешево, но оно было совершенно другое, оно было яркое, модное. И все это продавалось не в магазинах, а прямо на улицах: какая-то кооперативная торговля, какие-то маленькие лавочки.

Когда начались наши 90-е, то я поняла, что я это все уже видела. Но если у нас это было привезенное из Турции тюками, то в Польше они в домашних условиях или на каких-то маленьких фабриках шили сами, по последней зарубежной моде.

Так что день мы потратили на покупки. Но денег у ребят было не много, и одного дня нам вполне хватило.

Тогда при выезде в соцстраны меняли 130 рублей, потом, года через два, уже стали менять 330 рублей. И если во всех последующих поездках, куда я ездила, участники группы полностью меняли сумму, то здесь меняли кто 60, кто

80, кто 40 рублей, столько, сколько семья смогла выделить на этот валютный обмен. Многие дети были из малообеспеченных или многодетных семей, эти 130 рублей поменяли меньше половины.

Все деньги я собрала еще в Москве, при первом знакомстве с группой. И неожиданно столкнулась с тем, что нам их будут менять в три этапа. 60 рублей нам меняли в Москве. 40 – на границе, в Бресте. Оставшиеся 30 уже в Варшаве. В Москве, как потом оказалось, курс был самый выгодный, на границе он был средний, в Варшаве – уже совсем плохой. Этот момент был совершенно не понятен. Как одни и те же деньги могут быть здесь так, здесь эдак, а здесь по-другому? При том, что вся дорога заняла сутки с небольшим, а от обмена до обмена – двое суток. Да еще по какому курсу выдавать деньги детям, если все они сдавали разные деньги на обмен. При моих приличных способностях к математике, я несколько часов в ночи пыталась решить эти сложные еще и в этическом отношении задачи. Но детей в эти расчёты и разницу курсов я не посвящала.

Год назад я работала в пионерском лагере. Ребята из старших отрядов были сверстниками моих ребят из ПТУ, но они были совершенно другими.

Жарко, лето, я предлагаю пойти на городской пляж, там озеро, природа. Они все: «Да-да, конечно!». Мы приходим. Я в купальнике. Девочки – кто-то в сарафане, кто-то снял босоножки, до купальников никто не раздевается. Мальчики – все в темных рубашках, застегнутых под горло, длинные брюки. Сидят под деревом. Никаких шорт или плавок, все в ботинках.

При этом я уверена, что многие из них отлично плавают.

Через день выясняем, что можно пойти на дискотеку.

Да, идем, с удовольствием – говорят все. Мы жили в молодежном общежитии, где все постоянные обитатели уехали на каникулы – комнаты на 3-4 человека, коридорная система, «гладилка» отдельная. И вот мои дети этот уют друг у друга отбирают, наглаживают... Очень готовились. Пришли. Зал дискотеки, бар. Денег у детей особых нет, что кто-то напьется – я не очень-то волнуюсь. Но все оказывается еще хуже.

Вполне современная музыка. Довольно много народу. Кто-то меня приглашает, с кем-то я танцую. По стенкам стоят стулья. И вот все эти 3 часа вся моя группа сидит у стенки на этих стульях. Ни друг с другом, ни с кем-то еще они не танцуют.

Я пытаюсь их тормошить: «Нет-нет, нам все очень интересно». Мы выходим оттуда: «Мне было стыдно, я больше никогда с вами не пойду на дискотеку, ну что это такое – 3 часа просидеть?» – «Ой, нам так понравилось, давайте еще раз пойдем». И опять я уверена, что они все нормально танцуют где-то у себя в компании или на вечере в ПТУ.

Но здесь была боязнь, что они не модные, что они чего-то не знают, что-то сделают не так.

Как в итоге повлияла на ребят эта поездка? И повлияла ли вообще? Они попали на две недели в другой, для них непривычный мир. Где люди по-другому себя вели, по-другому одевались, по-другому говорили – для них это было непривычно. Потрясения – ах! какие они модные или умные, или как у них хорошо – у них точно не было. Вот это можно. Вот это нельзя, потому что нельзя. А этого они боятся или стесняются. С этими установками они приехали, с ними и уехали.

Французы, приехавшие год назад к нам в пионерский лагерь, точно были уверены, что их устав значимее нашего

монастыря. Они даже не очень сомневались, что по улицам Москвы бродят медведи.

Летом 1974 года я работала старшей пионервожатой пионерского лагеря «Орленок» ВДНХ СССР. В начале второй смены из Пантена к нам по обмену приехало 20 подростков 14-16 лет. ВДНХ относилась к Дзержинскому району Москвы, Дзержинский район был побратимом Пантена, пригорода Парижа.

Иностранцев в «Орленке» было много. Но дети из посольств, которые жили в отрядах, так или иначе адаптировались, они были внутри. А французы – это был отдельный, самостоятельный коллектив. Жили в отдельном корпусе и своей жизнью. Лагерная смена – 24 дня, они приехали на 18 дней.

Дня через три после начала смены ближе к вечеру прибыл автобус с французами. И почти сразу после расселения их приводят в столовую, где накрывают ужин. Их решили покормить раньше, все-таки голодные, с дороги. По блюдецкам разложена баклажанная икра. Они берут эту тарелочку, осматривают ее внимательно, фыркают, высказывают все свои впечатления по этому поводу. Понятно, что эту икру они видят в первый раз в жизни. И есть ее они не будут. На этом приключения первого дня не кончаются. Вечерняя линейка – спуск флага. Обычный будний день, дети в чем были, повязали галстуки и побежали на линейку.

Французы приходят, прямо за собравшимися на линейку детьми садятся на газон и начинают хихикать. 500 человек выстроены прямоугольником, кого-то из пионеров вызывают на спуск флага... Наши гости этого не понимают или не хотят понимать. И я осознаю, что это будет продолжаться все 18 дней, пока они здесь будут жить.

Такого неуважения ни к моим детям, ни к моему фла-

гу я позволить себе не могу. Причем это все подсознательно. Я не выстраиваю какую-то линию поведения, не планирую что-то заранее. Я просто стою на линейке, вижу происходящее и понимаю: надо срочно что-то сделать.

К утру мне привозят французский флаг. И утренняя линейка начинается с того, что французов всем отрядом тоже приводят на линейку, вечером об этом я договорилась с их сопровождающими, которые на 18 дней стали вожаками. И видят на флагштоке рядом с нашим флагом свой. И одного из них вместе с нашим пионером вызывают на подъем флага. А дальше, если наши дети каждый день продолжают приходить в маечках, шортиках, с галстуком на голой шейке, то французы на каждую линейку приходят, что называется, в парадной форме, как на торжественную – белый верх, темный низ. И каждый день на подъем или спуск флага за какие-то достижения вызывается один наш пионер и один француз.

Еще до приезда французов в Москве для них разрабатывается специальная программа. Поездка в Загорск (Троице-Сергиеву лавру), поездка во дворец пионеров, экскурсия по Москве... И я понимаю, что это меня тоже очень сильно не устраивает. Я уверена, что с французами должны ездить и наши ребята из старших отрядов.

Со мной не спорят. Предоставляют большой автобус, и подростки все вместе едут в лавру, во дворец пионеров. И общение идет постоянно. Тем более, что в лагере много детей, которые учатся во «французских» школах, с углубленным изучением языка.

Общение продолжается и в лагере. В один из дней, когда нет поездок и экскурсий, все собираются в пионерской комнате.

Наши 14-15-летние дети прилично знают француз-

ский язык, переводчик не нужен. Но понять им друг друга порой бывает трудно. И дело не в языке. Наши: Дюма, Стендаль, Бальзак... С другой стороны – никакой реакции! Во всем, что касалось литературы, культуры, искусства, истории Франции – здесь наши дети были, бесспорно, на голову выше.

Но когда разговор касался социальных проблем, а французы очень быстро перевели разговор на то, что их волновало, наши оказались словно несмышленные щенята. Они не знали, сколько стоит тот или иной продукт, сколько родители платят за квартиру, сколько стоит проезд в транспорте или учеба. Конечно, они ездили на троллейбусе и знали, что цена билета 4 копейки, хотя у них льготный школьный проездной. Но сколько тратит семья в месяц на транспорт, никому не приходило в голову считать. А что с поликлиникой, пособиями, пенсиями? Французов (еще раз – 14-16-летних!) эти вопросы серьезно волновали. Нашим казалось все само собой разумеющимся.

Нашему ребенку абсолютно все равно. Он просто не хочет идти к зубному, платно это или бесплатно. И это не от денег зависит, это зависит от его желания туда не идти. Он учится в школе, он знает про Дюма и про Французскую революцию. Да, он ходит в магазины, он покупает продукты. Может быть, денежные вопросы обсуждаются в семье, но это

точно вне его интересов и того, что его волнует.

И как подтверждение этой импровизированной дискуссии — история со стоматологом. Два раза в неделю в лагерь, где в медицинском блоке оборудован стоматологический кабинет, приезжает зубной врач. Из наших 500 детей если и удастся кого-то завести, то одного-двух человек, максимум троих. И то, если сильная боль. Предлагаем французам. Они: «Нет, это очень дорого». Как дорого? Это бесплатно!

За время их пребывания в лагере, стоматолог приезжал пять раз. И каждый раз все французы, включая их сопровождающих, идут в зубной кабинет, у которого теперь выстраивается непривычная очередь. Но даже теперь они по-прежнему не верят, что зубы можно лечить бесплатно. На эти дни мы даже экскурсии отменили.

Лето 1974 года. Прошло 6 лет после «Красного мая». Они все это видели, знают и помнят достаточно четко, хотя тогда им было 8-10 лет. Гавроши. Помнят и лозунги, они на них выросли:

La culture est l'inversion de la vie.

Культура — это жизнь наоборот.

La poésie est dans la rue.

Поэзия на улицах!

L'art est mort, ne consommez pas son cadavre.

Искусство умерло, не пожирайте его труп.

Они в свои 14-16 лет озабочены тем, где и кем будут работать, сколько будет стоить их учеба, лечение, жизнь, квартира.

Два совершенно разных восприятия мира и себя в этом мире.

Точки противостояния, «разности» между людьми, всегда есть. Но всегда можно найти и точки соприкосновения. Потом их развивать. А дальше начинается просто чело-

веческая симпатия, влюбленность...

Традиционный карнавал в конце смены мы специально перенесли на три дня, вернее на три вечера раньше. Накануне отъезда наших французов. Карнавальные костюмы они выбирали тщательно. Жерар заказал костюм императора. Катрин решила стать золушкой, Надья королевой, Морисетт и Кристина феями. Но большинство выбирали русские национальные костюмы или костюм казака, гусара.

Утром после карнавала на прощальной торжественной линейке каждый отряд вручил свои подарки и письма во Францию, их бережно сложили в «сумку дружбы» — большую красочно оформленную коробку, которая поехала с нашими французами в Пантен. Последний раз спустили французский флаг. На маленьких бумажных флажках отъезжающие писали адреса. Расставание было трогательно-грустное, со слезами.

Мазур

78

На охоте хорошо,

А рыбалка лучше.

Толстый лёд пробьёт пешнёй

Аристарх могучий.

Широка Большая Волга,

Ехать до неё не долго!

Все истории очень разные, одна очень длинная, другая очень короткая. Про Турцию получилась длинная.

1978 год, апрель, меня, можно сказать, насильно посылают руководителем группы в Турцию. Я отказываюсь, мне кажется, что Турция – это совершенно неинтересно.

Правда, мой прапрадед, донской казак, участвовал в суворовский турецкой войне и привез себе жену турчанку. Выходило, что это очередное путешествие по стране предков. Но мне казалось, что есть другие более интересные страны. Ведь про страны мы тогда знали не по учебникам, а «в основном» по художественным произведениям. Мы знали Францию, Англию, Америку (в зависимости от того, кто какие книги читал), эту культуру мы себе представляли. Турецкую я не сильно представляла. Но было бюро горкома комсомола, и оно меня обязало ехать. Обычно люди быстро соглашались, когда их посылают в капстраны, а я отказывалась. И это, видимо, была одна из причин, почему они в итоге настояли.

Сначала меня вызывают в ЦК партии. Объясняют, что в Турции военный режим. Что у нас есть консульство в Стамбуле, есть посольство в Анкаре, еще какие-то представительства. Что в каком-то городе мы даже что-то строим, и там наши рабочие и инженеры работают. Но чтобы представитель посольства или консульства выехал из города, где он проживает, то есть из Анкары или Стамбула за 20 километров, он должен чуть ли не за месяц подать властям заявление. И не факт, что он получит утвердительный ответ.

Поэтому нас – ЦК партии, Советский Союз и всех остальных, очень волнует, что там происходит, как обстоят дела в стране, а информации нет никакой. Страна закрытая, наших там немного. А вы – это первая группа за четыре года, которая выезжает в Турцию. И все ваши впечатления, пожалуйста, привезите, расскажите.

Сейчас, когда ежедневно в Турцию улетает по полсотни туристических групп, такое и представить невозможно. Но тогда мы были первопроходцами – первая группа за 4 года!

Но при этом группе забывают дать переводчика! Формально переводчик конечно, есть. Но это чья-то дочка или внучка, у которой написано, что она переводчик, и поэтому она едет бесплатно. Вообще, в группе переводчик мог быть с любым, как потом выяснилось, европейским языком. Но о том, что наш переводчик знает русский язык и больше ничего – ни английского, ни французского, ни немецкого, никакого, это мы уже выяснили непосредственно в Турции. Это сейчас в Турции все говорят по-русски, а тогда в Турции по-русски не говорил никто.

Группа, как и любая группа, выезжающая по «Спутнику» за рубеж, на 70% состоит из рабочих. Это ударники коммунистического труда, кто-то кандидат в члены партии, кто-то член комитета комсомола, с разных заводов и фабрик. Еще 30% – это интеллигенция, сотрудники каких-то научно-исследовательских институтов. Зам. главного редактора какого-то комсомольского журнала был в группе у меня заместителем. Кандидата наук, специалиста по фармацевтике назначили в нашей поездке главным медиком. Но никто не знал ни одного иностранного языка.

Плюс, как потом выяснилось, в состав входили еще два молодых человека а-ля по линии КГБ. До этого к КГБ они не имели никакого отношения, но так как при поездке в капстрану обязательно надо, чтобы был представитель КГБ, их вызвали в комитет и дали ответственное задание.

Такая вот группа из 30 человек. Нам рассказывают, что там уже жара. Нам объясняют, что можно брать с собой 2 бутылки водки на человека, блок сигарет, банку

икры. И еще можно поменять 16 рублей. «Спутниковский» автобус везет нас в Шереметьево. И уже через три часа мы прилетаем в Анкару.

В самолете с нами летят какие-то дядечки из советского торгпредства. Такие уже сильно взрослые дядечки, с нашими девчонками разговаривают. Мы прилетаем, трап, нас встречают, причем нас встречали именно у трапа, не в зале. Проливной дождь, ветер и холод. А на всю группу 3 куртки и 2 зонтика. Первое несовпадение с обещанным. Гид, который знает французский, английский, немецкий, итальянский, турецкий – всего семь языков, по-русски знает только «картошка», «икра» и «водка». Потому что нет у них туризма с Россией, им этот язык ни с какой стороны не нужен. И он пытается на одном из ему знакомых языков что-то говорить и осознает, что мы ничего не понимаем. Так, совсем не понимая друг друга, на автобусе, на котором мы потом проедем всю страну, мы, замерзшие и промокшие, приезжаем в гостиницу.

Нас расселили в хорошие двухместные номера. Но почему-то нет воды – ни в умывальнике, ни в туалете, ни в душе. Как потом выяснилось, накануне в Анкаре произошел террористический акт. Взорвали единственную водонапорную башню в столице. Поэтому воду дают лишь на 2 часа в сутки по районам.

Выручила водка: ею умывались, растирались, приводили себя в порядок. Кроме водки, которую все привезли с собой, другой жидкости с собой не было.

Все деньги группы у меня. Обычно в капстраны разрешали менять по 30 рублей, а здесь почему-то решили, что нам хватит по 16 рублей. Пока все умываются водкой, я с большой суммой русских денег пытаюсь выяснить, где можно их поменять.

Обменных пунктов много, вечер, еще не слишком поздно, но везде курс разный, и понять, где выгоднее, где – нет, сложно. Помимо разного курса еще и проценты, другие тонкости.

Я решила посоветоваться. Первое, куда я звоню – это в посольство, что логично. Мне объясняют: сегодня пятница, короткий день, все на торжественном мероприятии по случаю дня рождения Владимира Ильича Ленина. Там будет какое-то заседание, а потом будет показ фильма, а потом фуршет. В общем, в посольстве сегодня никого не будет. А завтра все на субботнике – коммунистический субботник – это важно, поэтому завтра тоже никого не будет. Воскресенье – выходной, а в понедельник к вам кто-нибудь приедет. Я говорю: мы в понедельник уже должны быть в Памуккале. В ответ – ничем помочь не можем.

«Дядечки», которые из торгпредства и которые кокетничали с нашими девушками, тоже какие-то телефоны свои оставили. Звоню им. Говорят: «Мы можем вам подсказать, поменять. Но вы нам девочек сюда пришлите». Звучало это несколько странно. Я положила трубку.

Ситуация складывалась не из приятных. Но совершенно неожиданно к нам приехал наш консул, которому все-таки информацию передали, и он посчитал, что мы важнее торжественного мероприятия, фильма, фуршета, приема, субботника и выходного. Поэтому вечер и полностью следующие два дня он провел с нами. Для начала он объяснил всей группе, что здесь стреляют из каждой подворотни, здесь военный режим, выходить по одному вообще нельзя, здесь постоянно что-то взрывают. Рассказал и про теракт на водонапорной башне. Короче говоря, все плохо. Но, тем не менее, сейчас он нас всех везет кататься по ночному городу на нашем турецком автобусе.

И я, наконец, успокоилась.

На следующий день обзорная экскурсия по городу, музеи. И мы с переводчиком, в роли которого выступает консул. Фантастическая привилегия. Пара юношей куда-то опоздали. Консул с ними побеседовал, пальчиком им погрозил, они покраснели. Оказалось, что это наши сопровождающие по линии КГБ. Больше они не опаздывали.

Вечером консул нас повез на дискотеку. Дорога по ночному городу ошеломила. В Москве широкие улицы, мало машин, все ездят по правилам. Это потом в 90-е годы будет много машин, пробки и нарушение всех правил. Но за 20 лет до этого я все это увидела в Анкаре: как сигналя, обгоняют друг друга, как поворачивают из третьего ряда направо. То, что происходило на дороге, производило очень странное впечатление.

Но, в целом, город как город. Тепло, нормально. Но пусто. По городу никто не гуляет, передвигаются только на машинах, подъезжают парами или компаниями к ночным клубам. У нас в Москве на улице всегда кто-то есть, даже в 90-е годы, когда старались вечером не выходить, но все равно какой-то народ был. Тут же ночью на улице идеально пусто. Причем это было не только в Анкаре, но и в Стамбуле, не говоря уже про другие города.

На следующий день у нас очередная экскурсия по городу, привозят в какой-то квартал, мы выходим. Видим – картонные коробки для упаковки. Они как-то наставлены, склеены. Получается целый квартал из таких коробок, и в них живут люди. Оттуда высыпает какой-то рой, дети 5-8 лет. Гид знал, куда он нас везет и что здесь будет. Он взял с собой пакет дешевых конфет. Раздает им, кидает, только чтобы они близко к нам не подходили. И нас быстро проводят мимо.

Ребята едут в автобусе, я с консулом на его машине. На перекрестке выскакивает какой-то мальчишка, лет 10-11, на костылях, без ноги. И начинает чем-то сбрызгивать лобовое стекло, мыть.

Ничего похожего в 1978 году у нас не было. Каждый раз в одной, в другой, в третьей стране я сталкивалась с тем, что к нам пришло значительно позже. И когда к нам это пришло, я вдруг осознавала, что я это уже видела. И это были не самые приятные воспоминания.

Мальчик на костылях... Неожиданно, жалко и страшно. Впечатление несправедливости, нищеты, сильного расслоения общества. То, что военный режим – нам сказали, но мы это пока никак не ощущаем, просто пока не столкнешься – не знаешь. Но то, что маленькие дети пытаются так заработать, живут в картонных коробках, это в голове не укладывалось.

Нам надо ехать в Памуккале. Мы остаемся без переводчика. Консул из Анкары поехать с нами не мог. Чтобы выехать из Анкары хотя бы на 20 км, ему надо было за месяц проинформировать турецкие власти и получить на это разрешение. Но мы уже как-то приспособились с нашим гидом, он нам пишет на листочке: завтрак тогда-то, обед тогда-то, едем туда-то... Мы уже начали что-то понимать.

Утром в понедельник мы садимся в наш автобус в Анкаре. Дождь, холодно. Впереди примерно 500 км пути. Дорога пустынная, что-то где-то растет, где-то какие-то горы, но ничего завораживающего, интересного нет. И вдруг мы приезжаем, в прямом смысле, в рай.

Сейчас Памуккале туристами очень востребовано. И термальные источники, и красиво. Когда-то много-много веков назад произошло неимоверное землетрясение, что-то раскололось и начала вытекать горячая вода. Вода очень

насыщена кальцием, стекает из источников по ступеням и они белые от налета. Памуккале в переводе означает хлопковая гора. И все фантастической красоты. И к тому же погода замечательная, солнце.

Местность не производила впечатление туристической зоны. Некоторое количество одноэтажных домиков-номеров. Они так устроены, что ты въезжаешь с дорожки, заезжаешь в гараж, проходишь в огромный зал. Из него – одна или две спальни. Дальше ступеньки, и перед тобой бассейн, может быть, один бассейн на два домика. Бассейны не очень большие. Большой наверху, ближе к источникам, а здесь они маленькие, но вода всегда около 36 градусов, с горячих источников.

От Анкары остались нервные ощущения. А здесь спокойствие, тишина. Такое ощущение, что кроме нас вообще никого нет. И мы по два-три человека в этом домике.

Из Анкары уехали довольно рано утром, сюда приехали в середине дня, пообедали, и потом нам говорят, что ужин будет не в 7 вечера, как положено, а в 5 часов. Я стала выяснять, почему. На пальцах мне объяснили, что здесь какое-то очень большое праздничное мероприятие, и все это было арендовано заранее.

Я говорю: «Russian souvenir»... Наш гид куда-то побежал, возвращается и говорит, что всю группу приглашают на это празднество. А что за праздник, мы не понимаем.

Эффект был примерно тот же, что с моими ребятами из ПТУ три года назад в Польше. Большинство членов группы, хотя они были минимум на 10 лет старше, постеснялось идти. Они и так себя чувствовали достаточно комфортно: бассейны, свежий воздух, футбол.

Но с нами увязались несколько других иностранцев, которые жили одновременно с нами в Памуккале.

Оказалось, что это помолвка, если на наш теперешний лад переводить, сына губернатора этой области с его девушкой. По местным меркам, это большое событие. На следующий день вышли местные газеты, где были фотографии, публикации.

Это было очень похоже на наши азербайджанские, среднеазиатские свадьбы. Человек триста точно было. Какая-то выпивка, по-моему, на столах стояла. Хотя чтобы кто-то там напился или сильно пил – такого не было. Тосты, в основном, произносили мужчины, причем начиналось вроде бы со слов, а потом это переходило в пение, такой речитатив, длинно, красиво.

Молодых осыпали золотыми монетами или золотыми украшениями, на поднос клали деньги. Играл оркестр, специально приглашенный. Тут выясняется, что этот оркестр, ну не оркестр, а, скорее, квартет, из Югославии, до этого гастролировал по СССР и они неплохо знают русский язык. Они нам и объяснили, что это не свадьба, а помолвка. Мы с собой довольно много разных сувениров везли на все случаи жизни, в том числе и пластинки. Я руководителю квартета говорю: «Пластинка», он: «Четыре». Ну нет вопросов, принесла им каждому по пластинке. Дальше свадьба уже танцует под нашу музыку – «Калинка», «Распутин». Турки с удовольствием танцевали, всем было очень весело, все были очень довольны.

На следующий день бассейны, походы на источники. А еще мы решили провести незапланированный футбольный матч между обслуживающим персоналом гостиницы и нашими ребятами. У нас все рослые, а турки были какие-то маленькие. Приз победителю – бутылка водки и бутылка ракии. Естественно, наши выиграли. Но мы туркам водку

все равно подарили из наших уже скудных запасов. Мы там были, как и в Анкаре, два с половиной дня. И здесь, как и в Анкаре, не обошлось без технических накладок. На второй вечер на пару часов отключилось электричество. Но никого из нашей группы это совсем не расстроило.

Потом – очередные 500 километров, мы едем в Измир. По дороге мы останавливаемся, рядом какие-то раскопки, наш несчастный гид садится на землю и что-то начинает рисовать, пытается нам объяснить. То ли это два века до нашей эры, то ли это какой-то правитель под номером два, вот где мы, вот что здесь было... Он это всем нам на пальцах показывает. Фотоаппаратов нет, видеокамер нет и телефонов нет. А потом, в Москве, ты понимаешь, что был в уникальном месте. Когда-то здесь был Пергам. Масса греческих мифов связана с этим местом, сын Аполлона здесь ходил, какие-то еще события необыкновенные происходили. И пергамент – это тоже оттуда.

Здесь была библиотека, на которую римляне заглядывались, и Александрия заглядывалась. Египтяне запретили в это место поставлять папирус, а какой-то местный умелец из козлиных шкур научился делать пергамент. Но это уже потом мы узнали. А что именно пытался нам рассказать гид, мы так и не узнали.

Соседний город сегодня по-турецки называется Бергам. Помимо библиотеки, дворцов, акрополя и всего остального, там была одна из первых в мире психиатрических клиник. Воздух, источники – этим лечили психически больных.

Если говорить о городах, где мы были, то впечатление самого неухоженного, какого-то захламленного, произвела Анкара. В Измире было по-другому.

Гуляем по городу и видим афишу фильма «Эммануэль». Кассет тогда еще не было, фильм никто не смотрел,

но многие (если не все) о нем слышали, музыка из фильма уже была знакома. Мы решили пойти в кино. Дневной сеанс, центральный кинотеатр, примерно, как наша «Россия» на Пушкинской площади, большой зал. Идти толпой в 30 человек вроде как нехорошо. Мы разделились на небольшие группки. Все вместе, но не одной делегацией. Первая группа «отважных» вошла в дверь, украшенную афишей, соответствующей «Эммануэли». И сильно изумилась, когда им начали раздавать ключи - оказывается, попали они совсем не в кинотеатр, а куда-то или в «гостиницу на час» или типичный публичный дом. До кинотеатра и эта группка добралась к началу сеанса.

Входим в зал. Приглушенный свет, кино еще не началось, идет реклама. Тебе могут принести прямо в зал чай или кофе.

В кинотеатре сидит пожилая пара и несколько солдатиков. Ряды, в основном, пустые – сеанс дневной. Наша группа расселась в разных местах – билеты ведь каждый сам себе покупал, про конспирацию не забываем.

Моего заместителя в группе, сотрудника журнала ЦК, на место проводил молоденький мальчик с фонариком. У советских собственная гордость: наш соотечественник дал ему на чай ровно половину всех денег, которые у нас были. В темноте, на самом деле, не разглядел, что за купюра... Но не будешь же обратно просить!

Нам, как всегда, сильно «повезло» с языком. Фильм был не дублированный, а с субтитрами на турецком. Что-то мы, конечно, понимали, о чем-то догадывались, что-то потом выясняли. Из неожиданного – в Турции запрещено показывать голых мужчин. Если в эротической сцене женщина голая, то это нормально, а если мужчина – эту сцену вырезали. У нас тогда тоже часто из импортных фильмов вырезали

те или иные сцены – политические, эротические. Но делали это достаточно аккуратно, чтобы не бросалось в глаза, и оборванных сцен не было. А здесь напрямую вырезано и склеено так, что эта склейка видна, как будто кадр перескочил куда-то. В общем, приобщились к культуре, ознакомились с шедевром мирового кинематографа и прибавилось тем для рассказов по возвращении.

А еще в Измире я купила замечательные спицы и несколько клубков шерсти. Так что теперь в дороге я могла не только смотреть по сторонам, но и вязать. Еще до Стамбула я успела связать себе жилетку и шарф.

Всю дорогу – а ехали мы больше суток – водитель нашего автобуса крутил одну и ту же кассету. Музыка нам, на удивление, понравилась. Когда мы уезжали, водитель эту кассету нам по нашей просьбе подарил. Я ее привезла в Москву, и она до сих у меня. Мелодии очень похожи на азербайджанские. Но эта кассета, переписанная почти всей группой, напоминает нам Турцию 1978 года.

Еще наблюдение. В моем номере руководителя всегда были цветы и фрукты... Но в ресторане гостиницы, несмотря на статус руководителя группы и цветы в комнате, обслуживают, в первую очередь, спутников-мужчин. Женщина не может получить еду раньше мужчин. Мужчина главное, даже если руководитель – женщина.

Дальше из Измира мы едем в Бурсу, по дороге у меня температура за сорок, отчего, почему – понять невозможно. Вирус, наверное. Ни кашля, ни насморка, просто жуткая температура. Заднее сиденье освободили, меня там уложили. Каждые час-два девочки меня обтирают, переодевают, потому что все мокрое. Гид и водитель очень взволнованы, решили сократить путь. В результате мы приехали на 2,5 часа позже, потому что заблудились, поехали не туда. Когда

мы приехали в Бурсу, был поздний вечер. Расселение, хотя обычно я составляла списки, кого, где, куда, на этот раз прошло без меня.

У молодого человека, который у нас исполнял роль врача, была аптечка. Он и мой заместитель принесли мне кучу таблеток, говорят, что их надо выпить. Я объясняю, что мне нельзя столько таблеток, но они и слушать не хотят. И пока я все не выпила, они не успокоились. Температура упала почти до 35 градусов, они ушли, закрыв снаружи комнату ключом. Часа в два-три ночи я просыпаюсь, у меня опять температура под сорок. А дверь заперта снаружи.

Телефон есть в каждом номере, звоню. Ночной портье, которому я на чисто русском языке объясняю, что у меня температура, мне плохо, естественно, ничего не понимает. Женщина звонит ночью... Что она от него хочет? Он кладет трубку.

Я опять звоню. Вот так мы довольно долго объяснялись, потом все-таки он поднялся на этаж. Стучит с той стороны, я ему объясняю, что у меня нет ключа. Я думаю, что никакого языка кроме турецкого он не знал, ну, по крайней мере, русского – точно. Но в итоге понял, пошел, принес ключ.

Дальше я ему фамилии этих двух моих врачей-называют, они как раз были в одном номере. Портье разбудил их, привел. Они мне отдали ключ, я не помню, стала ли я принимать таблетки или не стала, но, главное, я могла сама себя открыть и закрыть. Утром пригласили врача, который так и не смог поставить хоть какой-то диагноз. Зато полная миска клубники свежего урожая, буквально только что с грядки, принесенная то ли от гостиницы, то ли от гида, оказалась лучше любого лекарства. Свежая, вкусная, настоящая.

Утром я, пошатываясь, иду к балкону, по-моему, это был второй или третий этаж. С балкона смотрю и вижу, что моя несчастная группа ходит кругами и не знает, чем себя занять. У них планы все рушатся. Гид их не может увезти без меня. Я знаю, что людям неуютно. Видимо, это на меня сильно подействовало. К двенадцати часам дня уже никакой температуры, все прошло. Не помню, куда мы там ходили и что мы там делали, но во всяком случае все были рады, что я в строю.

Последний переезд – Стамбул. Как и любой портовый город – это уже не Турция, это что-то гораздо более интернациональное.

В первый день нас везут в Голубую мечеть, в Айя Софию и во дворец султана. В общем, традиционный туристический маршрут. Здесь надо снять обувь, здесь нельзя в короткой юбке, и т.д. Айя София и Голубая мечеть производят впечатление, но не ах! – ну ковры и ковры, по коврам какие-то блохи прыгают, ты босиком, немножко дискомфорта, не сильный, но присутствовал. Дворец султана, по крайней мере у меня, не знаю, как у остальной группы, вызвал другие ощущения. Я читала «Тысячу и одну ночь», какие-то еще восточные сказки, но только теперь мне становится вдруг понятно, что такое восток.

У нас приходишь в Грановитую палату или в Оружейную, и это произведение искусства. А там стоит кресло, которое трон, и огромные булыжники его украшают, но это не булыжники, это драгоценные камни. Они огромные, но необработанные. Как на таком троне сидеть? Выходишь на балкон, а внизу – отвесная стена. Мраморное море, Босфор, высота необыкновенная, дух захватывает, и очень легко представить, как отсюда кого-то сбрасывают неугодно. Здесь был гарем, здесь были янычары, здесь такой двор,

здесь такой. Довольно мрачные, полутемные помещения, фантастических размеров алмазы необработанные, в каждой закоулке очень сильное ощущение истории.

Это ощущение проговаривалось всеми этими предметами, тенями, поворотами и полумраком. Что-то совсем-совсем величественное, но не в нашем привычном понимании. Оно очень массивное, очень темное, очень подозрительное и к тебе, и к любому. Такое концентрированное ощущение Востока, Османской империи. Ты, конечно, понимаешь, что ты в музее и здесь ходят туристы с экскурсоводами. Но то, что в голове здесь (в Стамбуле, Турции) у этих людей что-то другое, чем у нас и они по-другому смотрят на мир, стало понятно именно тут (это было единственное место, где возникло такое острое ощущение).

Вообще в Стамбуле была масса впечатлений, самых-самых разных. Вот мы едем в автобусе и параллельно движению автобуса посреди улицы идет демонстрация. Приближается 1 мая. Конечно, она должна быть посвящена Международному дню солидарности трудящихся. Мы все к окнам. Гид: закройте занавески. А дальше опять же на пальцах объясняет, но мы уже научились его понимать, что это фашисты местные идут к тюрьме требовать, чтобы освободили четырех их главарей, и с ними лучше дела не иметь. И мы вдруг осознаем, что колонна демонстрантов совсем для нас непривычная, одни мужчины, локоть к локтю. Тихая, мрачная, напористая, уверенная в себе колонна.

Гостиница, почти центр, с балкончика виден Стамбульский университет. Не знаю, целиком ли он здесь помещался или какая-то его часть. И там забастовка студентов. Усмирять их едут танки. Все это на наших глазах. Танки непривычного цвета, голубые. Потом какие-то дымовые шашки. В городе беспорядки. А мы наблюдаем с балкончика.

Глядя оттуда, все происходящее кажется действием какого-нибудь старого фильма о войне и подпольщиках. Вот «партизан» пробежал, оглянулся, кисточкой что-то помазал, убежал. За ним – другой, что-то наклеил и убежал. Вот точно также у нас на глазах с ведерком, с кисточкой, намазал стенку, приклеил один листок, второй. Убежал. Все это в ночное время. А на следующее утро три человека с четками в руках стоят и отдирают эти листовки. И это явно не городские службы и не полицейские.

Одни расклеивают призывы к первомайской демонстрации. Другие, те, кто отдирал, принадлежали к другой группировке, видимо, фашистской. На улицах довольно много книжных развалов. Можно увидеть и Гитлера, и Троцкого, и Ленина, и Сталина – все, что хочешь, на разных языках мира. Стамбул многоязычный и многонациональный.

Первые пару дней у нас экскурсии и обязательный поход на рынок. Он огромный. Если далеко уйти, то там можно заблудиться или – попасть вообще в другое измерение (шутка). Но когда километр тянутся сплошные лавочки с золотыми украшениями, это впечатляет. При этом заходишь в одну, другую, третью и в глазах уже все мельтешит. Понимаешь, что можно дойти до конца, все равно будет одно и то же. Следующий ряд – это какие-то дубленки, следующий – джинсы. И так далее.

Денег нам, как вы помните, поменяли очень мало – 16 рублей. Их уже, считай, не осталось. И тут выясняется, что это не проблема! Если в Измире, в Анкаре можно было что-то купить только на турецкие лиры, то в Стамбуле на что угодно: на рубли, на джинсы, на водку – все было валютой.

Каждый хотел что-то купить. Дубленку, кожаную куртку, золотую цепочку, подарок жене. При наших валютных запасах оставалось только торговаться. Взяв с собой остатки водки

из неприкосновенного запаса, можно было договориться совсем хорошо. Народ был очень доволен, что я с ними хожу и чего-то выторговываю. Причем и продавцы не знают языка, и я не знаю языка. Да и не очень умею по жизни торговаться. Но это когда ты сам для себя, тебе неуютно. А когда для кого-то, такой возникает азарт, радость. Так что базар на нас тоже произвел большое впечатление. Я там купила белые тонкие вельветовые джинсы, иду в них, и турки тут же мне предлагают на эти джинсы поменять что-то. Это было очень смешно.

У многих из этих лавочек стояли свои зазывали. Они, мне кажется, не получали зарплаты, только какие-то чаевые им давали. Так вот, они очень радовались, если удавалось затащить кого-нибудь внутрь. Начинаешь объяснять, что денег нет, ничего нет, но тебя все равно сажают за столик, начинают поить чаем и кофе: «Ну и ничего, вы только скажите, что я здесь, вот моя визиточка».

Это было совершенно ненормально с нашей точки зрения. Даже если я кому-то расскажу, кто придет в Стамбул? Практического смысла, как нам казалось, в этом не было. Тем не менее, они были очень гостеприимны, очень приветливы, всячески старались тебе понравиться, независимо от того, купишь ты или не купишь. Им, похоже, было нужно просто пообщаться, показать соседям, что у них сидит гость, а в соседней лавочке никто не сидит.

А на третий день, ранним утром 1 мая, нам объясняют, что все иностранцы должны выехать из Стамбула на Принцевы острова. Это вынужденная, а не запланированная экскурсия, как и многое в этой поездке было незапланированного. Ровно год назад в Стамбуле были беспорядки, пострадали люди, поэтому сейчас было принято решение всех иностранцев из города вывезти. И мы по воле случая или местных властей попадаем в очередную сказку. Принцевы острова

– уникальное место, выход из Босфора в Мраморное море, девять островов, где всегда жили и живут очень обеспеченные люди. Транспорта до сих пор никакого нет, только гужевой. Пешком или на осликах, лошадках.

Питьевой воды тоже нет, ее привозят. Зато розовые кусты – фантастической высоты! Ты голову задираешь, чтобы увидеть. Не куст, а дерево. Нас – это всех иностранцев, боюсь сказать сколько, но больше тысячи точно, сажают на паромы. И вот эти паромы идут по Босфору, по Мраморному морю. Прекрасная солнечная первомайская погода.

И вдруг наши голосистые девчонки в микрофоны начинают петь «Катюшу», «Подмосковные вечера». И с других паромов, которые были рядом, начинают подпевать, сначала неуверенно, а потом все громче, и каждый на своем языке. Это фантастическое ощущение. Советские песни на разных языках над Босфором. Настоящий день международной солидарности, хотя об этом никто, наверно, и не думал. Если бы кто-то запел английские или на французские песни, может быть, тоже бы подхватили, но никто другой не запел. А наши запели. Известные, популярные во всем мире песни, и ощущение было, что весь мир тебе подпевает, хотя каждый пел на своем языке.

Нас высаживают на остров. Завтрак, в гостинице мы съесть не успели, нас рано увезли. Хозяин этого ресторанчика, где мы сидим, объявляет – по случаю Дня Международной солидарности всем бесплатно кофе от заведения. А это дорогое удовольствие, у них очень вкусный чай и очень вкусный кофе. Мы в ответ – сувениры, подарки.

Потом экскурсия по острову на осликах. Троцкий здесь четыре года жил, когда его выгнали из России. В общем, водят, показывают, а понять что-то сложно без нормального русского. С розами нагляднее.

И еще мы понимаем, что никогда в жизни больше на Босфоре не будем, и несмотря на то, что вода еще холодная, хорошо, если градусов 16-18, решаем – надо купаться!

Но на всякий случай, чтобы никто не заболел, после заплыва каждому «наперсток» водки (ее мало уже осталось). Рядом собрались иностранцы, наблюдают за нашим нырянием. Потом подходят и говорят, что купаться вслед за нами не рискнут, но можно ли им тоже «наперсток»? Какое-то очередное братание... Никто этого специально не планировал, но получилось – праздничная первомайская прогулка.

И опять в ресторан, теперь уже на обед. Он прямо на берегу Мраморного моря, сплошное стекло, очень красивый зал, бесконечная смена блюд, каждое блюдо подается на новой горячей тарелке, красиво, классно. И все морепродукты, какие только есть. Я понимаю, что я об этом читала у Хемингуэя, и это все, наверное, очень вкусно. Что больше я никогда этого не увижу, потому что у нас таких продуктов нет. Здесь же их выловили и тут же тебе подали. Я понимаю, что я консерватор, но я не могу это есть... Так, вилок поковыряю, и мне меняют тарелку.

А наш рабочий класс и устрицы, и омары, и других морских гадов, сколько ни меняли, столько и ел. Причем с таким удовольствием, будто всю жизнь только это и делали. Они не сильно задумываются, что и как надо правильно есть. Это их никак не расстраивает, не стесняет, им вкусно, им красиво, им празднично. Фантастика.

Мы возвращаемся в Стамбул. На тех же паромах. Уже достаточно поздно. Во время ужина мы дарим подарки гиду и водителю. И тогда гид и водитель решили продлить праздник – и уже за свой счет везут нас в очередной раз по мосту из Европы в Азию, потом назад в Европу. (Надо сказать, что

проезд по мосту платный). Потом остановка на берегу и они нас угощают кофе.

На берегу пустынно, но мы не одни. Идет какой-то мужчина и две девушки. А у нас с собой коробка шоколадных конфет. Я же гостеприимная девушка, я к ним с коробкой конфет. Он пьтится, девушек отгоняет. Гид меня пытается вернуть назад. Опять же, как потом на пальцах нам объяснили, может быть, я не совсем точно поняла, но этот мужчина был с двумя проститутками. А проституткам вообще не положено никакого угощения, он их сам угощает, а не кто-то там на улице. Плюс к этому, они же не знают, какой мы шоколад привезли. Вдруг он с вином, а это категорически запрещено. Или эти конфеты на свином жире изготовлены. Гид с водителем с удовольствием ели наш шоколад, а те – ни в какую.

Последний вечер в Стамбуле, завтра мы улетаем. И так хочется пойти погулять по городу, а все сидят в гостинице по номерам и играют в «дурака». Я хожу из комнаты в комнату, упрашиваю – ну пойдемте, погуляем...

Но они хорошо помнят, что рассказывал нам консул в Анкаре – стреляют, опасно... Только один парень, крупный такой, работяга, ему, видимо, меня просто жалко стало, согласился. Мы идем, гуляем. Тихо, пусто, народу нет в ночное время. И такое впечатление, что мы заблудились, хотелось бы уже спросить, как нам куда поворачивать.

Но не получается. Если человек один идет, и мы к нему приближаемся, то он от нас начинает убегать. Нас боится. А если большая кучка, человека три, женщины не ходят, а ходят одни мужчины, то мы на всякий случай в сторону.

Кого-то мы все-таки вылавливаем, нам показывают на карте, где наша гостиница, и мы идем. А парень этот,

который пошел со мной, смотрит на часы и говорит: «Уже 11 часов, ругать нас будут, что поздно...» Я спрашиваю: «Кто?!» И он мне начинает объяснять, что если придешь позже 11 вечера, то... И он не воспринимает, что я рядом с ним, больше ругать некому. Это было очень смешно. Мы пришли позже, чем в 11, и нас, естественно, никто не ругал.

Утром мы на автобусе выезжаем в аэропорт, прощаемся с гидом, с водителем, получаем от него в подарок ту самую касету, которая звучала все дни поездок и переездов и стала уже родной, садимся в самолет. Самолет «Аэрофлота». И тут нам объясняют, что мы сейчас полетим в Анкару, потому что там дочка Косыгина, и ее надо забрать. Нас никто не высадит, мы останемся в самолете. Самолет заберет ее, и мы вместе полетим в Москву. Мы прилетаем, забираем дочку Косыгина, разворачиваемся и летим на Москву.

А в Москве в Шереметьево оказывается нелетная погода, нас не принимают и отправляют в Домодедово. Все это очень долго и хочется курить. Валюта между тем у нас уже кончилась давно, последним мы сложились, чтобы мой заместитель, который на «Эммануэль» дал чаевые, смог хоть какой-нибудь сувенир домой привезти. Самолет наш, советский, аэрофлотовский, и в самолете тогда еще можно было курить. Но сигареты у всех уже закончились, а купить можно только за валюту. А ее уже нет.

И вот это раздвоение сознания – почему на своей собственной территории ты не можешь на свои собственные деньги купить на всех хотя бы одну пачку сигарет? Это было очень обидно, при том, что в самолете кормили, поили. Но курить было нечего.

Приземляемся в Домодедово, а Домодедово тогда был не международный аэропорт, а обычный, для внутренних рейсов. Если он не международный, то таможни нет.

Дочку Косыгина сразу встретили и увезли. А больше никого из самолета не выпускают. Сидим. Вентиляция уже выключена, дышать нечем, при этом холодно. В Стамбуле все-таки 3 мая намного теплее, чем в Москве. Правда, у нас теперь не только три куртки, но еще и пару дубленок и кожаная курточка.

Каждые 10 минут кто-то проходил по салону: проверка паспортов, открывают-закрывают, уходят. Через 10 минут: проверка паспортов. И так продолжается 2 часа, пока таможня из Шереметьево едет в Домодедово. И хоть сегодняшних пробок нет, все равно путь неблизкий, а им надо было еще собраться. Приезжают, устанавливают какие-то загородочки, нас, несчастных, выводят.

Спрашивают: «Сколько вам меняли?». Я говорю: «16 рублей» – «У вас есть какие-нибудь претензии к кому-нибудь?» – «Нет» – «Проходите». И вся моя группа, просидевшая два часа в душном и холодном самолете, благополучно минует таможню.

Глубокая ночь, мы вышли на улицу. Автобус, заказанный «Спутником» для встречи нас, по-прежнему, стоит в Шереметьево. Ему же никто специально ничего не скажет. А сам водитель не встанет и не пойдет узнавать, задерживается ли рейс? Хорошо, что нескольких человек в Шереметьево встречали родственники и друзья на машинах. Они выяснили, рванули, доехали раньше, чем доехала и расположилась таможня. Но машины смогли забрать только часть людей.

Автобус так до утра в Шереметьево и простоял. А мы – прождали его в Домодедово.

Так закончилась поездка в Турцию. Что я могла написать в отчете, который с нетерпением ждали от меня в ЦК КПСС? Демонстрации фашистов? Военный режим? Студенческие забастовки и голубые танки на улицах Стамбула?

Об этом, наверное, писали зарубежные газеты. Что в лавочках ждут наших туристов? И обычные граждане дружелюбны? Но разве это интересовало ЦК? Отчет я так и не написала. И, как не странно, мне никто об этом не напомнил.

Через сорок лет, имея опыт многих зарубежных путешествий, я понимаю, что это была одна из самых интересных поездок. И все мое сопротивление ей было явно неправильным. Да, это была очередная родина предков. Я сумела побывать на родине дедушки в Польше, а теперь получается, и на родине прапрабабушки в Турции.

Но главным открытием или подарком была сама наша группа. За две недели ни один человек не обиделся, не расстроился, не капризничал и не предъявлял претензии. Промокли – высохнем. Нет воды – зато есть водка. Не поменяли деньги – завтра поменяют. Нет переводчика – сами поймем что-нибудь. Наши соотечественники попадались нам дурные – всякое бывает. Нельзя купить сигареты за советские деньги в советском самолете – подождем пару часов. Прилетели не в Шереметьево, а в Домодедово – все равно мы дома, в Москве. Автобус не встречает – но уже можно позвонить из автомата домой, что прилетели, что все нормально и утром, когда откроется метро, будем дома.

Зато была радость от футбольного матча и «Эммануэль», от Памуккале и Принцевых островов, от покупок и прогулок. Когда еще столько увидишь за две недели?! И все

живы и здоровы, хотя танки и демонстрации были совсем рядом.

А может быть, символом поездки стали те песни над Босфором, когда впервые оказавшись за рубежом (а для большинства эта поездка была первой), все вдруг почувствовали единение с другими людьми, ощутили себя частью этого большого и интересного мира.

На сером небе Скорпиона
Алеют яркие знамёна.
Трудящиеся всей столицы
Азартно будут веселиться.
Шампанское шипит жемчужно -
Его мы шандарахнем дружно!

77
мзр

5 ряд партера, самая середина, мягкие кресла... Я проваливаюсь в сон...

Мы редко ходили с сыном в театр. Когда ему было года четыре, в театре Гоголя его сильно напугал дракон. Этот дракон ему несколько ночей снился. И мама решила, что сказки с драконами впечатлительному мальчику вредны. А еще Андрюшка много болел, и мама боялась инфекций. Он так и не был ни на одной елке в Кремлевском Дворце Съездов, куда я каждый год получала билеты. Зато дети знакомых, друзей и родственников были довольны. Но на сей раз мы все-таки пошли в театр. Андрею уже 12 лет, пьеса о Толстом, мама была не против. И вот мы в 5 ряду, в самой середине, такие мягкие красные кресла... Я засыпаю, так хорошо...

Во время подготовки к торжественным мероприятиям обычно организовывали продажу дефицитных книг, билетов в театры, продуктовых заказов. Не очень думая о том, в каком я буду состоянии на следующий день после торжественного мероприятия, я купила два билета в Малый театр. И теперь пытаюсь бороться со сном. С одной стороны, мне очень хочется окунуться в этот мягкий теплый сон, и какие-то монологи на сцене очень способствуют этому, а с другой стороны, как же ребенку должно быть стыдно. Надо было купить билеты в ложу, там спящая мама, наверно, меньше привлекала бы внимания.

В этот раз дефицитные билеты, книги и продукты продавались в рамках подготовки к юбилейной комсомольской дате.

Подготовка к торжественному заседанию ЦК ВЛКСМ, комсомольского актива Москвы и Московской области, посвященному 60-летию ВЛКСМ, которое отмечалось в Кремлевском Дворце съездов, началась задолго до события. Программа согласовывалась и утверждалась. Президиум – Бреж-

нев и Политбюро, секретари ЦК ВЛКСМ. Вынос знамен. Приветствия. Речи. Выступления. Поздравления. Пионеры. Ветераны. Иностранные гости-коллеги. Праздничный концерт. В общем, все по полной программе, почти как на съезде комсомола, который прошел весной того же года, тоже в КДС, только еще торжественнее. Каждый пункт отдельно согласовывался. Проверялся. Утверждался. У каждой конкретной части были свои ответственные.

А еще был такой маленький пункт – рассадка в зале. В Кремлевском Дворце съездов, который все всегда называли КДС, более 5 тысяч мест. Солидная часть – 1000 мест отдана в распоряжение ЦК комсомола, часть не очень большая – мест 500 Московскому обкому комсомола. Остальная часть – почти 4000 мест Москве. Поначалу все шло гладко. 33 московских райкома комсомола составили списки, в которых были студенты, рабочие, молодые ученые и специалисты, представители творческой интеллигенции, ветераны, освобожденные комсомольские работники, военные, спортсмены, школьники, учащиеся техникумов и ПТУ – т.е. все категории комсомольского актива, в зависимости от специфики района, утвердили эти списки на бюро РК и сдали в горком. Свои списки составили и сдали городской совет ветеранов, КМО, «Спутник», пионерия и многие другие городские организации. И эти списки тоже согласовали и утвердили. Оставалось выписать именные билеты, указать ряд и место в партере, амфитеатре или на балконе, приложить к каждому билету коробочку с подарочными памятными значками и раздать по районам и организациям. Этим и занимался сектор подготовки и переподготовки комсомольских кадров, который я в тот момент возглавляла. Недели за две до торжественного заседания все включенные в утвержденные списки получили свои билеты и памятные значки.

И тут-то все и началось.

Сначала позвонил один секретарь райкома, потом другой: «Заболел ветеран», «Передовик уехал в командировку», «У актера съемки в другом городе». Потом я обзвонила все районы. Картина примерно одинаковая: человек 300 не смогут быть. Но коробочку со значками все хотят оставить себе на память вместе с именным билетом.

Меньше одного процента возможной неявки, но это все равно залысины, проплешины, пустота. А с другой стороны – забыли включить в первоначальный список ветерана. Обиженных и забытых ветеранов было больше всего и в районах, и в городе. Но не только ветераны оказались забыты и обижены. И чем ближе приближалось торжественное заседание в КДС, тем больше появлялось просьб выдать пригласительный билет.

Логическая задачка с четырьмя неизвестными. Свободные места у районов есть, но просто так они их не назо-

вут. Надо точно знать ряд и место. По выписанному именно-му билету другой человек пройти не сможет – вход не только по билетам, но обязательно по документам, строгий контроль, все-таки Политбюро почти в полном составе. Где взять коробочки со значками? ЦК ВЛКСМ, который эти значки заказывал, категорически отказывается до окончания мероприятия выдавать коробочки сверх согласованных мест и списков. Дать «забытым» пригласительный билет, но не дать коробочку, значит обидеть человека второй раз. И при этом желательно обеспечить полную 100-процентную явку.

Задача – обеспечить местами тех, про кого забыли, и сделать так, чтобы не было никаких пустых мест. А это значило, что нужно достать еще 300 дополнительных коробочек со значками.

Произошло невозможное, наши секретари сумели убедить цеховских секретарей, и значки мне дали.

Дальше я договариваюсь со всеми первыми секретарями райкомов – вы называете все освободившиеся места, называете новые фамилии конкретных забытых людей, я выписываю новый билет, выдаю коробочку, но половину свободных мест забираю для нужд горкома. Все на это пошли с удовольствием, потому что и пустые места им не нужны, и получить дополнительные билеты для тех, кто действительно достоин, они без меня не могут. И уж лучше они «потеряют» половину, чем будет просто пустота.

У одних районов места на балконе, у других в амфитеатре, у кого-то даже в партере – всю эту картинку примерно на 150-200 мест я держала в памяти, нигде ничего не записывая. Периодически меня вызывал первый секретарь: «Сколько есть мест?» – «А сколько вам надо?» – «Нет, ну вот...» – «Вы скажите, кому надо, я выпишу». – «Но сколько еще

есть?» – «Я не знаю». Последние трое суток я из горкома уже не выходила. Пустых мест в КДС не было. Обиженных, кажется, тоже не осталось.

Не удивительно, что после этих безумных дней и бессонных ночей мне так хотелось спать в мягком уютном кресле в партере Малого театра.

Удивительно другое – без утвержденных и согласованных списков я, по сути, провела, пропустила в КДС, где были почти все члены Политбюро и лично Леонид Ильич Брежнев, 300 человек. Я волновалась об обиженных людях, о коробочках, о пустых местах. Но не о безопасности. Мысль о том, что кто-то из прошедших может быть буйном, дебоширом или террористом вообще не могла прийти в голову.

29 октября 1978 г. в КДС все прошло отлично.

А 30 октября в Малом театре мой сладкий сон все время прерывался мыслью, что моему сыну не понравится ходить в театр со спящей мамой.

Колебаний у меня не было – когда мама и папа журналисты, – кем еще можно собираться стать? Я, естественно, планировала идти на журфак. Но для того, чтобы туда поступить, обязательно надо было иметь опубликованные работы. И вот я, в свои 16-17 лет – внештатный корреспондент журналов «Семья и школа», «Дошкольное воспитание» и «Народное образование», с какими сотрудничали родители, но заметки писала сама.

Рассказывала своим сверстникам, таким же 15-17-летним детям и их родителям о том, какие есть профессии. Профессии должны быть разные. Я позвонила по телефону Александре Пахмутовой, представилась, сказала, что мне нужно интервью для журнала «Семья и школа». Она мне по телефону все наговорила. Я ей перезвонила, рассказала, что получилось, она завизировала.

С шеф-поваром ресторана «Берлин», который рядом с «Детским миром», я встречалась. Его фамилию Лягушкин невозможно забыть! Лягушкин оказался на редкость интересным дядькой. Он обслуживал, насколько я помню, Ялтинскую конференцию, где были Рузвельт, Черчилль и Сталин. Рассказывал, кто что любил, кто что ел.

Я думаю, что интерес к кулинарии, особым меню, другим аспектам, связанным с приготовлением еды, у меня возник, во многом, благодаря общению с ним. Я всю применяла свой интерес в своей профессиональной деятельности.

Однако, когда в 1964 году закончила школу и со-

бралась поступать на журфак МГУ, в правила приема добавили еще обязательные два года стажа для абитуриентов журфака. Хотели таким образом набрать более взрослых студентов, после армии и с трудовым стажем. И я поступила на филологический факультет МГУ, на вечернее отделение.

Тогда же я познакомилась со своим будущим мужем, который учился в авиационно-технологическом институте. Но журналистика Сашу интересовала, он фотографировал неплохо и практически сразу мы уже с ним вместе стали публиковаться, примерно в тех же журналах. В результате Саша стала журналистом-международником, закончив журфак МГУ. Мы быстро поженились, родился Андрюша. Через три года мы расстались. Это случилось в 1967 году.

Я стала искать постоянную работу. Однажды меня пригласили наВДНХ, поинтересовавшись, правда, перед этим моим размером одежды. Я решила, что им нужны авторы в отраслевые журналы, которые там издавались, а по поводу размера подумала про униформу для сотрудников. А когда туда приехала, оказалось, что набирают манекенщиц в павильон межотраслевых тематических выставок. И я стала демонстрировать моду. Хотя была нетипичной манекенщицей – в то время модель должна была быть совершенно плоской, а у меня бюст... Но по другим параметрам я подошла. 1968 год – год мини-юбок, к моим ногам претензий никаких не было. Правда, однажды я упала и разбила колени – демонстрировать их публике было нельзя, и меня переключили на брючную коллекцию.

Показы проходили три раза в день. Оформлена я была не манекенщицей, а экскурсоводом. Получала 91 рубль – вполне приличную по тем временам зарплату. Показы для зрителей были бесплатными.

Год я проработала там, а потом павильон решили пере-

профилировать в павильон межотраслевых тематических выставок. Всем манекенщицам предлагают уйти по собственному желанию, но я отказываюсь. Уволить меня было нельзя – я мать-одиночка. Мне предложили заниматься пионерским лагерем и рассчитывали, наверное, что я откажусь. А я согласилась и это стало началом моей карьеры в комсомоле.

Не все шло гладко, но в мою бытность старшей пионервожатой наш лагерь стал лучшим в Москве и получил много дипломов. Я училась и закончила университет. Была членом комитета комсомола ВДНХ, дружинницей. Меня рекомендуют в члены партии. Однако, с первого раза в члены партии меня не принимают, хотя по объективным показателям работы все хорошо. Это ЧП, когда кандидата не принимают в члены партии. Но как-то все сложилось именно таким образом, кого-то не устраивала моя слишком активная деятельность и нетерпимость. Но через месяц на следующем партсобрании меня приняли в члены партии уже единогласно.

И я отработала старшей пионервожатой еще одно лето. Одна коллега из павильона работала в лагере педагогом и попросила меня взять ее мужа на смену вожатым. Он работал в горкоме комсомола заведующим сектором кадров. Меня отговаривали – мол, это проверка изнутри, но скрывать мне было нечего, и он проработал всю смену вожатым. А в конце предложил работу в горкоме комсомола у него в секторе.

Так я стала «подснежником» – подснежниками назы-

вали людей, которые числились на одной ставке, а работали на другой должности. Меня оформили секретарем комсомольской организации Союза композиторов, но занималась я, естественно, кадровыми вопросами всех комсомольских организаций города.

В горкоме комсомола в секторе подготовки и переподготовки комсомольских кадров я проработала пять лет. Когда меня утверждали руководителем сектора, единственная просьба ко мне была – носить юбки подлиннее, чтобы не смущать руководство!

В нашем секторе находились личные дела всех освобожденных комсомольцев, номенклатурных и т.д. всей Москвы. Все перемены в личных делах, все карьерные движения надо было утверждать на бюро горкома.

Плюс раз в год требовалось сдавать огромные отчеты в ЦК комсомола по движению комсомольских кадров за год. Отдельно были «простыни» по освобожденным, по первичным, по секретарям. И никто из заведующих орготделами не мог сдать отчет с первого раза. И я в результате устроила им обучение, объяснила, как что правильно делать. У меня с математикой всегда было хорошо.

Через меня прошло огромное количество кадров, я видела их рост, учебу, личную жизнь... Но никогда сама не пользовалась теми знакомствами, которые там возникали. Я, как ластиком, стерла из памяти все детали.

До смешного дело доходило, когда однажды мне через длинную цепочку рекомендаций посоветовали обратиться к Валентину Полякову, которого я же когда-то рекомендовала на свое место зав.сектором при уходе из горкома.

Ушла я в «Московский комсомолец» заместителем главного редактора. Главным был Лев Гуцин. Первый секретарь горкома Александр Борцов отпускать меня не хотел.

Но через несколько месяцев все-таки меня на бюро горкома комсомола утвердили замом главного редактора газеты. Для большинства сотрудников горкома и «МК» это было шоком – до того никаких слухов о моем назначении не просочилось.

Я стала первой женщиной замом главного редактора за долгие годы в московских изданиях – «МК», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Ленинское знамя». Когда Гущин меня представлял на планерке, за окном разразилась страшная гроза...

«Московский комсомолец» в то время можно сравнить с «Эхом Москвы» сегодня. «МК» разрешали печатать то, что не разрешали другим, там была «Звуковая дорожка» – о современной музыке, печатался Жванецкий, то есть, люди, которые в других местах не могли ни выступать под своим именем, ни печататься. В «Звуковой дорожке» побеждал Андрей Макаревич. Разрешали, видимо, для того, чтобы продемонстрировать у нас наличие свободы слова. Подписаться на «МК» можно было только в первый день подписки.

В газете работали отличные журналисты. Через «МК» прошли чуть ли не все известные газетчики. Андрей Орлов – сейчас известный поэт Орлуша, Андрей Васильев – легендарный главред «Коммерсанта», Леонид Трахтенберг заведовал спортивным отделом, Александр Вайнштейн у него был внештатным автором. Александр Аронов, прекрасный поэт, писал полосы. Валентин Юмашев работал в «МК» до «Комсомольской Правды», «Огонька» и работы в Администрации

президента. Сергей Устинов стал автором детективов, основал музей еврейской истории в Москве. Аня Черняховская, замечательный журналист, работала в отделе школ и ПТУ. В отделе рабочей молодежи был очень талантливый журналист Коля Ламм, они с Аней поженились. Фантастически талантливые люди, Коля с Аней. Вообще романов и пар в «МК» было много. Что не удивительно, если брать во внимание средний возраст сотрудников – наверное, лет тридцать.

Таким вот сложным, длинным путем с 1962 года, когда я начала публиковаться и стала думать о журналистике, к 1979 году я пришла в «МК». 17 лет прошло.

В «МК» я проработала до 1986 года. На воспоминания о том времени нужна отдельная книга, такое интересное и насыщенное было время.

Вот только парочка историй, которыми поделюсь. Первая завязалась в пионерском лагере «Артек», где мы с Андрюшей провели три недели в отпуске в гостевом корпусе. Это было в 1982 году. Одновременно с нами там гостил самый известный в Советском Союзе специалист по сексу – сексопатолог Игорь Семенович Кон. И я решила, что надо с ним сделать для «МК» «Воскресную встречу» – это была рубрика интервью на всю полосу в воскресном номере газеты. Звоню Лева Гущину из «Артека», чтобы согласовать интервью. Лева сопротивляется. Я уговариваю. В конце концов, Лева говорит: «Я вообще только одного человека у нас в стране знаю, который может на эту тему говорить. Это Кон.» А я ему: «Так

я его и имею в виду!» Как-то фамилию то ли я не назвала, то ли Лева не расслышал... В общем, договорились! Материал я сделала уже в Москве и мне было дорого, что Игорь Семенович считал, что это было лучшее интервью в его жизни.

Из «Артека» я вернулась в Москву страшно искусанная москитами (причем искусали только меня, Андрюшу не тронули). Лечили мои нарывы мазями, ноги забинтовали. Пришлось ходить исключительно в брюках. К чему эти детали? А выяснилось, что женщин в брюках не пускают в столовую горкома партии! А у меня там были выкуплены обеды на месяц! И что делать? Пришлось в поликлинике брать справку, что по болезни я могу ходить только в брюках! И тогда же Лева Гушин произнес фразу, которую я запомнила и несу всю жизнь. Он сказал: «Как же тебе хорошо, когда не плохо».

Хотели, как лучше, а получилось... Эта замечательная черномырдинская фраза, как и многие другие его афоризмы, появилась в обиходе страны в 1993 году, но, кажется, что она существовала всегда.

За месяц до московской Олимпиады меня отправляют руководителем группы московских комсомольцев по новой, только что изобретенной «Спутником» программе: в одном флаконе совмещены внутренний и международный туризм, да еще и объединяющий соц. и кап. страны. Объединены отдых на море и экскурсии. Обмен – 330 рублей. Это уже вполне приличные деньги. Многие ехали для того, чтобы купить себе что-то серьезное. Во всяком случае, это была одна из целей, помимо отдыха и впечатлений. А еще в этой поездке совместились все виды транспорта – самолет, автобус, железная дорога.

Из Москвы мы прилетаем в Киев. На два дня. День первый – среда. Гостиница в центре. Обеды, завтраки и ужины в ресторане этой гостиницы. Погода прекрасная. Каштаны. Прогулки. Экскурсия в Лавру. День второй – четверг. Прекрасная погода. Каштаны. Экскурсия по городу. Обед в ресторане. И нам подают котлету по-киевски... Но из рыбы... Многие, наверно, забыли, а некоторые, которые родились уже не при советской власти, вообще этого не знают – но в СССР в 70-80 годах четверг был рыбным днем. Я люблю рыбу, но приготовленная по всем правилам на родине этого блюда профессиональными ресторанными поварами киевская котлета из рыбы – это было издевательство над котлетой, над поварами и, конечно, над посетителями ресторана. Хотели, как лучше, а получилось...

Утром в пятницу мы вылетали из Киева в Югославию. В отличие от московской таможни, которая была в меру строгой, проверяла, но не зверствовала, киевская (по крайней

мере, по отношению к нам), зверствовала донельзя. Пришлось все советские деньги, что были в карманах потратить на какую-то ерунду, лишь бы от них избавиться, причем в прямом смысле до копейки. Нельзя было оставить даже мелочь. Не помогло даже предоставление документов и программы поездки, где четко значилось, что обратный путь будет не на самолете, а на поезде из Чопа в Москву почти двое суток. Это было очередное, но не последнее издевательство...

Но сначала нас ждала приятная неожиданность. Спутниковский туризм предполагал пятидневный отдых на море в молодежном лагере. Но, оказалось, этот лагерь еще не достроен. Принимающая сторона, чтобы исправить свою вину, селит нас в очень комфортабельные домики, скорее предназначенные для отдыхающих там солидных западных немцев, и явно превосходящие то, что было объявлено в нашей путевке. Прекрасный пляж, солнце, вкусная еда, дискотеки и небольшие обзорные экскурсии по местным достопримечательностям. Но главным впечатлением от выездов и экскурсий были горные дороги и то, как наш автобус умудрялся там поворачивать и лавировать. Все время было ощущение, что мы куда-то сейчас свалимся. И опасения эти были не совсем напрасны, потому что внизу мы постоянно видели какие-то машины, раньше не удержавшиеся на этой дороге и сорвавшиеся вниз. И их почему-то никто не убирал. Но мы, стараниями нашего суперпрофессионального водителя, никуда не свалились. И эти 5 дней, проведенные в загорании, купании, отдыхе, радости, остались яркой картинкой летнего отдыха.

Пересечение границы из капиталистического лагеря (а Югославия тогда по туристическим меркам относилась к капстранам) в социалистический мы почувствовали едва ли не физически. Кривая, неухоженная, какая-то горная

непонятная дорога в один момент становится широким, ровным, плоским, прекрасным шоссе. Моментальный переход из Югославии в Венгрию.

Так мы оказались в Будапеште. В верхней части города, в старинной, холмистой, зеленой Буде. Рядом с Рыбацким бастионом, замком, крепостной стеной. Почти на Крепостном холме. Живем в старинном здании, которое отдали современному учебному заведению под общежитие. Лето, поэтому оно свободно. Огромные, даже в жару прохладные комнаты, длинные коридоры, все удобства в конце этих длинных коридоров. А напротив нашего общежития отель «Хилтон».

Экскурсии интересные. Естественно, по всем достопримечательностям верхнего города. А еще обзорно-архитектурная на противоположном берегу Дуная: парламент, театр, музей. И возвращаемся по самому знаменитому подвесному мосту через Дунай, который ближе всего к нашему общежитию. Мы много ездим по городу и сами, небольшими группами. Возвращаясь, мы говорим таксисту: «Отель Хилтон». Нас подвозят к отелю «Хилтон», мы расплачиваемся, выходим. А потом, когда такси уезжает, мы гордо через улицу идем в свое общежитие.

С собой мы, как обычно, набрали много сувениров. И так как это был 1980 год, то все наши сувениры, естественно, были связаны с московской Олимпиадой. Большинство из них были олимпийские Мишки во всяких видах и вариантах, которыми было заполнена большая коробка. По ходу дела мы постоянно кому-то их дарили – гидам, водителю, экскурсоводам. Но в коробке Мишек ещё было достаточно. Еще в Москве меня предупредили, что на венгерской таможне сувениры обязательно понадобятся. И мы, помня это, оставили специальный «запас».

Но в день отъезда из Будапешта из нашего Хилтон-общежития, больше похожего на проходной двор, коробка с Мишками пропала без вести.

На автобусе мы подъехали к границе и готовимся к худшему. По правилам того времени было запрещено вывозить из Венгрии кожаные изделия. Все были предупреждены, что кожаная вещь с бирками и чеками в чемодане может быть на таможне изъята. Лучше без чеков и бирок надеть на себя. Хотя, конечно, для июльского дня жарковато. Одна девушка не только надела куртку, но даже подпоролa немножко подкладку, сделала ее уже своей-своей. Но человека три посчитали, что это неважно. И это, наверное, действительно было бы неважно, если бы у нас не украли эту коробку с Мишками.

Когда мы подъехали к границе, то до отхода нашего поезда, на который мы должны были сесть уже на советской территории, в Чопе, оставалось часа два. И таможенники об этом, естественно, знали. Автобус останавливается и первое, что говорит венгерский таможенник, войдя в автобус: «Olympic Mishka». Интонация явно не вопросительная. И все наши объяснения, что у нас украли коробку с Мишками, на них, естественно, никак не повлияли. Все чемоданы, все сумки, все пакеты они начинают перебирать, перетряхивать.

В чемоданах нашли три кожаные куртки и с бирками, и с чеками. Выяснилось, что эту куртку можно получить назад, если ты в течение года приедешь в Венгрию. Но для этого нужно сейчас все правильно оформить. Начали заполнять всякие бумажки. Это требует времени. Особенно приятно, когда эти бумаги на венгерском языке. А на таможне, естественно, знали, что у нас через два часа поезд, поэтому тянули время, как только могли.

Когда мы пересекли границу, поезд уже ушел. Следую-

щий будет только через сутки. Поменять билеты на него можно, но с доплатой. А благодаря киевским таможенникам ни копейки советских денег у нас не было. Единственным утешением было то, что это был понедельник. Понедельник, конечно, день тяжелый, но не выходной. И местный райком комсомола работал. И можно было оттуда позвонить в Москву и предупредить, что мы на сутки задерживаемся, чтобы близкие не волновались. В райкоме мне дали деньги. Отнеслись вполне по-человечески и не были при этом сильно озабочены, когда и как эти деньги к ним вернутся. Разместиться на ближайшие сутки посоветовали на городском стадионе. Лето, ночи теплые, и оттуда нас не прогонят. После доплаты за билеты у нас еще и сдача осталась. Хватило, чтобы купить хлеб.

Мы разместились на стадионе в Чопе, сидим, лежим, спим на лавках. В критической ситуации мы как-то объединились. Кто-то вез домой колбасу или сыр, кто-то печенье или конфеты. Все это мы поделили на всех. И разделили на три дня – сутки на стадионе и еще два дня в поезде Чоп-Москва, где даже чай смогли заказать. Наварное, за эти три дня мы немножко похудели. И с грустью вспоминали вкусную национальную и европейскую кухню последних 10 дней. И еще мы точно уяснили, что ни в Югославии, ни в Венгрии рыбных дней нет. Зато таможенники в Венгрии чем-то очень напоминали киевских. Наверно, хорошим к нам отношением.

Получилось, как получилось... С опозданием на сутки мы вернулись в Москву. Кто-то без куртки, кто-то без колбасы, сыра или конфет. Но все с большим набором разных ярких впечатлений и воспоминаний.

И опять была среда. До открытия Олимпийских игр оставалось 17 дней.

Черпа любит информацию
Абсолютно бескорыстно.
Но веселье или тризна,
Автостанция иль рация,
Шум любой – была б вибрация –
Ей всего дороже в жизни!

77
Левин

Февраль 1982 года, экспериментальная поездка в ФРГ. Придумал это центральный «Спутник» – бюро организации туризма для молодежи и партнеры из ФРГ. Идея была показывать не только туристические места, но школы, университеты, заводы и т.д.

В программе были: детский сад, школа, ПТУ, университет, Volkswagen, публичный дом. Публичный дом, правда, фигурировал не как публичный дом, а как «прогулка по ночному Гамбургу». Наши, видимо, просто не усекли сразу, что это. Плюс поездка в горы.

Поездка была очень насыщенная, живая. Группа состояла процентов на 70 из рабочих. Вместе с переводчиком, очаровательной немкой нас сопровождал еще один немец, который особо интересовался взаимоотношениями, социологией, политической ситуацией. Какую организацию он представлял, мы могли только догадываться.

А вся поездка, в отличие от предыдущих, была насыщена политикой. В маленьком городе Целле нас везут в частный детский сад.

Ничего похожего у себя мы не видели и не могли предположить, что так бывает. Не потому, что это было какое-то очень хорошее здание или хорошие условия... Это было совершенно другое отношение к детям. Кто хочет есть – тот ест. Кто хочет рисовать на стенке – рисует на стенке. Причем это все происходит одновременно. Там играют, поют, прыгают. Все пространство организовано так, чтобы дети занимались, чем хотят и как хотят. Открыты окна, дети в маечках в них высовываются, а это февраль, и не жарко.

Дети показали нам концерт, мы подарили коробку конфет. А на следующий день к нам в гостиницу приходит пожилой мужчина с этой коробкой, уже пустой, и начинает с нами говорить по-русски, но с трудом, и надрывом.

Оказалось, что это отец воспитательницы того детского сада. Она принесла коробку конфет домой, рассказала про наш визит. А ее отец, как выясняется, из Сибири, и даже, кажется, в 1941-м году по Красной площади прошел парадом и ушел на фронт. Воевал, попал в плен.

После окончания войны ему объясняют, что дома его ждет лагерь, в лучшем случае. Он остается в Германии. Встречает женщину, немку, на которой женится, в семье две дочери, живут в большом собственном доме. Сестру его в войну угнали в Германию и после освобождения она оказалась в Америке. С ней он позже, в семидесятые годы встретился.

Русский язык он почти забыл, ведь не разговаривал столько лет, и с нами с трудом вспоминал отдельные слова. Самое тяжелое ощущение было, что он прожил жизнь в страхе, что если он приедет в СССР сейчас, его расстреляют. И это его давило. На нас эта встреча произвела сильное впечатление.

Потом по программе у нас было посещение школы. Я пошла на урок истории. Много непривычного в порядках – например, учебники школьники оставляют в школе, на урок их приносит учитель. Ученики сидели на уроке, как угодно, развалясь, полулежа. Учитель сопоставлял захватнические амбиции России и Америки восемнадцатого-де-

вятнадцатого веков. Резануло слух и удивило.

Посетили мы и ПТУ. Огромный комплекс, где обучают по ста специальностям. Любопытный момент практики нам показали. Будущие строители в огромном ангаре строили кирпичный дом с нуля. Следующая группа потом разберет этот дом и построит свой.

В училище был большой спортивный комплекс. Все вместе – классы, практика, спортзал было на два порядка выше нашего ПТУшного образования. Еще бросилось в глаза, что очень много коллективной работы. Всех приучали к мысли, что конечный результат зависит не от тебя одного, а от группы людей и их усилий.

Следующая ступень образования – высшее. Тут удивило, что преподаватель семинара, который мы посетили, была с грудным ребенком на руках. У нее такая перевязь была через плечо. Ребенок сначала сидел там, потом она его выпустила на пол, он ползал, весь семинар играл, возился... Сценка была очень живой и неожиданной для нас, что ребенок может быть рядом с мамой на работе.

Потом было посещение Volkswagen. Мы прошли по всей нитке конвейера. Главное ощущение – фантастическая чистота! Широкие проходы, аккуратно одетые люди. И при этом очень быстро идущий конвейер, слаженная работа. Сравнить было с чем. Мы несколько раз ходили на субботники на ЗИЛ. Конвейер примерно тот же, а разница – громадная. Тут на Volkswagen было точно, размеренно и быстро. Работа конвейера воспринималась как постановочное кино, фантастика, потому что так не может быть в реальной жизни... Но именно так и было.

Еще у нас были встречи с руководством завода и профсоюзом. Говорили о роли профсоюзов, которые, судя по тому, что мы узнавали, у них явно лучше работали, чем у нас тогда.

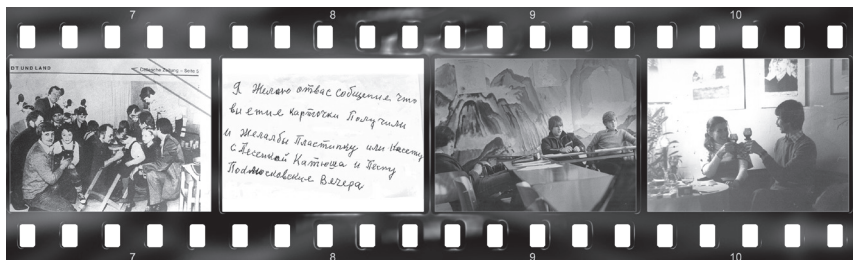
И тем более – сейчас. Могли что-то диктовать, устраивать забастовки, быть чем-то недовольными, требовать повышения зарплаты или уменьшать количество рабочих часов, настаивать на каких-то изменениях в конвейере. При том, что наши профсоюзы могли оплатить тебе путевку, детский сад, пионерский лагерь, но именно рабочие моменты их интересовали намного меньше.

Все наши встречи сопровождались репортажами и фотографиями в местной прессе. Тон был вполне доброжелательный.

В программе были встречи в городском совете Гамбурга, пивной ресторан, где мало кто смог до конца осилить огромные порции и выпить все пиво на столе.

Приглашали нас в семьи. В Целле мне с одним из членов группы выпало идти в гости к женщине с дочерью лет 18, к которой пришел бойфренд, и еще была подруга хозяйки дома. Мы привезли колбасу, вино, водку, халву. Все это хозяева убрали. На стол выставили початую бутылку вина и хрустящие палочки.

Разговор, в основном, шел вокруг бытовых тем: сколько стоит проезд в метро, автобусе, коммунальные услуги. Метро у нас тогда стоило пять копеек, трамвай – три... Хозяева нам верили с трудом. При подсчетах получалось, что у нас оплата квартиры, коммуналки и транспорта занимали примерно 10 процентов от зарплаты, а у них – 40-50. При этом

на 5 марок можно было купить складной зонт – которых у нас в магазинах не было, а у спекулянтов они стоили 40 рублей, калькулятор или проехать на автобусе.

В общем, общаемся уже долго, палочки и вино кончились, и подруга хозяйки говорит, что не прочь еще выпить. Хозяйка говорит: «У меня больше ничего нет». Но мы-то знаем, что мы привезли и выпивку, и закуску. Но молчим, мы же в гостях.

Собираемся уходить, а до места, где мы живем, надо ехать на машине. Можно на такси, но наша хозяйка просит нас подбросить бойфренда дочери. И дает ему деньги за бензин, а ехать там буквально два или три километра.

Для нас все это было ненормально и в голове не укладывалось. А там, получается, в порядке вещей.

Еще один визит у меня состоялся в семью, где были муж с женой и двое маленьких детей, дошкольного возраста. Они уже были в СССР, где-то в Сибири. Им очень нравится Россия, и хотя русского они не знают, все доброжелательно и мы как-то понимаем друг друга до тонкостей. Хозяйка мне показала, как готовить пирог – на немецком и на пальцах. А я смогла озвучить рецепт – сколько яиц, какая последовательность и т.д. – правильно!

Далеко не все визиты в семьи прошли под таким знаком доброжелательности. Формально все было вежливо, но при этом с элементом недоверия и даже, пожалуй, с издевкой.

Запомнилась и прогулка по ночному Гамбургу. Район красных фонарей поразил. Запомнилось, что многие девушки в витринах вязали... Туда, где девушки стояли на улице, наши сопровождающие повели только мужчин из группы. Там на них был большой спрос, и нашим пришлось в срочном порядке ретироваться. Ни денег на такие развлечения, ни привычки к чему-то подобному на глазах у всех не было.

Поездка прошла благополучно, но осталось ощущение, что это был один из наиболее напряженных моих выездов. С бытовой точки зрения все было отлажено и вовремя – автобус, питание, расселение, никаких накладок. Но в отличие от всех предыдущих и последующих поездок, это было постоянное общение с разными людьми из разных социальных слоев, мы довольно глубоко погрузились в обыкновенную бытовую жизнь немцев и столкнулись с разными ее проявлениями.

У меня не сложилось тогда ощущения после посещения семей и увиденного, что мы дома, в Москве, плохо по сравнению с немцами живем. А что-то вообще неприемлемо было.

Потом, через несколько лет, в Москве на каком-то приеме я встретила с немцем с принимающей стороны и нашей переводчицей. Немец вспомнил, как я на его вопрос, кто может возглавить СССР после Брежнева, назвала фамилию Андропова. И поскольку именно так и случилось, он меня посчитал очень осведомленной. И тут он продолжил засыпать меня вопросами. Но рассказывать мне было нечего. Так что шпионской истории не вышло!

Не в кабинете Друг народа,
А в ванне принимал Шарлотту.
Там наш Марат не мыслил празднo,
А Робеспьера обличал.
Шарлотта де Корде напрасно
Ему вонзила в грудь кинжал!

A stylized, handwritten signature in dark ink, possibly reading 'М. Гусев' or similar, located at the bottom right of the text block.

" УТВЕРЖДАЮ "

Директор Комбината питания
Управления делами МК и МГК КПСС

А.Лихачев.

Редакция газеты
"Коммунистическая Коллежия"
тов. Осиповой Г.В.

" 19 " *апреля* 1982г.

СЕКРЕТАРЮ _____ РК КПСС

Тов. _____

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА

Тов. _____

20, 21, 22 апреля 1982 г. производится прием заказов
на продукты в столовой № 1, Старая площадь дом 10.

Выдача заказов будет производиться 27, 28, 29 апреля с.г.
с 16 час. до 20 час. в помещении столовой № 2 на пр.Серова,
вход со двора, подъезд № 4.

АССОРТИМЕНТ ПРОДУКТОВ СТОЛА ЗАКАЗОВ

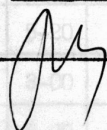
Наименование	Един. измер.	Цена	Норма от- пуска	Зака- зано	Выпол- нено	К сплате
Мясо фасов. Ик. Ис I/I000	кг	2-05				
Индейка импортная	"	3-20				
Куры венгерские	"	3-00		1шт	1.16.	3.18
Гуси импортные	"	2-00				
Утки импортные	"	2-20		1шт	2.28.	5.02 ✓
Корейка свиная сырая	"	2-60	I кг	1кг.	1.13.	2.94 ✓
Вырезка	"	2.88	I кг	1кг	/	2.88
Кета с/п	"	8-80	I кг			
Севрюга г/к I с	"	I3-20		250г.	0.2.	2.64
Ветчина I/454	бан	I-90	2 б.	2б	2.	3.80
Колбаса с/к	кг	5-20	I б.	1б	0.78	4.06
Колбаса п/копченая	"	3-00				
Колбаса саями венгерская	"	5-20	0,6	0,6	0.82.	4.22 ✓
Кофе б/р	бан	6-00	I б.	1б	/	6.
Балык в/ж I/I80	"	2-50	2 б.	1б	2.	5. ✓

Масло сливочное в/с	кг	3-60	I, 0	0,5 кг	0,81	2.22
Колбасный фарш	бан.	0-72	I 6	15	1	0.22
Паштет	"	0-52	I 6	15	1	0.52
Сельдь I/106 в вин.соусе	"	0-48	I 6	15	1	0.48
Шпроты I/250	"	0-92	2 6	25	2	1.84
Северюга в т/с I/250	бан.	I-50	I 6.			
Масло топленое Ис I/450	бан.	I-72	2 6	25	2	3.44 ✓
Икра зернистая I/113	"	5-50	2 6	25	2	11-
Икра кетовая I/I40	"	4-20	2 6	25	2	8.40
Крабы I/240 в.с.	"	2-40	I 6	15	1	2.40
Печень трески I/320	"	0-95	I 6	15	1	0.95
Лосось I/245	"	I-00	2 6	25	2	2.20 "✓
Майонез	"	0-51		55	5	2.55 "✓
Огурцы маринованные	"	0-50	I 6	15	1	0.50
Томат паста I/460	"	0-55	I 6	15	1	0.55
Томаты конс. I/800	"	0-40	I 6	15	1	0.40
Зелёный горошек I/360 I с.	"	3-25	2 6	25	2	0.50
Дрожжи		0-07		4 пак	4	0.28 ✓
Хрен	"	255		15	1	0.55
Яблоки	кг.	I-50		1 кг.	1.4	2.10
Апельсины	"	2-00		1 кг.	1.32	2.24
Огурцы св.	"	2-00		1 кг.	1.43	2.86 ✓
Помидоры св.	"	2-50		2,5 кг	1.32	3.30
Крафт пакет					2 кг	0.20

В заказе необходимо указать день и время его получения

" 29 " декабря 16 час.

Буфетчица

91.29

О дефиците в годы Советской власти складывали анекдоты. Образы «зав.склад», «зав.маг» были увековечены Аркадием Райкиным в его миниатюрах. Слово «достать» в условиях тотального отсутствия необходимых для жизни товаров (вовсе не предметов роскоши) царило у нас долгие годы и воплощало мучительные поиски чего-то нужного, от туалетной бумаги до пальто и т.д.

Я хорошо вязала. В Москве купить шерсть или нормальные спицы было практически невозможно, но можно было через знакомых на подмосковной фабрике достать ровницу. За рубежом меня поражало обилие шерстяных мотков и вариантов спиц. Когда мы были в Турции я купила шерсть, спицы и во время наших долгих переездов из города в город связала себе жилет и шарф, которые потом долго носила.

Вязание сильно облегчало проблему с гардеробом, хотя и не решало проблем с обувью, стиральным порошком и всем остальным.

Проблему с сапогами мне помог решить водитель горкомовской автобазы – им давали талоны на пошив обуви в ателье МК и МГК КПСС. А в редакции «Московского комсомольца» такими талонами не обеспечивали сотрудников. Готовые сапоги тогда достать было практически невозможно. Этот водитель пожалел меня, что я зимой хожу в туфлях на каблуке и подарил мне талон.

В здании издательства «Московская правда», где находились все московские партийные издания и «Московский комсомолец» была столовая и несколько буфетов. Снабжение – для начала и середины восьмидесятых – весьма неплохое. В буфете продавали сосиски, иногда «азу» и «гуляш» – тогда набегала очередь, но на всех не хватало.

Мне, как заместителю главного редактора, полагались продуктовые заказы четыре раза в год: к Первомаю и другим

праздникам. В 1982 году оформить заказ можно было аккуратно в день рождения В.И. Ленина, 22 апреля, а получить уже через несколько дней.

Салат из печени трески в банке, кстати, был одним из украшений типичного советского застолья. Никто тогда о здоровом образе жизни не задумывался, и, если удавалось дефицитную банку достать, то печень трески шла в салат.

Дефицита в рецептах у меня никогда не было. Не то, что две банки горошка на человека в заказе Комбината питания Управления делами МК и МГК КПСС.

Я всегда любила готовить. Но из чего? Например, могла сделать печенье из картошки. Рецепт такой. Задача: у вас есть немножко картошки, примерно килограмм, как сделать из нее то, что накормит и удивит весь стол?

Почистили, поставили варить килограмм картошки. Вот она почти-почти сварилась, не разваливается еще, но уже сварена. Сливаете и в дуршлаг. Протираете ее через дуршлаг в миску. Пюре должно быть нежное, добавляете туда масло, один желток для связки, немножко соли, дальше, если хотите, немножечко цветной травки. Все это перемешали, не взбили, а именно перемешали, и в кулинарный мешок, который для выдавливания украшений из крема.

На противень стелем фольгу и выдавливаем из рукава разные, какие захочется, фигурки. Кругленькие, плоские, высокие, какие угодно. У вас из этого килограмма картошки получится полный противень.

И этот полный противень ставите в духовку на 20-30 минут. Или на 15 минут – это зависит от плиты и от температуры. Доводите печенье до состояния такой загорелой картошечки, которая внутри мягкая, и – все!

Дальше это можно есть горячим, можно – холодным, на следующий день. Получается как печенье. Если вы делае-

те жульены, то вокруг можно парочку эти печений положить, а можно просто поставить на стол в миске. Съедается моментально. Оно заменяет и хлеб, и гарнир.

Конечно, картошку можно отварить или пюре сделать. Сытно, вкусно, но... Даже молодая картошка, и то как-то выглядит буднично. А если на сильно избалованный деликатесами стол поставить печеную картошку, то это совсем другое дело. Обваливаешь чистенькую картошку в семечках, зеленой травке, нанизываешь на специальное приспособление с заостренными «лапками» и ставишь запекаться в духовку.

К приезду своих родственников из Канады (это уже был конец 90-х и появились продукты) я решила приготовить рыбу. Купила живого карпа, почистила, внутрь положила молотые грецкие орехи с зеленью. А сверху, перед тем, как его жарить, вместо муки – семечки. Обваляла карпа в семечках. Выглядело это очень красиво, вначале все даже боялись к этому карпу притронуться, а потом не могли оторваться.

Особенно я любила готовить для гостей. И готовила всегда необычные блюда. Просто накормить гостей мне было не интересно.

Помню, что когда-то, когда толком продукты купить было невозможно, мы с Андреем сделали огромную сладкую корзину эклеров. Эклеры в форме орешков, грибочков разных видов – белые и мухоморы, цветочков с разной начинкой и разных цветов. Получилось красиво.

Когда Андрюшка был еще «подручным» и помогал мне на кухне, мы довольно часто делали домашние пельмени. Он мог довольно тонко раскатать тесто, а у меня руки слабые, я раскатать тесто не могу.

Среди моих фирменных блюд были «Наполеон», который мама очень любила, и грибной суп, настоящий, из белых грибов.

меню нашего застолья.

Меню можно было, конечно, напечатать и распечатать. Но это неинтересно. А вот от руки написать разными способами намного интереснее. При этом всю блюда должны были иметь какие-то свои, особенные названия. Навыки придумывать звучные названия мне и по работе помогали.

На открытие ресторана БИН-клуба мы делали меню, все наименования придумывали свои, в определенной стилистике.

[illegible][illegible][illegible][illegible][illegible]

какие-то из жульенов вместо сметаны добавляла майонез. В какие-то не клала лук или курицу.

А чтобы потом, когда достанешь из духовки, их можно было различить, на ручках завязывала разноцветные бантики. Это для одного, это для другого, это для третьего, а это для всех остальных...

Или горячее мороженое. Делается очень-очень быстро. Но когда все уже сидят за столом, заранее нельзя.

Нужны: кусок теста, который не пропускает тепло (это может быть купленная круглая вафля, готовая, не обязательно ее для этого печь), брикет мороженого (которое называется «48 копеек», например) и 5-6 свежих яиц.

Первым делом разбиваете яйца, отделяете белок от желтка, аккуратненько, чтобы желток не попал в белок. Затем белок взбиваете в пену, добавляете в нее немножечко сахарной пудры.

На вафлю кладете мороженое, заливаете все это взбитым белком, чтобы мороженое было полностью закрыто. Ставите в духовку, которая разогрета уже градусов до двухсот, ну не меньше 150. Если взбитый белок с сахарным песком просто положить на противень, то у вас получится безе. Покрывая мороженое, безе образует корочку, не пропуская горячий воздух.

По времени - каждая печка по-своему держит температуру, это надо смотреть, но не меньше 3 минут, иначе безе просто не запечется, и не больше 5 минут. Но духовка уже до этого должна быть горячая, чтобы ее не разогревать вместе со всем содержимым.

Можно побрызгать ромом, коньяком, виски — чем угодно, просто побрызгать, оно не особо пропитается, и поджечь. Оно будет гореть!

И вот вы вносите, желательно в темную комнату, не-

что горящее. Начинаете резать и класть на тарелки. Все видели, что это горячее, горячее, вынутое из плиты. А оно – на самом деле холодное!

Тут, конечно, важно, чтобы никто не видел мороженое и как вы взбиваете белок. Это тонкое место – заранее взбить белок и поставить его в холодильник нельзя. Он должен быть свежий. Поэтому все надо делать, пока гости сидят, беседуют.

Вафля горячая, безе горячее, а мороженое холодное. И оно получается очень красивое и по сочетанию, и по вкусу, самое главное, что неожиданное. Вообще это блюдо из королевской французской кухни, известно уже, по крайней мере, три-четыре столетия.

Особых секретов здесь нет. Нужно только поэкспериментировать немного с плитой, чтобы понять, сколько времени надо на запекание, ставить противень выше или ниже. Но я думаю, что даже если что-то немножечко потечет, все равно все будут удивлены и довольны.

Или ледяная ваза. Берутся две миски одного фасона, но чуть разных размеров, одна чуть больше, другая чуть меньше. В первую наливаете немножко воды, вставляете в нее вторую миску. Когда вы вставите миски друг в дружку, вода должна между ними подняться почти доверху.

Тонкость в том, что вода выталкивает миску, а если вы положите внутрь верхней миски что-нибудь тяжелое, она встанет дном на нижнюю. А надо, чтобы между верхней и нижней мисками была вода на палец или два толщиной. Секрет: используйте скотч. Вы его наклеиваете крест-накрест, и верхняя миска держится на той высоте, на которой вы ее закрепили.

Чтобы было интереснее – набираете какие-то маленькие листики, зеленые, сухие, искусственные, натуральные,

и когда вы уже все закрепили, осторожненько вилочкой или ножичком раскладываете их в слое воды, чтобы образовался какой-то рисунок. Потом ставите миски в морозилку. Через сутки вынимаете.

Снимаете скотч. В течение 10-15 минут лед чуть-чуть подтаивает. Снимаете по очереди миски. Потом ставите ледяную вазу с вмерзшими в нее листочками и цветочками опять в морозильник, чтобы ваза была наготове.

Мы это обычно делали летом, чисто летнее меню, поэтому наполняли ягодами – клубникой, малиной... То есть тем, что не будет течь, и кому этот холод поможет сохранить-ся. А оно будет через лед красиво просвечивать. Должны быть натуральные ягоды, а когда их съедят, можно спрятать вазу обратно в морозилку. Она, конечно, немножко подтает, но, в принципе, на два-три раза ее хватит.

Это вещи, которые требуют не затрат, а времени. Но они создают какую-то необычную атмосферу за столом. Опять же, если устроить конкурс по названиям блюд, которые у вас даже ежедневные, но каждый их переименует в какое-то событие по ассоциации с теми, которые случились на этой неделе. Возможности здесь неограниченные, главное, чтобы людям было интересно, удобно, уютно.

Однажды мои друзья с маленькими детьми 8-10 лет поехали в Испанию, еще в 90-е годы. Вернулись, привозят мне необыкновенные какие-то вилочки. Рассказывают, что увидели их дети и сразу сказали, что их надо купить мне в подарок. Все мои друзья знают, что я не только люблю готовить, но и обожаю всевозможные приспособления.

На круизном теплоходе я побывала в Финляндии, Дании, Швеции, Норвегии, Германии и Голландии. Как раз в год Ларисиной и Андрюшиной свадьбы. Андрей два месяца жил в Роттердаме. Лариса была уже в положении. Свадьбу плани-

ровали по возвращении Андрюши.

Когда наш круизный лайнер прибыл в Амстердам, Андрюша приехал, забрал меня на сутки в Роттердам.

А по дороге во всех странах я заходила в разные магазины, где продавали посуду. В одном из них я купила специальные вилочки для бутербродов в виде жениха и невесты. А еще в другой стране в другом магазине 6 вилок для вареных початков кукурузы.

Вначале я купила 6 вилок. Потом вернулась на корабль и поняла, что их должно быть как минимум 18, а, может быть, и 32.

Идти снова в магазин мне было одной скучно, я кого-то уговорила, причем со мной пошла довольно большая толпа. Но тут выясняется, что я уже не помню, куда я заходила. У кого спросить – тоже не знаю. Что это было – хозяйственный или какой-то другой магазин? – тоже не помню. Но самое смешное, что в совершенно чужом городе мы его все же нашли. Оказалось, что этих вилок еще есть как раз двенадцать штук. С тех пор в моем меню появились вареные початки кукурузы, которые всегда пользовались неизменным успехом.

А когда вернулись в Москву, до свадьбы оставалось дня три. Позвонила Ларисина мама, и сказала, что она купила, я уже не помню точно, но три килограмма такого мяса, три килограмма такого...

Я пришла в ужас, потому что я очень не люблю, когда три килограмма чего-то. Считаю, что все должно быть очень маленькое. Я приверженец французской, а не, предположим, немецкой кухни, где огромная свиная нога с гарниром, и уже вылезти из-за стола нельзя.

Мне надо, чтобы было очень много всего и малюсенького: тарталетки, жульены, помидоры черри с сыром на дере-

вянных шпажках и т.д.

В Андорре вместе с Васей и Гришей мы купили необычные почти кукольные жилеты с бабочкой, пуговками и кармашками. Когда открываешь бутылку и наливаешь, то волей-неволей с нее текут капли. У всех капает. Официанты в таких случаях оборачивают бутылку салфеткой. А вот для того, чтобы без салфетки обойтись, бутылки на столе могут сразу стоять в таких жилетках.

Приятно, когда на столе бутылки в жилетках, тарталетки с вилочками и шпажками, но главное, что тебя не ограничивают восемью баночками зеленого горошка в год.

В тех заказах я брала все дефицитные продукты по максимуму, хотя это и стоило половину моей месячной зарплаты, еще и потому что мама хотела обеспечить всех знакомых и родственников.

В 3 часа ночи по Пушкинской улице двигалась МОСовская черная «Волга». Тогда еще улица была Пушкинской, МОСовский номер что-то значил (а именно, что машина - из гаража горкома или обкома партии), да и дата была значимая. Ночь с 12 на 13 ноября 1982 года. Улицы были совершенно пустынные. И милицейский патруль сразу же почуял жертву - черная «Волга» с тремя девушками в салоне. Явно водитель какого-то начальника решил в ночи подработать. Милицейская машина устремилась за нарушителем.

10 ноября всегда отмечался день советской милиции. И по телевизору в прямом эфире традиционно показывали очень красивый, яркий концерт, потому что никто из звезд никогда не отказывался выступать перед милицейской аудиторией. А тут концерта нет. Хотя он и объявлен в программе. И все сразу лопатками, хребтом почувствовали: завтра будут ТАССовки по Брежневу.

Главные редакторы московских ежедневных газет, которые находились в одном здании на Красной Пресне, отправили своих курьеров в библиотеку – за подшивкой марта 1953 года. За прецедентом. После похорон Сталина первых лиц не хоронили.

Утром стали приходить ТАССовки. Официальная информация была строго регламентирована: какого размера должна быть фотография, где и на сколько колонок размещен текст. И всё один в один совпадало с тем, как это было почти 30 лет назад. На третьей полосе уже без такой строгой регламентации ставили свои собственные материалы: минуты молчания с заводов, фабрик, совхозов, из вузов и школ.

Сдача очередного номера сильно затягивалась. Официально утренние газеты должны быть подписаны «в печать» не позднее 11 часов вечера. Если подписывали позже, то должны были платить штраф типографии.

Но в дни похорон Брежнева эти правила не работали. В час ночи будет подписана газета, в два или в три – не важно. Главное, чтобы не было ошибок, чтобы было все точно, вычитано корректурой и проверено цензурой.

«В свет» с 12 на 13 ноября газета была подписана почти в три ночи. И совершенно вымотанная дежурная бригада (дежурный редактор, дежурный заместитель ответственного секретаря, «свежая голова»), которая в тот раз состояла только из женщин, чего почти никогда не бывало, разместилась в салоне «разгонной» машины редакции.

Москва идеально пустая, более пустая даже чем во время Олимпиады, когда она ночами была совершенно пустой. Мы едем по Пушкинской улице. К нам пристраивается милицейская машина. Останавливают. Ну, остановили и остановили, нам уже все равно. Мы уставшие, мы вымотанные, выжатые, сонные, сидим в машине в полудреме. Газету подписали, все...

Милиционеры долго не отпускают нашего водителя, дотошно рассматривая его документы и путевой лист. А мы спим. Наконец открывается дверь и водитель, который всегда обращался ко мне на «вы», но имени, в этот раз очень вежливо говорит: «Наталья Михайловна, простите, пожалуйста, можно ваше удостоверение?»

Удостоверение, фамилия и должность в котором точно совпадали с фамилией и должностью в путевом листе, сразу же милицейский патруль. Наш водитель не успел еще забрать бумаги, как милицейская машина просто исчезла, растворилась в ночи, как будто ее и не было.

В течение следующих трех лет похороны повторялись с упорным постоянством. И Москва уже не была такой пустой даже по ночам. И уже никто не доставал старые подшивки, все знали, какой текст куда ставить.

Направлен транспорт весь на город,
А в городе несчастном грохот.
Там от машины до машины
Автограф: выхлопы бензина!
Шоссейный шум в безумном стиле
Ещё, увы, не запретили!

78
Лазарь

1985-й год – начало перестройки и гласности. Также в мае этого года начал действовать «сухой закон» и отпраздновали сорокалетие Победы. Два последних момента очевидным образом друг с другом не вязались. С одной стороны, было принято решение о «сухом законе», а с другой стороны, понимали, что ввести запрет на спиртное перед сорокалетием Победы просто невозможно. Поэтому празднование и введение сухого закона немного по времени развели.

В конце апреля-начале мая я по партийной линии ездила в составе группы в Алма-Ату для проверки средств массовой информации Казахстана. Такое достаточно рутинное мероприятие для того времени, проверка на предмет всего.

Слухи о «сухом законе» ходили определенные, все о нем знали, но закон не был еще обнародован. Это «знание» накладывало некоторый отпечаток на происходящее. В частности, на наш визит. Понятно, что все проверяющие делегации такого рода, как наша, старались принимать максимально гостеприимно и хлебосольно. Но здесь, видимо, была и еще одна задача – выпить все запасы, пока еще можно.

Завтраки похожи на обильные ужины, обеды тянутся по несколько часов. Огромного барана делят на кусочки и разносят гостям. Про каждый кусочек произносят свой тост. Если ушко – это означает то-то и то-то. Если хвостик – то-то и то-то. Каждая отрезаемая часть проговаривается и, естественно, надо выпить. И так в каждом селе, куда мы приезжаем.

Работать в таких условиях особо не получалось. Я в комиссии отвечала за молодежную прессу. Остальные – за партийную, профсоюзную. Значит, если я не сделаю, никто не сделает. Есть-пить в таком количестве, как предлагалось, я просто не могла. И вот пока идет застолье, я, по возможности, старалась выйти и пройтись.

В одном селе забрела в «красный уголок», где лежало огромное количество подшивок газет на разных языках – всех, кроме русского. Казахского языка я, естественно, не знала, и, тем более, языков этих народностей. Но по верстке и фотографиям я умудрилась за час составить верную картину о том, какие события и как освещала местная пресса за последние несколько месяцев (подшивка была с января). Когда я потом все это рассказала, у принимающей стороны был ужас в глазах. Как я разобралась с этими статьями на неизвестных мне языках, как я вообще что-то поняла, для них было удивительно. Но примерно в таком ключе наша «проверка» и происходила.

Но главное, что принимающей стороне даже не очень было важно, что мы напишем. Им, конечно, хотелось, чтобы мы подчеркнули хороший и ценный опыт. Но попыток на нас надавить в этом плане я не помню. А вот все эти разговоры о том, что «сухой закон» наступит через неделю, что надо пользоваться моментом – вот это запомнилось.

Такая атмосфера была в апреле-мае того года. Сам закон был опубликован 17 мая 1985 года и вступал в силу с 1 июня 1985 года.

Так вот, наша делегация Комитета защиты мира ехала в Чехословакию в связи с сорокалетием Победы. Отбывали мы как раз 17 мая, а возвращались – 1 июня. Конечно, совпадение дат не могло не влиять на происходящее.

Основная часть делегации – это ветераны, которые освобождали Чехословакию в 1945 году, Герои Советского Союза, орденосцы, другие заслуженные люди. Помимо ветеранов войны было какое-то количество молодых людей, чтобы помочь с чемоданами, с расселением, с общением. И, как всегда, в делегации Комитета защиты мира несколько журналистов, чтобы потом это событие осветить.

Ехали мы на поезде с Белорусского вокзала и возвращались, естественно, туда же.

В поезд мы садимся вечером, в день публикации «сухого закона». Естественно, все взяли с собой бутылки с чем надо, достали, поставили на столы. Проводница бегают по вагону, пытается урезонить, призывает все убрать. Но бесполезно. Люди выпивают.

Вернулись, пересекли границу на поезде, 1 июня, в день, когда закон вступил в силу. Все радостно выходят из купе, кричат: «Ура! Вернулись! Да здравствует...» И опять достают бутылки. В общем, продемонстрировали свой протест.

Что характерно: многим из них уже за шестьдесят, некоторым и за семьдесят. Никто не производил впечатление алкоголика. Но сам факт, что им что-то запрещают, активно не нравился. И они протестуют доступным им способом.

Если на пути туда проводница возражала, но не очень активно, то на пути в Москву она была просто в ужасе, боясь последствий.

«Сухой закон», таким образом, стал такой границей, рамками самого путешествия. А внутри – несколько историй, которые имеют самое прямое отношение к нашей семье и ко мне лично.

Приехали мы в Прагу, это был первый город нашего пребывания. Вторая половина мая, старый город, прекрасная погода, все красиво, в прямом смысле – Злата Прага. Среди ветеранов, с которыми мы приехали, был Герой Социалистического Труда, строитель. Он и взрывал мосты, и возводил потом мосты, такой интересный дядечка. И вот мы с ним вдвоем пошли гулять по Праге.

Зашел разговор о его профессии, какие мосты он строил. И я понимаю, что у нас могут быть пересечения с кем-то,

кто был на Куйбышевской ГЭС. Я называю фамилии, а он их знает! Слово за слово, выясняется, что около сорока лет назад он был в нашем доме, в нашей квартире на улице Герцена. Он учился в школе с женщиной, которая потом с моей мамой училась в ИФЛИ. Его школьная подруга становится подругой моей мамы по ИФЛИ. И вместе со своей подругой он приходил в гости, он очень хорошо помнит квартиру, бабушку, папу, маму.

Все это кажется невероятным. Ну, а дальше мы практически все время проводим вместе. Мероприятия традиционные – посещения памятников, встречи с ветеранами, застолья, тосты. Все вполне парадные, вполне официальные встречи, но по этому поводу, собственно, и приехали. Довольно радушный прием. Никто нам не вспоминает 1968 год.

А потом нас почему-то (если все остальные мероприятия были понятны, а здесь я так и не поняла – почему?) везут на производство, где делали женские тампоны. Может быть, там еще что-то другое делали, но почему-то нас повели именно на эту линию.

В Советском Союзе еще ничего такого не видели, это была такая новинка. И вот берут тампон, опускают его в чашечку с водой, он набухает, все смотрят... Рядом стоят какие-то чаны с этими тампонами, еще не упакованными. Дальше – ужас и дичайшее чувство неловкости, которые у меня были тогда и остаются до сих пор, когда вспоминаю. Пожилые, заслуженные люди прошедшие все на свете, берут пригоршню этих тампонов, кладут в карман. Как некий сувенир, что-то, что они привезут домой, покажут и расскажут.

Это было, наверное, самое яркое впечатление от этой поездки. Во всяком случае, гораздо более яркое, чем все эти официальные встречи и застолья. Мне было неловко. Я, может быть, единственная из этой делегации точно понимала,

что это, зачем и для чего. Они, наши ветераны, скорее лишь догадывались. И у них в голове одно с другим не срослось, не склеилось. И вот они набирают эти тампоны как сувениры. Это было и неловко, и, главное, очень обидно.

Примерно так же чувствовала себя в 1965 году, за двадцать лет до этого, в Волгограде. Мы там были случайно, проездом. А в городе по случаю двадцатилетия Победы устроили выставку ГДР. Было довольно крупное мероприятие, много всяких экспонатов, и посетителям выдавали целлофановые пакетики с ручками, на которых было написано, по-моему, ГДР. У нас тогда пакетов вообще не было. А тут – дают и бесплатно! Все с такой радостью брали эти немецкие пакетики и выходили с ними на улицу. Считай, полгорода ходило с ними...

Был бы это любой другой город, а не Волгоград, он же – Сталинград, где еще стояли развалины после войны, то было бы другое ощущение. Но тогда на меня это произвело впечатление какого-то кошунства. И это было чувство не по отношению к немцам, а к нашим, которые так радовались этому пакетику.

И чтобы уж эту тему довести до логического конца, вот история, наверное, из 1990-го года, когда в магазинах пусто, талоны на еду, табак, спиртное... Проводим совещание с американцами, с United International Pictures по поводу проката «Унесенных ветром». Участвуют представители Комитета по кинематографии СССР, главные редакторы, в общем, люди высокого ранга, положения и возможностей.

Сидим мы в ресторане, выпиваем, закусываем, все нормально. И вот приехавшие американцы достают блоки сигарет «Мальборо» и дарят каждому. Наши соотечественники все с удовольствием берут и благодарят.

Доходит до меня очередь. Говорю: я такие не курю.

На меня все зашикали: бери, отдашь водителю. Этот американец, очень удивился, сразу оживился: «А что вы курите?». «А я без фильтра сигареты курю». «А можно попробовать?» – «Пожалуйста». Через пару недель он приехал и привез мне два блока Camel. Тут я уже не могла не взять, потому что поняла, что он специально искал сигареты без фильтра, и не один, а целых два блока привез.

Курить я их все равно не могла. Но это уже был действительно сувенир, подарок, он был лично мне. А вот раздача сигарет начальникам – меня это корбило.

Конечно, можно много цепочек вспомнить. Например, герой маминой книги, дважды Герой Социалистического Труда Алексей Улесов был одним из строителей Асуанской плотины в Египте. Они туда уезжали надолго, он был вместе с женой, жили в поселке строителей. А рядом была лавочка, где египетский продавец Али продавал разные товары. Однажды жена Улесова приходит со своей подругой в лавку, выбирают какую-то ткань, а этот Али с улыбкой на 32 зуба говорит: «Бери, дура, завтра не будет!».

Они смотрят на него с большим удивлением: «Али, что такое ты говоришь?». А он: «Сегодня приходила госпожа Мария с госпожой Верой, и госпожа Мария сказала госпоже Вере: «Бери, дура, завтра не будет», и они взяли два рулона». И это не анекдот, это абсолютная правда, рассказанная этой женщиной, которая оттуда приехала. Так что отношение соотечественников к вещам – вопрос для меня чувствительный.

Но если возвращаться в 1985-й, то из Праги мы через несколько дней переехали в Братиславу.

Тут надо сказать, что мой первый муж, отец Андрюши, в этот момент в Братиславе работает корреспондентом ТАСС. Но ТАСС, видимо, не поручали освещать наше пребывание в Братиславе. Поэтому на наши мероприятия он не

приходил, и я с ним там не встретилась. Однако, история связала нас там своеобразным путем.

В ходе одного из мероприятий нашему строителю – Герою Социалистического Труда, который строил и взрывал мосты, становится плохо. Приехала «скорая», поставили диагноз – инсульт. Что делать? Хотели его тут же перевозить в Москву. Военные готовы были прислать самолет и потом они его прислали и перевезли, но в тот момент врачи сказали, что перевозить нельзя, перемещать больного опасно.

Родственники больного в Москве рассказали об всем его ближайшей подруге (той самой, что в ИФЛИ стала подругой моей мамы). Она, оказывается, работала в ТАСС. Эта женщина знала Сашу, и она звонит ему, просит встретить дочь члена делегации, которому стало плохо. Дочь прилетает, Саша ее встречает. И останавливается у Саши в квартире, где он обитает со своей семьей, пока отца не разрешают отправить в Москву и она вместе с отцом летит на выделенном специально для них военном самолете.

В Москве мы еще несколько раз встречались – и с самим дядечкой – строителем, и с его дочерью. Вспоминали прошлое, в котором у нас оказалось так много общего.

С «сухим законом» связана еще одна чисто домашняя история. Когда пропало вино, мы начали делать свое. У нас на даче бурно росла черноплодная рябина. Мы с Андрюшей ее собирали, ставили бутылки, натягивали перчатки, которые сдувались-надувались, настраивали как надо самогонную систему, всякие трубочки и гнали вино и наливки. Оборудование для получения вина сохранилось, мастерство мы не пропили! Поскольку процесс у нас был очень правильный, продукт – очищенный, то наши вино и настойки все любили.

В «Союзинформкино», где я была замом главного редактора, выпускали для кинопроката несколько ежемесячных журналов, готовили релизы советских и зарубежных фильмов, проводили пресс-конференции с показами фильмов и занимались особыми премьерами. А какие это были фильмы! «Покаяние» мы показывали несколько дней и ночей при абсолютно полных залах, правда, залы у нас были небольшие. На ночные сеансы я, пользуясь своим служебным положением, несколько раз приглашала своих знакомых. Показы, естественно, были бесплатные, по спискам.

К премьере фильма режиссера Сергея Соловьева «Асса» в 1988 году впервые была выпущена пластинка, из итальянского хлопка сшиты брендовые майки, необычные плакаты. Премьеру решено было сделать с участием Бориса Гребенщикова, Виктора Цоя, Жанны Агузаровой, Евгения Хавтана, других известных рок-музыкантов, с андеграундной выставкой, показом мод. И «замахнулись» на проведение ее в кинотеатре «Ударник». В «Ударнике» не разрешили, сказав, что «такой фильм напротив Кремля»...

Премьерные показы со специальной концертной программой должны были идти месяц. Договорились в итоге с Сашей Вайнштейном, который руководил домом культуры Московского электролампового завода – МЭЛЗом. Саша раньше работал на этом заводе, а потом стал директором дома культуры. И вот он согласился на то, чтобы днем фильм показывался как обычно, а вечером перед сеансом шли концерты андеграундных музыкантов и показы мод от молодых модельеров. И выставка неформального искусства занимала отдельный зал. Дуня Смирнова, дочь режиссера Андрея Смирнова, и сейчас уже сама известный режиссер, там была организатором и звездой этого андеграунда.

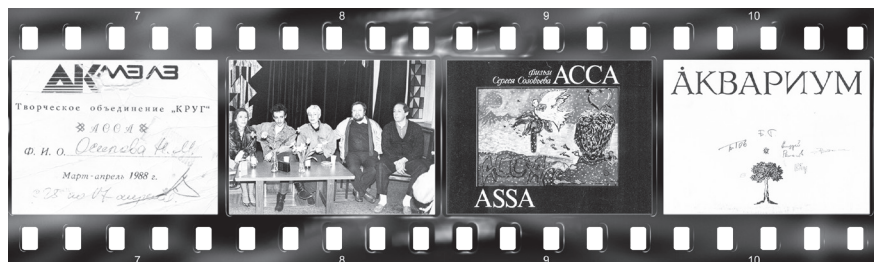
Перед самой премьерой выясняется, что на «Союзинформкино» не выделили ни одного билета. Приезжаю в ДК МЭЛЗ, вся в негодовании. Разговариваем с Вайнштейном, и выясняется, что мало того, что нам билетов не забронировали, они решили первый сеанс весь отдать журналистам, а потом, напротив, для журналистов места не бронировать. И уже продали места на практически все показы.

В общем, активно подключаюсь к работе. В первый день проверяю у приглашенных редакционные удостоверения, отсекаю всех, кто с кино вообще никак не связан. Договариваемся, что в одной маленькой ложе ставим 5 стульев для журналистов на каждый вечер. И самое главное, что каждый вечер – вернее, каждую ночь – в 24.00. – я провожу пресс-конференции с участниками премьерных показов. Сергей Соловьев, Станислав Говорухин, Татьяна Друбич, Борис Гребенщиков, Виктор Цой, Жанна Агузарова, Евгений Хавтан, Александр Вайнштейн, модельеры, художники – все выступают. Каждый раз новая тема пресс-конференции. И каждую ночь журналисты специально приезжали на эти пресс-конференции. Зал пресс-центра, созданный и оборудованный за сутки, всегда был переполнен. Наиболее активные получали билеты в 5-ти местную ложу. В результате за месяц все журналисты фильм посмотрели.

Сопровождение фильма ежедневными пресс-конференциями на различные темы андеграундной культуры – было организовано впервые в советской практике. И придумала это я.

Фильм обрывает легендами, становится культовым. Ажиотаж зашкаливает. Уверена, «Асса» стала бы культовым фильмом в любом случае, но такая мощная, до сих пор никем не виданная PR поддержка и информационное сопровождение сыграли свою роль. Журналистам, кстати, са-

мым активным, на последнем показе подарили пластинки с автографами Гребенщикова и всей группы «Аквариум». У него автографы, можно сказать, выменяла – провела всех его фанатов в зал, а он мне подписал двадцать пластинок. Одна такая пластинка есть и у меня.

Вскоре после «Ассы» ко мне в «Союзинформкино» приезжает Станислав Говорухин. Он, собственно, один из главных героев «Ассы», с ним тоже провели пресс-конференцию, он видел, как все было устроено. Предлагает поехать на фестиваль «Золотой Дюк» в Одессе, запланированный на осень 1988 года, чтобы быть заместителем Бориса Бермана по организации там пресс-центра. Мы с Борей соглашаемся.

Одесситы устраивают замечательную программу: по всему городу гуляния, дискуссии, «круглые столы». Впервые проходит ретропоказ фильмов Хичкока. Приезжает Марчелло Мастоияни. В общем, сплошной праздник.

Понятно, чтобы праздник шел без сбоев, надо работать 24 часа. Мы силами пресс-центра выпускали ежедневную газету фестиваля, проводили пресс-конференции, встречали-проводжали журналистов. Всех участников, гостей и аккредитованных журналистов привезли на одном самолете, с трапа все сходили в шляпах-канотье с надписью: «Золотой Дюк». Журналистов мы встречали прямо на летном поле, посадили всех в один автобус, сразу выдали аккредитации,

программу и ключи от номеров. Разместили всех журналистов в одной гостинице. Звучит, как будто ничего особенного, но вначале, когда мы прилетели с Берманом и Юлием Гусманом в Одессу, нас со скандалом смогли поселить лишь в двухкомнатный номер, где уже жила женщина с ребенком! Хаос творился неопиcуемый в смысле организации. Транспортом, жильем занимались одесситы и, скорее всего, у них еще не было большого опыта в таких мероприятиях. Побегать и понервничать нам пришлось...

К открытию фестиваля я уже была вымотана. Но праздник же! Делаю себе маски из смеси фруктов и овощей с рынка, сама себе делаю стрижку, надеваю вечерний наряд – и вперед! Меня, кажется, сразу не узнали, когда я вошла в зал.

Одним из спонсоров фестиваля у нас было Одесское пароходство, которое устроило для гостей специальный выход на большом корабле в море. Второй муж у меня учился в Нахимовском училище, и его бушлат нахимовца как раз была мне по плечу. Бушлат я разукрасила, соорудив из планок от комсомольских значков, янтаря и других камешков ордена и медали. Когда я на наш лайнер поднялась, народ решил, что это мне морское пароходство выдало форму!

Фестиваль некупленных фильмов в 1990-м году в Подольске получился громким и успешным. В Подольске партнером фестиваля стал Марк Рудинштейн, который готов был

предоставить площадки для показов фильмов и дискуссий и всячески хотел раскрутки, известности. В 1990-м году он обратился к моим коллегам по «Союзинформкино», те познакомили меня с ним.

Я придумываю провести в Подольске фестиваль некупленных фильмов—недавно прошел кинорынок, на котором

огромное количество фильмов осталось нераскупленными прокатчиками. Это был не просто показ фильмов (в конкурс отбирались все фильмы, которые не купили более 100 прокатных организаций из 154, которые тогда были в СССР), а дискуссии и «круглые столы» на тему, как выжить российскому кино, как наладить связь между прокатчиками, и как, в конечном итоге, поддержать и развивать отечественный кинематограф.

Собираю журналистов, привожу их в Подольск. Селят их в какое-то общежитие, журналисты ворчат... Я им утром приношу свежее козье молоко, чтобы немного сгладить впечатление от такого проживания. Приезжают представители Госкино, видные режиссеры. Армен Медведев, Андрей Смирнов — цвет кинематографа, которых тоже пригласила я. По дороге меня спрашивают: «К кому ты нас везешь?!». А я отвечаю, что кино важнее.

Дискуссии были жаркие, профессионалов заявленные темы искренне волновали. А победившие на подольском фести-

вале фильмы позже получили несколько призов на международных кинофестивалях.

Словом, фестиваль прошел, результаты были налицо – публикации, отзывы, участие руководителей, зрители...

Фильм Еркека Шинарбаева «Месть» стал победителем Фестиваля некупленных фильмов, и мы сделали рекламу его фильма для фестиваля в Каннах – газету на трех языках, значки, наклейки.

Фильм участвовал не только в Каннах, но и в МКФ в Монреале-91: кино сегодня и завтра, Каире-91, Хайфе, Голулу, Нью Йорке-92, Вашингтоне-92, Сизтле, Ванкувере, Роттердаме-92 и получил главный приз «Этьен Жюль Марей» МКФ в Туре-92.

С Еркеком у меня сложились хорошие отношения. А дальнейшее сотрудничество с Марком Рудинштейном, надо признаться, у меня вышло мало успешным.

Он отказался платить за работу людям, которые подготовили для него полиграфическую продукцию.

Деньги этим людям я выплатила – Андрюша полгода только на это работал, мне помогая, и я свою зарплату не видела. С долгами расплатилась, а с Рудинштейном встречалась случайно пару раз и не здоровалась никогда. Но именно с фестиваля некупленных фильмов в Подольске началась его карьера как организатора и продюсера фестиваля «Кинотавр» в Сочи, и подольский фестиваль все считают предше-

ственником «Кинотавра». И Рудинштейн всем объясняет, что придумал его он.

А еще несколько лет была замечательная работа в пресс-центре Московского международного кинофестиваля. Тоже вместе с Борей Берманом, Юлием Гусманом, который занимался культурной программой. И вместе с ними работали мой сын Андрюша, племянница Катя и другие дети

друзей и родственников – я считала, что это молодым людям интересно и полезно. А они и не отказывались, бегали курьерами, набирали тексты, встречали гостей. На одном из фестивалей начал свою карьеру в кино Ильдар Жандарев. Тогда студент, а сейчас кинокритик, который уже много лет ведет вместе с Борей Берманом программу о кино «На ночь глядя» на первом канале.

Ежедневно мы проводили пресс-конференции, а после устраивали фуршет. На каждый прием мы делали корзины из арбузов, которые я утром покупала на рынке.

Из арбуза вырезаются сначала четвертушечки, остается ручка. Ложкой выгребается мякоть. Внутри укладываются мелко порезанные персики, абрикосы, сливы, другие фрукты, не очень большими кусочками. Потом большие куски арбузы, в них вместо вынутых косточек ягоды черной смородины вставляются. Все заливается коньяком и ставится в холодильник. Естественно, за два-три часа смесь пропитывается коньяком. Журналисты доедали все до корочки.

Достаточно недорогое удовольствие. Но есть вещи, которые вообще очень дешевые, но производят неизгладимое впечатление.

Очередной Московский международный кинофестиваль. Софи Лорен – почетный гость фестиваля. Приехала всего на несколько дней. Она не первый раз в Союзе, не первый раз в Москве, не первый раз на кинофестивале. Но в этот раз она впервые приехала с сыном, чтобы показать ему Москву.

Уже объявлена запланированная и согласованная с ней пресс-конференция. И вдруг неожиданное заявление звезды: «Я не приду. Я забыла дома бигуди».

1989 год. Пойти в магазин и купить бигуди невозможно. Их просто нет, они не продаются у нас в Москве.

К счастью, оказывается, что приятельница одного из членов оргкомитета только что приехала с международного конкурса парикмахеров. Она заняла первое место, и ей подарили целый набор необходимых парикмахеру инструментов, и в этом наборе есть и бигуди. Через пару часов звонков, согласований, поездки через всю Москву к парикмахеру, бигуди привозят Софи Лорен.

Когда через несколько дней Софи Лорен с сыном собираются уезжать, сопровождающий-проводжающий, приехавший за ними в гостиницу, робко спрашивает: «Мадам, а бигуди?». Она удивленно смотрит: «А я их уже упаковала в чемодан».

Бигуди были хорошими, профессиональными. Иначе она вряд ли бы их упаковала. Может быть, посчитала, что это подарок. Может быть, вообще ничего не считала, воспринимая как само собой разумеющееся. Этот курьезный случай вряд ли как-то характеризует Софи Лорен, но хорошо характеризует Москву 1989 года.

На пресс-конференциях за спиной почетного гостя располагалась эмблема Российской товарно-сырьевой биржи,

спонсора кинофестиваля. РТСБ возглавлял Константин Боровой, который и дал деньги на организацию работы жюри, пресс-центра, приглашение гостей. По нынешним временам сумма не большая, но для 1989 года очень приличная.

Очередная пресс-конференция с членом жюри фестиваля актрисой Мишель Мерсье, знаменитой Анжеликой. Фотограф удачно запечатлел Мишель, которая как будто показывает пальцем на эмблему спонсора. Правда, сама Мишель вышла не очень удачно. Я, не очень веря в успех, все-таки пытаюсь получить автограф. Мы вдвоем без переводчика, поэтому объясняемся жестами.

Она: «Очень плохая фотография». Я показываю: «Порвать?». Она кивает: «Да, порвать». И я ее хорошо понимаю, это не просто женщина, которой не нравится фотография, это актриса, которой не нравится фотография. И это уже не каприз.

Я показываю эмблему, пытаюсь объяснить, что они дали деньги на фестиваль, на пресс-центр, на жюри. Она: «Это очень важно?» – «Да».

И тут у меня на глазах француженка, красавица, актриса, избалованная вниманием, привыкшая к обожанию, становится бизнес-леди. Это происходит за секунду. И она ставит автограф на эту неудачную фотографию с эмблемой такого важного для нас спонсора.

Для меня это было открытием. Я впервые увидела, что «великие» умеют переступить через свои капризы, уважая чужие деньги и чужое отношение.

Дни Римини в Москве. Организаторов много, в том числе, посольство Италии. На фестиваль приехал Тонино Гуэрро – душа Римини, его ангел. Автор сценариев фильмов Антониони и Феллини и их друг. Тарковский жил в Италии у

Тонино Гуэрра, который помогал ему со съемками, знакомил с разными людьми. А еще жена у Тонино – Лора, русская, с которой он в Москве познакомился.

Накануне открытия Дней Римини в Москве – пресс-конференция с Тонино Гуэрра в «Союзинформкино», которую я провожу. А переводчиком, как всегда у Тонино, была Лора.

На следующий день Лора и Тонино пригласили меня к себе домой в гости.

Тонино хорошо рисовал, необычно. И любил дарить свои картины. И мне он дарит картину. Но она не похожа на его рисунки. Русские деревянные ложки в деревянном стаканчике, стол, больше похожий на земной шар, микрофоны, которые похожи на что-то вылавливающие локаторы... Его впечатления от вчерашней пресс-конференции. И подпись: «A Natasha, grazie. Tonino Guerra. 27.3.1990».

Ноябрьский ветер нарастает,
А первый снежок растает.
Темнеют облачные перья,
Абстрактно выглядят деревья,
Шумит река, и чрезвычайно
Ей без купальщиков печально!

77
ноябрь

В Аргентину по линии Комитета защиты мира я отправилась в ноябре 1989 года. Летели на большом аэробусе, куда вмещалось больше 300 человек. 25 часов полета. С тремя посадками – в Алжире, на островах Зеленого мыса и последняя в Бразилии. Перелет – через три континента, через экватор, из осени в весну.

Группа у нас была человек 30, традиционного для таких поездок состава. Туда мы долетели благополучно. Хотя, конечно 25 часов полета, пересечение экватора и большая разница во времени – тяжело. Плюс – климатическая разница. У нас конец осени, там – весна, буйство красок. Это завораживало. Цветущие деревья, все большое, яркое, крупное.

Жили мы в столице, но ездили в пригород, разные поселки. Весна, разлив, половодье. И эти небольшие поселения выглядят как островки. А на них коровы, которые стояли в воде почти по вымя. Фантастическая природа.

Но не будем забывать, ведь мы же – делегация Комитета защиты мира. И это накладывало свой отпечаток. Местные организации левого, правозащитного толка как-то очень надеялись на помощь Советского Союза и рассчитывали в нашем лице увидеть соратников и помощников. Но руководители нашей делегации эту точку зрения не поддерживали, что не удивительно.

Когда в местном парке был назначен митинг в защиту местных средств массовой информации с журналистами

и мы собирались пойти, руководство делегации жестко запретило это. Было странно, так как перестройку дома мы воспринимали, в первую очередь, как свободу слова, открытые архивы, доступ к информации, новые СМИ. И было бы логично, если бы мы поделились опытом, поддержали коллег. Не вышло.

Там же мы неожиданно почувствовали, как перестройка может выглядеть с другой, с внешней стороны. Не просто распад Советского Союза и строительство нового государства, а его поворот на 180 градусов идеологический. Типа, нам никто не нужен и мы ничего никому не должны, и у нас по-другому. Это было неожиданно столкнуться с такой точкой зрения.

В результате такой осторожной политики руководителей нашей делегации особых мероприятий у нас не было, зато купили какую-то электронику, кассетные приемники. В Москве, правда, оказалось, что это все у нас работать не будет, потому что другие стандарты...

Но это обнаружилось уже дома, а пока мы летим обратно. В самолете с нами в Союз летит большая делегация аргентинских бизнесменов, которые планируют в Москве заключать первые контракты.

Самолет летит сначала до Бразилии, потом до островов Зеленого Мыса, оттуда до Алжира. А в Алжире – забастовка работников аэропорта, причем длится она уже несколько дней и когда кончится – не понятно.

Мы – в огромном аэробусе, 300 человек. В основном, все летят в СССР впервые.

Застражили не мы одни. В таком положении все самолеты, у которых была промежуточная посадка в аэропорту Алжира. Итальянцы для итальянских рейсов присылают теплоходы, пересаживают на них пассажиров, везут через Среди-

земное море, чтобы не ждать, пока это закончится. Японцы тут же расселили своих в гостиницу, оплатили им питание, все устроили. Короче говоря, мы увидели, как страны заботятся о своих гражданах. Мы же оказались обойденными...

С пассажирами нашего рейса это оказалось невозможно. Потому что, как выяснилось, алжирцы должны были представительству «Аэрофлота» большие деньги. И из-за этих долгов у наших у самих не было денег. Денег не было ни для того, чтобы расселить по гостиницам, ни вообще хоть что-либо сделать.

Единственное, что нам разрешили сделать, так это выйти из самолета на территорию аэропорта, но только до линии таможенного контроля, где в достаточно заплыванном пространстве на каменном полу мы провели больше суток. Время от времени нас кормили и поили. Ну, а дальше, то ли от каменного пола, то ли от длительного перелета и посадок, ноги у меня сильно отекали и стали в прямом смысле слоновьими. Вызвали врача, который пытался что-то сделать, но ни бинты, ни лекарства не помогали.

Через сутки мы все-таки приземлились в Шереметьево. А здесь уже конец ноября. Меня встречют с шубой. Но теплые сапоги на меня не лезут... В общем, в шубе и в сабо добралась до дома. Но с тех пор каждый перелет на меня действует плохо.

Так прошло мое последнее путешествие за границу при советской власти.

Летом 1990 года Советско-британская творческая ассоциация и United International Pictures заключили договор на прокат в Советском Союзе фильма «Унесенные ветром». Фильму к тому моменту было уже больше 50 лет, и на большом экране у нас он никогда не шел. Его показывали в не очень хороших копиях студентам во ВГИКе, и, собственно, на этом все заканчивалось.

У нас он был запрещен. Рабовладельческий строй там описывался вполне позитивно, что не совпадало с официальной точкой зрения на рабство в СССР. Поэтому в Советском Союзе этого фильма не было.

Еще надо сказать, что «Унесенные ветром» стал первым фильмом, который в СССР прокатывался негосударственным прокатчиком. В роли прокатчика выступал не Госкино, а Советско-британская творческая ассоциация. Госкино был одним из учредителей ассоциации наряду с другими.

Права на фильм к началу 90-х принадлежали американскому предпринимателю, основателю первого круглосуточного новостного телеканала Теду Тернеру. Он этот фильм любил и относился к нему очень лично. Даже своего сына назвал Батлером в честь главного героя.

Тед Тернер плотно сотрудничал с СССР: он устраивал пробеги по набережной Москва-реки, придумал и проводил Игры доброй воли. Поэтому и по «Унесенным ветром» он был готов сотрудничать с нами.

Так вот, Тернеру принадлежали права на фильм, но право на прокат принадлежало английской компании United International Pictures. И уже именно она демонстрировала через своих местных партнеров этот фильм во всем мире. Для проката было разработана целая концепция: от бюджета — сколько можно потратить на рекламу, на какие статьи рекла-

мы... Что должно быть на телевидении, что – на радио, что – в газетах, что – на оформление зала... До того, как должна пойти премьера, сколько копий можно сделать, в каких городах, в какой последовательности пускать эти копии.

«Унесенные ветром», в отличие от многих других, принадлежащих United International Pictures, входил в десятку лучших фильмов времен и народов. Им очень дорожили, он получил много «Оскаров».

Сама история его создания отличалась от остальных фильмов мирового кинематографа. Книга, по которой сняли фильм, в США пользовалась бешеной популярностью. Перед тем, как начать съемки, в Штатах несколько месяцев проводили всеобщий опрос о том, какая актриса должна играть главную роль? Кто должен играть Батлера?

То есть, «легенда» существовала еще задолго до начала съемок фильма. А его премьера состоялась 15 декабря 1939 года в Атланте, куда приехали буквально все, кто хоть что-то из себя представлял в тогдашней Америке. Это было огромное событие, и шлейф чего-то необыкновенного сопровождает фильм всю его жизнь. Из этого выросла и концепция мирового проката: он предвлялся рассказом об истории создания фильма, о книге, о героях, актерах.

Плюс, незадолго до этого фильму исполнилось 50 лет, и к юбилею его сделали цветным, раскрасили. Это была одна из первых черно-белых картин, которую перевели в цвет. Сделано все было очень бережно, раскрашивался каждый кадр. Сейчас-то это обыденная процедура, а для середины 1980-х – настоящее событие.

Поэтому, приехав в Москву на переговоры, американцы привезли большое количество материалов. Была целая книга толщиной в несколько сантиметров, со всеми вариантами плакатов, их размерами для кинотеатра, для фойе.

С отобранными специально кадрами для уличной рекламы, для газет... Для показа на телевидении были отобраны 2-3 фрагмента, длительностью не более 30 секунд. Все детали прописаны в договоре.

Конечно, нашим зарубежным партнерам хотелось, чтобы в России этот фильм, наконец, прозвучал. Но наши боялись и сомневались. Вокруг достаточно нервно, достаточно голодно, идут увольнения. Очень боялись, что американская картина, снятая пятьдесят с лишним лет назад, может не вызывать интереса.

Здесь и начинается мое участие во всем этом.

Учредителями тогда еще Советско-британской творческой ассоциации с советской стороны были «Огонек» и Госкино. Возглавлял ассоциацию Евгений Бегинин. Меня он не знал. Зато с Левого Гуциным, который в тот момент являлся заместителем главного редактора «Огонька», мы были хорошо знакомы еще со времен «Московского Комсомольца». С его подачи меня и пригласили.

Предполагалось, что премьера фильма будет в кинотеатре «Октябрь» 15 или 16 октября. В эти дни могли приехать Тед Тернер и Джейн Фонда, с которой у Теда Тернера тогда начинался роман. Так что оставались август, сентябрь и половина октября. Всего чуть меньше 3 месяцев. Время летнее, работы – непочатый край... В этих обстоятельствах я и стала отвечать за премьеру и публичное сопровождение фильма в целом.

До этого я работала в «Союзинформкино», несколько лет занималась московскими кинофестивалями, премьерами наших фильмов и зарубежных. Плюс связи с журналистами, пишущими о кино, у меня были хорошие. В общем, моя кандидатура всех устроила, по крайней мере, с нашей стороны.

На Пушкинской площади, в доме за Макдональдсом

сняли квартиру. Это был наш «офис». Здесь шли мои переговоры с представителем United International Pictures.

Приглашение зарубежных гостей Ассоциация взяла на себя. И действительно, на премьеру, например, приехал оscarоносный актер Бен Кингсли. Плюс Ассоциация пригласила живших в Англии наших соотечественников, которые во время Гражданской войны и после 1917 года эмигрировали.

Сотрудники Ассоциации занимались договорами со студиями по поводу дубляжа, по поводу перевода титров, приемом гостей. Кстати, американцы сразу поставили условие – фильм должен быть обязательно с субтитрами, чтобы звучал голос. Они очень дорожили всем в фильме, в том числе и голосами исполнителей.

Но в итоге сделано было два варианта: с субтитрами и дубляжом. Есть разные варианты перевода. В качестве дубляжа с Советским Союзом тогда сравниться не мог никто. Работа сложная, дорогая: подбираются лучшие актеры, устраиваются такие же пробы, как для съемок фильм. Дубляж должен полностью попадать синхронно в движение губ. Большинство стран этого в принципе не делают.

Но для наших было однозначно ясно, что на «титры» конечно пойдут, но воспримут хуже. У нас нет культуры, умения и читать, и смотреть одновременно – все распадается. Поэтому настаивали на том, чтобы был дубляж. Американцы же боялись, что дубляж испортит фильм, они не знали, что из этого может получиться. В итоге фильм вышел в двух вариантах и стал вдвойне затратным. В кинотеатрах, в основном, показывали дублированный вариант, но на премьере показали с титрами.

Ну, а я занималась организацией публичных мероприятий, PR премьеры.

И вот, жарко, лето, конец июля. Мы в квартире на Пуш-

кинской. Кондиционеров нет, окна открыты настежь. Сидим. Я курю (примерно так же, как сейчас). Представитель United International Pictures не курит, переводчица тоже не курит.

Перед ним правила, программа и все остальные инструкции. Прописано, сколько денег, на что можно потратить. Вот такой процент идет на телевидение, такой процент идет на рекламу в газетах, такой – на радио, вот столько на оформление кинотеатра, на премьеру.

Я по-английски не говорю, он, естественно, не говорит по-русски. Я ему начинаю объяснять, что все будет не так. Заканчиваю фразу. Пока переводчица переводит, а он недоуменно крутит головой, уже говорю следующую. Объясняя, что у нас это не работает, нужен другой подход.

Он в ответ: фильм шел 50 лет во всем мире – в Китае, в Японии, в Индии, в Африке, и это наработано. Я им – у нас здесь вообще другие правила, порядки. Все другое!

Это продолжалось три дня. После трех дней он говорит, мол, наша «дорогостоящая леди» – при том, что я не выходила из рамок бюджета, сказала, что в бюджет я умещусь – делайте что хотите, я ничего не понимаю, умываю руки. Как оно получится, так, в конце концов, и получится. Фильму от этого хуже не будет.

На этом мы с ним расстались. Но дальше началась работа. Огромная заслуга в разработке концепции, придумки всех составляющих, конкретных деталей принадлежала Коле Ламму – поэту, писателю, журналисту, уникальному человеку, который очень рано ушел из жизни. Ночью на кухне у Коли и Ани в сигаретном дыму рождался общий план. А план был совершенно авантюрный. Предполагалось, что в кинотеатре фильм будет идти 10 дней. Кинотеатр огромный – 2,5 тысячи человек. Но мы планируем, чтобы хотя бы эти 10 дней он продержался с полной заполняемостью зала на

вечерние сеансы и хотя бы 40-70% на утренние и дневные. Это была верхняя планка, о которой в то время никто даже не мечтал. Но хотели.

Премьера должна была проходить в кинотеатре «Октябрь» на Калининском проспекте, то есть сейчас – Новом Арбате.

Вся реклама на телевидении оплачивается, вся реклама в газетах, на радио оплачивается, но это был 1990 год. И я понимала, что можно так подогреть прессу, телевидение, радио и т.д., что они об этом бесплатно напишут гораздо больше и лучше, чем за деньги. Но это значит, что надо устроить такую премьеру, которой в Москве никогда не было. Как?

Например, украсить «Октябрь» с ног до головы, чтобы любой проезжающий по Калининскому проспекту это заметил. Или оформить холл кинотеатра таким образом, чтобы это всем запомнилось.

На оформление кинотеатра решено было потратить львиную долю бюджета. Это никак не укладывалось в голове у кинопрокатчиков. Они понимали: ну десять дней продержится это, но дальше-то что, куда это все девать?

Одна из центральных сцен фильма посвящена благотворительному базару. Только что умер муж главной героини, погиб на фронте, она в трауре. При этом Ретт Батлер за ней ухаживает, и когда на благотворительном вечере разыгрывается право танца с главной героиней (деньги должны пойти на помощь фронту, конфедератам), он предлагает в несколько раз большую сумму, чем кто-либо мог вообразить. Все в шоке, она в трауре, как она может танцевать? Но она соглашается.

Сам благотворительный базар, где она сначала собирает деньги, а потом этот танец – одна из ключевых в фильме. По этому поводу я решила в фойе кинотеатра также устро-

ить благотворительный базар, деньги должны были идти в фонд «Огонек-АнтиСПИД». Эта благотворительная акция была всеми поддержана, тогда у нас про СПИД еще мало говорили.

Предполагалось, что на премьеру придет довольно большое количество иностранцев, а также наших известных людей – актеров, режиссеров, писателей. Билет на премьеру был сделан не как кассовый, кинотеатр эти билеты не продавал. Цена была указана с одной стороны 15 рублей и 15 долларов – с другой стороны. Соответственно, иностранцы платили долларами, а наши граждане – рублями. Плюс, на билете было написано black tie – черный галстук, то есть смо-

кинг. Вечерний туалет на премьеру фильма, кинотеатр на 2,5 тысячи человек и все это в 1990 году... Выглядело, конечно, достаточно рискованно.

У меня была большая бригада, включая художников. Плюс договоренности с разными студиями, много творческих людей. В холле решили поставить фигуры героев, развесили огромные плакаты. При этом не те плакаты, которые предложили нам американцы, а заказанные нашим лучшим художникам-плакатистам. Какие-то из них были сделаны в 10 экземплярах, какие-то – большими тиражами.

Дальше: а почему бы нам не сделать духи «Скарлетт» для благотворительного базара? А давайте сделаем духи! Пишем в United International Pictures, компания отвечает, что это вопрос не к ним, а к Теду Тернеру. Мы пишем письмо Теду Тернеру. Тед Тер-

нер говорит, что он разрешает для благотворительного базара сделать духи «Скарлетт», но не более 500 экземпляров. Но, чтобы сделать духи, надо сначала отобрать аромат. И вот самолетом из Франции в пробирочках везут больше десяти ароматов, которые местные парфюмеры нам дают на выбор для этих духов.

В зале коллегии Госкино сидят представители Советско-британской творческой ассоциации, в которой были исключительно мужчины. Они по очереди друг другу передают пробные бумажки с ароматами, и каждый определяет, какой, как ему кажется, подходит для «Скарлетт». Аромат выбрали. Но дальше нужен флакончик. Едем на фабрику, нашу советскую, где все это будет изготавливаться. Находим у них на складе флакончики 1950-х годов, очень по стилю подходящие. Но этих флакончиков 500 не набирается, их, по-моему, 457 или 437.

Дальше нужна коробочка. Художники разрабатывают коробочку, и на коробочке ставят все копирайты – от Селзника, который был продюсером фильма, до сегодняшнего прокатчика.

Потом приходит в голову сделать галстуки «Капитан Батлер». Та же самая процедура. United International Pictures – Теду Тернеру, Тед Тернер опять же разрешил не больше 500 штук. Едем на фабрику, находим там японский шелк, подкладку – хватает еле-еле на 250 экземпляров. Ручная вышивка, Ретт Батлер.

Потом надо сделать газету «Унесенные ветром» с историей, с рассказом, с актерами, с подбором фильмов, со всем на свете. Делаем газету, находим лучших специалистов по Вивьен Ли, по фильму. Все это выверяется, печатается многотысячный тираж газеты. Но надо, чтобы ее распространяли. На киностудии «Мосфильм» находим адреса владель-

цев машин 1930-1940-х годов, ретромашин. Подписываем с ними договор, что в день премьеры они будут ездить по Москве и продавать эту газету, вместе с мальчиками, которые будут громко кричать разные объявления и лозунги. Машин получилось порядка десятка, этого вполне хватило.

Правда, мы кое-что не учли... Ретромашины с мальчишками – газетчиками, которые в день премьеры разъезжали по центру Москвы, пытались арестовать. Никто не понимал вообще, что это такое происходит, куда кого агитируют и какие газеты раздают. В итоге они съехались к кинотеатру «Октябрь». Там уже никто не гонял, вроде все было понятно.

Дальше хотелось бы рекламу на самом Калининском проспекте. На здании роддома им. Грауэрмана был большой экран. Там нам разрешили показывать кадры из фильма, правда, только в октябре. Этот экран до сих пор стоит – едешь в центр, когда все «книжки» кончились, он там справа, на здании после последней «высотки».

Тогда уже можно было купить площадь и разместить рекламу. Можно было купить рекламу на транспорте, разместить растяжку. Соответственно, я обратилась в московские структуры с тем, чтобы нам разрешили на троллейбусе по Калининскому проспекту пустить рекламу, что в кинотеатре «Октябрь» – премьера «Унесенных ветром». Мне в ответ сказали, что это правительственная трасса, здесь никогда не будет рекламы. И не разрешили. Правда, прошел всего год, и по Калининскому проспекту стали ходить троллейбусы с рекламой, «никогда» оказалось не так продолжительно.

Дальше, так как предполагалось, что придет большое число иностранцев, в том числе послов и почетных гостей, то надо было, чтобы эти машины где-то могли остановиться. А на Калининском проспекте в связи с тем, что это правительственная трасса, стоянка машин запрещена. Главный гаиш-

ник города Москвы мне подписал и поставил печати на 50 пропусках проезда и остановки на Калининском проспекте – невероятная роскошь для того времени, но, видимо, его тоже пригласили на премьеру, хотя и не я.

Но этого мне тоже было мало. Фильм начинается увертюрой, причем это очень красивая музыка, и она довольно долго звучит. Мы обратились к оркестру Олега Лундстрема, чтобы они на премьере играли в зале кинотеатра на рассадке. И надо понимать, что такое уровень Олега Лундстрема! И вот он играет на рассадке в кинотеатре. Это было шикарно. А когда рассадка уже закончится, они сыграют увертюру из фильма «Унесенные ветром».

Дальше нам сказали, что мероприятие открывает Тед Тернер, Джейн Фонда и другие почетные гости. Они приедут за 5 минут до начала, зайдут через служебный вход, выйдут на сцену, а потом пройдут по лестнице и сядут в первый ряд балкона.

Я им объясняю: в первом ряду балкона у нас не самые почетные места, у нас гости сидят возле прохода в партере, на местах, где можно вытянуть ноги. И приедут они, говорю я, не за 5 минут, а за 40. Пройдут через вход вместе со всеми посетителями и откроют благотворительный базар. Коллеги-организаторы уже совершенно не воспринимали ничего и были, по-моему, на все согласны. За 40 минут Тед Тернер? Ну, ладно!

В результате, когда за несколько дней началась продажа билетов в кинотеатр – а предполагалось, что оркестр будет играть во все 10 премьерных дней – билеты были раскуплены на все эти 10 дней на все сеансы – утренние, вечерние, дневные. Хотя оркестр играл только на вечерних сеансах. И об этом мы говорили.

Дальше я сказала, что этот фильм не должен идти ни в

одном кинотеатре города Москвы, только в «Октябре». Поэтому печатать много копий не надо. К премьере, правда, и так успели сделать всего несколько копий. Сроки очень поджимали. На следующий день премьера должна была состояться в Тбилиси в Грузии, которая звучит также – Georgia – как и штат, где все действие фильма происходит. И мы ночью должны были лететь в Тбилиси. Так что копий, кровь из носу, нужно было успеть сделать к премьере две.

А вот по поводу показа фильма исключительно в одном кинотеатре со мной сначала все переругались. Потом решили подождать, поскольку вал был в кинотеатр жуткий, билеты раскупались. Потом продлили продажу билетов на месяц, потом еще...

Я же говорила: понимаете это тот фильм, к которому зритель должен приехать с окраины, из любого места. И он должен увидеть его именно здесь, на огромном экране с прекрасным звуком. Не в каком-то маленьком местном кинотеатре. В конечном итоге, со мной согласились.

В Москве кинофильм шел ровно год и только в кинотеатре «Октябрь». Там было легко отслеживать поступления от продажи билетов, от каких-то сопутствующих мероприятий. От всего. И, что тоже важно, легко было отследить, что копии фильма не воруются. Это, на самом деле, сохранило прокату огромные деньги. Не только по печати копий, но и по отслеживанию проката, который тогда был совершенно неуправляемый. Была уже масса частных умельцев, которые умудрялись делать копии с пленки (пусть и плохого качества) и где-то их запускать в обход официального проката. С этим нам удалось справиться.

Ну, а дальше тот же принцип сохранился: один город – одна копия, один кинотеатр и тоже показ максимум времени. «Резонансные» премьерные показы, которые мы отслежива-

ли, много рекламы, сувениры и все остальное. Первым был Тбилиси, где все было аналогично с Москвой, потом Одесса. А дальше – по всем крупным городам Советского Союза, по всем столицам республик.

И вот Джейн Фонда и Тед Тернер приехали на премьеру. Через главный вход с трудом, вместе с толпой, но вошли. Их там едва не разорвали просьбами об автографах. Но они опытные люди... Перерезали ленточку благотворительного базара, на котором продавались книги по истории фильма, плакаты, духи, галстук и другая красота.

Оркестр Лундстрема играл все время рассадки, потом вышли почетные гости, представили фильм. Гаснет свет, медленно-медленно... Все сидят в вечерних платьях, многие в смокингах или, по крайней мере, в костюмах. Оркестр начинает играть увертюру к фильму, и пока они играют, свет гаснет полностью, и на экране начинается эта же увертюра. А оркестр в тишине медленно, чинно уходит со сцены в разные стороны. На всех это произвело большое впечатление.

Представитель United International Pictures, который два месяца назад со мной ругался и не понимал вообще, что я тут говорю, сказал, что снимает шляпу перед тем, что я сделала. И он хочет, чтобы я занималась организацией продвижения всех фильмов, которые они будут с ассоциацией сюда привозить.

«Унесенные ветром» шли в «Октябре» год. За это время в кинотеатре вокруг фильма проходило много разных мероприятий. Мы устраивали бесплатные показы для сирот из детских домов, для престарелых. Рождественские вечера, благотворительные. В общем, разработали целую серию мероприятий, которые поддерживали интерес. На утренние и дневные сеансы фильм был переведен в маленький зал. В летнее время фильм тоже шел в маленьком зале, но он не уходил из кинотеатра в течение года.

А в октябре 1991 года та же самая United International Pictures через ту же Советско-британскую ассоциацию привезла следующий фильм, который назывался «Русский дом». И вот завтра должна состояться премьера «Русского дома», а сегодня последний сеанс «Унесенных ветром».

Мы делаем специальное мероприятие. Все проходит с помпой, лотерей, аукционами. Проводим конкурс, победитель которого должен поехать в Англию. И действительно, победительница поехала в Англию, а потом она, под влиянием таких событий в собственной жизни поменяла профессию – была химиком, а стала заниматься кино.

И на этом последнем показе был миллионный зритель «Октября» на «Унесенных ветром». Как оказалось, ни в одной стране мира у прокатчиков таких экспериментов не было. Это стало единственным случаем, когда фильм показывали год в одном кинотеатре и он собрал миллион зрителей.

А за ночь мы полностью поменяли оформление кино-

театра, оформление фойе. И люди, пришедшие на следующий день в кинотеатр, его просто не узнали. «Русский дом» – это шпионский детектив, действие происходит в России, герои – диссиденты, сотрудники КГБ, английской разведки. Фильм был сделан по книге Джона Ле Карре с очень хорошими актерами.

На пресс-конференции перед началом фильма «Русский дом», я говорю о том, что наша жизнь стремительно уходит, уносится ветром, мы не знаем, что будет дальше, но начинается «Русский дом»... Может быть, эта фраза выглядела более красиво, но смысл был такой. Журналисты ко мне многие подлетели и спросили: а можно ли этот образ использовать им в своих публикациях? Отвечаю – ну, для этого я и говорю.

Про премьеру «Унесенных ветром» выпустили передачу и показали на одном из центральных каналов. Бесплатно. На газеты, радио и телевидение мне не пришлось тратить много денег. Но, в конечном счете, я не сэкономила. Я потратила деньги на оформление кинотеатра, на которое американцы предлагали не тратить, потратила на плакаты, на изготовление духов. В итоге все получилось. Думаю, получилось потому, что удалось создать праздник.

И дальше я каждый раз сталкивалась с этой проблемой. В 1993-м году, когда был юбилей «Огонька», 10-летие ВШЭ, день рождения «Московского комсомольца»... Нужно проводить праздник или не нужно? Все почему-то боятся праздников, а я, наоборот, их очень люблю, и чем масштабнее, чем крупнее, тем интереснее.

Но каждый раз задача – сделать этот праздник уникальным. Эта история с пятидесятилетием «Унесенных ветром» стала действительно первой. «Русский дом» уже так не запомнился. И уж совсем довольно плачевно все получи-

лось с фильмом Спилберга «Список Шиндлера». Та же самая творческая ассоциация, нашумевший фильм, мировая премьера, все в восторге. Мы предполагаем его показать в зале Кремлевского Дворца съездов 22 июня 1994 года. Должен приехать Спилберг, уже все подготовлено, и билеты, и реклама – все, что нужно.

Но Спилберг начинает получать угрозы в свой адрес. Мол, для нас 22 июня – священный день, начало войны, а тут вы, жида, хотите устроить неизвестно что. Да еще и в Кремле. Он отказывается приезжать, премьеру переносят на осень.

Видеопрокатчики достают копию, делают жуткую совершенно запись. Но народ уже подогрет в ожидании этого фильма, поэтому видеозаписи, пусть и отвратительного качества, неплохо продаются. Люди зарабатывают на этом большие деньги. И понятно, что на премьере, которая состоится осенью в кинотеатре «Художественный», который на Новом Арбате, фильм уже ничего особенно не получит. Ни зрительского интереса, ни кассовых сборов. В общем, «Список Шиндлера» стал последней большой премьерой в этой связке – United International Pictures и уже Российско-британской творческой ассоциацией.

Но если возвращаться к «Унесенным ветром», то история эта имела для меня еще одно измерение, можно сказать личное. В этот момент мы переезжали из Тушино на Большую Переяславскую, в районе Проспекта Мира.

В Тушино мы прожили 19 лет, выселенные насильно с улицы Герцена. Решаем оттуда переезжать обратно, поближе в центр. Объявление о том, что кто-то хочет поменяться, Андрюша принес весной 1990 года. Люди пришли, посмотрели нашу квартиру. А она, надо сказать, была в таком, мягко выражаясь, «разобранном» состоянии. При этом в соседних

квартирах, куда их тоже приглашали, был и ремонт и все остальное, видимо, гораздо лучше. Но хозяин почему-то решил, что он будет меняться обязательно с Андрюшей.

К тому времени прошло уже 4 года, как умерла мама, квартира была на нее, и надо было переоформить документы. Пока их переоформляли, началось лето. Этот человек со своей семьей уехали на дачу, как-то все сместилось на осень. В августе мы уже окончательно сговорились, оформили все документы, перепрописались. Договорились, что уже будем переезжать. Но тут у меня началась эта премьера, и я сказала, что раньше конца октября переезжать не могу, потому что я 24 часа занимаюсь исключительно «Унесенными ветром».

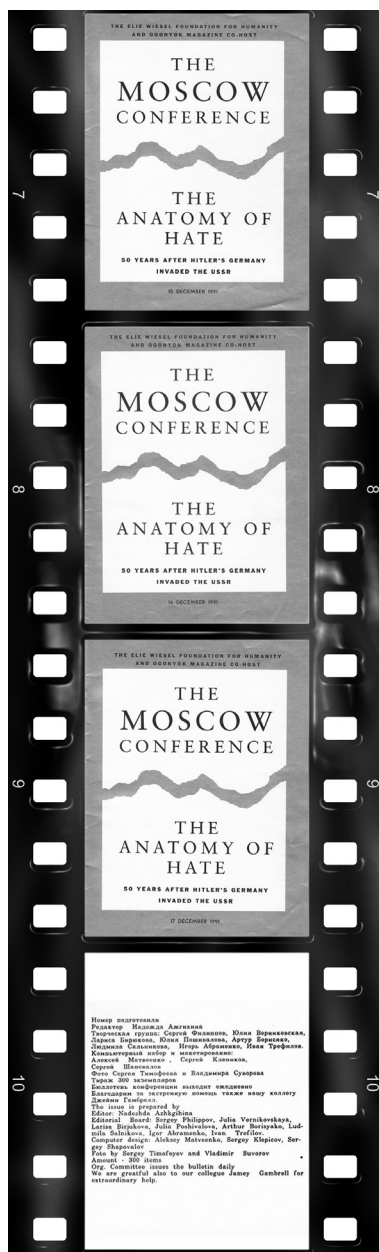
Тем не менее, каждую субботу или воскресенье человек, с которым мы поменялись, на своей маленькой машинке начинает перевозить в Тушино свои вещи, а на обратном пути забирает наши – стопки книг. Мы, таким образом, освободили одну комнату в нашей старой квартире в Тушино, они – комнату в квартире на Большой Переяславской. И там, и там в этих комнатах образовались груды перевезенных и неразобранных вещей. На то, чтобы собраться и перевезти все сразу большой машиной не хватает ни сил, ни времени.

С той стороны домашние очень хотели переехать побыстрее. Я со своей, тоже хотела побыстрее уехать из Тушина. И вот как только прошла премьера «Унесенных ветром» мы буквально за сутки все собираем и переезжаем. Сутки все вещи собирали и упаковывали Таня Соколова, Наташка Пешка, Андрюшка и я. А потом мы с Андреем полгода живем на тюках и коробках, спим в коридоре и радуемся, по крайней мере, я, что уехали из Тушино назад в Москву. Надо было покупать мебель – хотя бы кухню. Наша мебель из тушинской почти 10-метровой кухни никак не могла встать в 4,5 метра кухни на Большой Переяславской. И вся посу-

да была в коробках. А в 1990-1991 годах что-то купить было не реально. Знакомая Жени Блинкиной продала нам талоны на покупку кухонной мебели. И к 17 мая мы купили мебель, вещи все-таки почти разобрали, во всяком случае гостей принимать уже было можно.

Так закончилась тушинская часть нашей жизни. А моя история с премьерой «Унесенных ветром» продолжалась еще более полугода – до «Русского дома».

Мероприятие – конференция, фестиваль, конгресс – проходит 2-3-5 дней, но подготовка к нему занимает месяцы.

Эли Визель, лауреат Нобелевской премии мира, чьи родственники все погибли в концлагере во время Второй мировой войны, учился во Франции, переехал в Америку и основал благотворительный фонд. Благотворительный фонд Эли Визеля занимался разными проектами, в том числе, раз в год в разных странах мира проводил конференцию, которая называлась «Анатомия ненависти».

В декабре 1991 года фонд решил совместно с «Огоньком» провести такую конференцию, посвященную пятидесятилетию Битвы под Москвой. Договаривался он еще за год или за полгода до этого с Виталием Коротичем, тогдашним главным редактором Огонька. И предполагалось, что организаторами будут совместно Фонд Эли Визеля и «Огонек».

Однако к моменту, как вопрос с конференцией стал в практическую плоскость, Коротич уже не был главным редактором. «Огонек» возглавлял Лева Гущин, кото-

рого я хорошо знала по «Московскому комсомольцу», где он работал главным редактором, а я – его заместителем.

В 1991 году я была в «свободном плавании», а Лев был поставлен перед фактом, что «Огонек» должен организовать это мероприятие. В самом «Огоньке» такого человека не нашлось, а у меня подходящий опыт и видение имелись.

Всего в конференции пригласили участвовать около трехсот человек, включая примерно сто зарубежных гостей. Проходить конференция должна была в «Президент-отеле», там же поселили делегатов. Внизу в библиотеке организован круглосуточно действовавший пресс-центр. В ресторане – обеды, завтраки, ужины. Плюс культурная программа.

Напомню, это 1991 год, с продуктами плохо. Только что произошел путч, Михаил Горбачев и Борис Ельцин в конфликте, который мы знаем, как разрешился. Такой контекст.

Плюс особенности зарубежных участников. Например, в субботу делегаты должны были посетить синагогу. Причем пойти туда и обратно пешком. Поэтому мы опробовали пешеходный маршрут от отеля до синагоги в Большом Староглинищевском переулке (тогда улица Архипова) – осилит ли Эли Визель, уже немолодой человек, который сильно хромал к тому времени.

Меню также далось не просто. Готовим торжественный прием в Дубовом зале Центрального дома литераторов. Составляем меню. Ресторан предлагает фаршированного судака. Сотрудники фонда Эли Визеля интересуются: «А это кошерная рыба?». Я говорю: «Кошерная» – «Откуда вы знаете?» – «Моя бабушка ее готовила». Они мне не верят. Звонят в Америку. Из-за разницы во времени мы кого-то явно разбудили, но надо же срочно проверить, кошерный ли судак?! Из Америки позвонили в Израиль, где специалист подтвердил кошерность судака.

Так мы очень многие вещи обсудили. Выяснили, например, что грибы – это кошерная пища, ее можно есть правоверным евреям. Но сам Эли Визель не ест грибы. При этом надо помнить, что прием у нас был на 120 человек. Соответственно, у каждого была карточка рассадки, имя и фамилия на английском языке. И надо не перепутать, кому что подавать. Поэтому мы на каждой карточке с именем-фамилией рисовали рамочки, которые были понятны только официантам. Такие секретные знаки подавали...

Вот если такая рамочка, то это меню с кошерной пищей. А если другая рамочка, то это уже некошерная пища, это другое меню. А если еще полосочка около рамочки, то это Эли Визель, он не ест грибы. Короче говоря, мы все попробовали предусмотреть.

Когда мы ходили, выясняя, каким путем лучше идти в синагогу, то зашли, естественно, внутрь. На пороге сидят нищие, просят милостыню. Я этому представителю от фонда говорю, что нам, наверное, надо будет много мелочи наметать, чтобы все, кто придет, могли бы дать милостыню. «В субботу нельзя давать милостыню!» – сказал он очень гордо. Я поняла, что нам не надо будет менять много мелочи. В субботу ничего нельзя делать. Давать милостыню – это тоже дело, это прикасаться к деньгам. Нельзя, святой день, выходной.

Еще был господин Жириновский. Он тогда только-только появился. Так вот, когда он узнал, что приезжает Фонд Эли Визеля, что это евреи, то требовал, чтобы его пустили на конференцию. Заявил, что он там тоже хочет поприсутствовать и выступить. Все требовал, чтобы его с Коротичем связали. «Коротича сейчас нет» – «А кто отвечает?» – «Отвечает Наташа Осипова».

Он не понимал, кто такая Наташа Осипова, но это было неважно. «Тогда с Наташей Осиповой меня свяжите». Я ему

объясняла, что сейчас все, кто может принять решение уехали туда-то. А потом их не будет по причине такой-то. И так далее. В общем, так мы Жириновского на конференцию и не пустили. Он стоял где-то за воротами с какими-то своими гавриками и с какими-то плакатами.

По программе у нас еще было посещение Большого театра. Выбрали день. В этот день в Большом театре шла «Баядерка». И вот выясняется – в Большом нет либретто на английском языке. Значит, мы берем у них либретто, сами переводим, потом на ксероксе на цветной бумажке распечатываем. Соответственно, для Большого тоже была отдельная «рассадка». Не помню сколько, но то, что больше 500 человек, это точно. Кто-то в партере, кто-то в ложах. В антрактах – фуршеты.

Когда мы все-таки определились с Президент-отелем как местом проведения конференции (достаточно близко расположенном к синагоге) и выбрали огромный зал, где должны будут проходить заседания, выяснилась

ещеоднатонкость.Залэтотбылсостоламиизкарельскойберезы, составленными в круг. И нам нужно было на каждый из этих столов наклеить плакат.

Когда мы начали это делать, директору гостиницы стало дурно – что будет с его карельской березой?! Я ему объясняю, что это специальный двусторонний скотч, что ничего не останется, что все будет идеально. Впрочем, так действительно потом и получилось. Ничего не осталось.

Потом мы составили размещение по этажам, по номерам, у кого люкс, у кого полулюкс, у кого одноместный, у кого двухместный, кто с женой, кто с кем. Все это у нас было нарисовано на схемах, каждый знает, куда он придет.

Организаторы конференции с американской стороны на всякий случай, вдруг будут проблемы с едой, привезли из Америки в больших количествах продукты, вплоть до сахара и масла. Но «Президент-отель» тогда более или менее прилично обслуживался, продуктов хватило наших. Но и привезенные тоже пустили в употребление.

Прилетали все, в основном, в Шереметьево, и там их встречает главный редактор «Огонька» Лева Гущин. А я уже их встречала здесь, у Президент-отеля. Всего у нас было заказано 10-20 машин, которые должны были обслуживать эту конференцию, встречать, привозить, развозить.

Гости начинают заезжать. Какой-то высокопоставленный и супербогатый гость прилетел на собственном само-

лете. В Шереметьево в шоке: он не сообщил и не согласовал заранее маршрут, но отказать не посмели.

Первое заседание должны были открывать два почетных гостя. Гельмут Шмидт, бывший канцлер Германии, который в 1941 году был солдатом вермахта и воевал под Москвой. С нашей стороны - Александр Яковлев, заместитель Горбачева, член правительства. Красноармеец Яковлев тоже воевал под Москвой.

По сути, каждый из них мог другого убить. Соответственно, конференция «Анатомия ненависти» - это про то, как вскрыть нарыв, чтобы больше не существовало этой ненависти у стран, людей, народов друг к другу. Ненависти, которая ведет к войне. Яковлев со Шмидтом должны были показать возможность и необходимость исторического примирения.

Именно так, выбирая одну болезную тему ненависти для данного региона и сосредотачиваясь на ней, фонд Визеля проводил такие конференции в глобальном масштабе по всему миру.

Так вот, к нам приехал Гельмут Шмидт. Прилетел он вместе с охранником и помощницей. Лева Гущин их встречает, проводит в Шереметьево по VIP-линии, они едут сюда в Москву, в гостиницу. Тут уже я встречаю. В первую очередь, мы размещаем Шмидта, на втором этаже в люксе. Приходит его охранник и говорит, что его поселили на пятом этаже, а он должен хотя бы на коврике, но быть рядом с номером Шмидта.

Дирекция гостиницы встает на уши, договаривается с гостем из соседнего с Шмидтом номера о его переселении. Но тут приходит охранник: «Я походил по гостинице, у вас здесь все очень хорошо организовано с охраной, я не буду переезжать». Хорошо, все возвращаем на круги своя.

Шмидт отправляется обедать. Я вместе с перевод-

чиком — к нему. Извинилась, села и стала объяснять: завтра открытие конференции, и он должен выступать вместе с Яковлевым, и что надо сказать, что они оба могли друг друга убить. То есть, говорю о вещах, далеких от расселения, связанных с содержательной частью.

Он на меня с интересом смотрит. Общаемся. Тут мне звонит Лева и говорит, что охранник Шмидта, пройдя через «зеленый» коридор, не зарегистрировал оружие. С него требуют номер его пистолета и не выпускают поэтому Леву из Шереметьево.

Прошу позвать охранника и говорю, что мне нужен номер его оружия. Он отвечает: «У меня документы в комнате, я сейчас не пойду». Я говорю: «У меня главного редактора не выпускают из аэропорта, поэтому давайте».

И вот мы стоим: здесь ресторан, тут коридорчик, а дальше уже гостиничные лифты, холл, где все посетители. Стоим в этом маленьком тамбуре. Он говорит: «А собственно, зачем мне идти? У меня же оружие с собой, могу номер так продиктовать». В такой близости настоящее оружие я видела точно впервые в жизни. И что дальше происходит, я до сих пор не могу понять, хотя много раз рассказывала об этом эпизоде.

Я стою в длинной широкой юбке. Он еще только достает оружие, а я поднимаю руками эту юбку как занавеску. Причем это было абсолютно произвольно, на уровне подсознания. Видимо, я просто побоялась, что увидят оружие и будет паника. Короче, проблему оружия решили.

На самой конференции, все три дня, у нас был синхрон на четырех языках: русском, французском, английском, немецком. Все выступления полностью стенографировались. Каждый день мы выпускали по итогам дня журнал с основными докладами, причем тоже на четырех языках.

С практической точки зрения это означало, что доклад надо расшифровать, перевести на четыре языка, набрать, плюс фотографии, плюс интервью... С полиграфией тогда было не так хорошо, компьютеров сильно мало, если не сказать, не было вообще. Печать – офсетная.

Единственное, что мы сделали заранее, так это обложки на разных языках на каждый день из более плотной бумаги, чтобы хотя бы на это не тратить время. Переводчики, верстальщики и все остальные заканчивали свою работу часа в два ночи. Все это сводилось, отправлялось в типографию, где на каждом языке печаталось по 50 экземпляров. На английском, может быть, больше. И 200 экземпляров на русском. Утром участники получали очередной номер, в котором были изложены и описаны все события вчерашнего дня.

Так вот, гости съезжаются. И, исходя из их статуса, обязательно на мероприятиях должны были присутствовать пять послов. Израильский посол – на мероприятиях, где участвует Эли Визель, немецкий – где Гельмут Шмидт. Не помню всех пятерых, кто входил в этот список. Но еще одним его участником был министр культуры Франции. Это мне запомнилось, потому что ему перед посещением Большого срочно понадобилась корзина цветов. Он после окончания балета должен был пойти с цветами к балеринам. Пожалуйста, какие проблемы? Заказываем цветы балеринам.

В библиотеке мы организовали пресс-центр, где сиде-

ли телефонистки, которые соединяли с любой точкой мира. Мобильных, как вы понимаете, еще не было. Так вот, француз – министр, после того как решен вопрос с цветами, спускается в пресс-центр и говорит, чтобы его соединили с Парижем.

Ему отвечают – услуга платная, для журналистов она была бесплатная, а для делегатов – платная. Он разговаривает со своим министерством, вешает трубку, ему говорят: «Три минуты – 50 центов». Он решил, что это телефонистка что-то перепутала, зовет переводчика, и объясняет, что он должен заплатить столько-то. Переводчик с английского языка и ему по-английски объясняет, что 3 минуты – 50 центов. Он решил, что этот английский переводчик ничего не понимает, и зовет французского переводчика. Французский переводчик у этого спросил, у телефонистки, у всех: «Три минуты – 50 центов». Министр культуры уходит, тут же возвращается, приносит доллар, и просит соединить его с Парижем еще на три минуты.

Все гости приехали со своими валютами. Где и как менять валюту на рубли, никто не знает. В результате обменным пунктом стала я. У меня стоит сейф, здесь – доллары, здесь – франки, здесь – марки и т.д. Работаю кассиром, выдаю и принимаю деньги.

Не могу сказать, что у меня был маленький штат. Он был достаточно существенный. Кто-то отвечал за транспорт, кто-то – за билеты, пресс-центр был большой, кто писал, кто верстал. Но все равно за все отвечаю я. Спать уже не обязательно, это уже вредно, три дня можно и не поспать.

Соответственно, в четверг гости заехали, в пятницу в первой половине дня провели первое заседание, главное. И в четверг же они объясняют, что в пятницу вечером нужна кошерная еда. Я выясняю, что в Москве на тот момент рабо-

тает один-единственный ресторан кошерной пищи. И вот там можно все заказать. Нам присылают по факсу меню, они смотрят, глаза у них становятся круглые, цены слишком высокие.

Говорят: «Нет, обойдемся без кошерной пищи в пятницу вечером, просто нам нужна отдельная комната, где можно будет помолиться, комната, где можно будет посидеть в темноте». Ну, хорошо, будет все, что хотите...

Наступает утро субботы – пора идти в синагогу. Но кто-то из евреев пошел смотреть окрестности. А кто-то сувениры покупать.... И вот уже около 11 утра, а я никак не могу собрать группу правоверных.

Предполагалось, что они пойдут пешком, а поеду рядом на машине, на всякий случай, если кому-то станет плохо. Часам к 12, наконец, собрались и пошли. Медленно, чинно, беседуют. И я медленно, чинно, с водителем, еду рядом с ними. Переехали Большой Каменный мост. Останавливаемся около синагоги. Они остановились, на крылечке, не входя в синагогу, и разговаривают: про политику, про Горбачева и Ельцина, про то, что здесь, в Москве, будет, в общем, про все на свете.

Я сижу в машине, нервничаю. У меня куча дел, у меня сплошные проблемы, потому что вечером в субботу уже можно все нормально делать и у нас запланирован Большой театр, а надо еще с билетами окончательно вопрос решить, и еще что-то решить. А они все никак не заходят в синагогу. Сижу в машине: «Господи, ну сделай же что-нибудь, чтобы они зашли в синагогу, и чтобы я могла спокойно уехать!». По-моему, они так туда и не вошли! Но пообщались всласть.

Вечер субботы, Большой театр. Билеты уже розданы, отдельно вручены приглашения на фуршет. А еще отдельно на ксероксе на цветной бумаге распечатаны либретто «Баядерки». Отдельно мы рассылаем билеты тем послам, кото-

рые должны были сопровождать высокопоставленных участников конференции. Им билеты отвезли непосредственно в посольства. Но получили их, как выясняется, не все.

Я уже всех из гостиницы отправила в Большой театр, собираюсь сама туда ехать на последней машине. Тут поднимается шлагбаум и въезжает посольская машина с флагом ФРГ. Выясняется: посол и его жена билеты не получили. А ему там быть надо обязательно, надо сидеть в одной ложе с Гельмутом Шмидтом. Я сажусь в посольскую машину рядом с водителем, и мы все вместе едем в Большой театр. Билетов у меня нет, но я понимаю, что быть внутри послу просто надо.

Прямо ко входу Большого театра подъехать нельзя. Мы останавливаемся (а по времени это уже третий звонок), дальше бежим. Я, за мной посол, за ним его жена на каблучках. Влетаем, холл уже пустой, все поднялись в зал, и я билетершам что-то немыслимое объясняю: там канцлер, здесь посол, билетов нет, у меня есть билет, но он один, а нас трое...

Короче говоря, видимо, очень эмоционально я объяснила и нас пустили. Мы влетаем в ложу, где сидит Шмидт с Эли Визелем. Только входим, садимся, и начинается увертюра. Я выползаю оттуда, какое счастье! Мы успели, посол успел, мы добежали. Сцена сама по себе забавная. А дальше начинается фуршет в Бетховенском зале, фуршет в другом зале, цветочки балеринам, все выходят довольные.

На следующий день опять заседание, дискуссии, диспуты. Вечером, соответственно, прием в Дубовом зале Дома литераторов с рыбой, которая, как мы выяснили, является кошерной и с грибами, которые, как мы знаем, не ест Эли Визель.

Днем я приезжаю туда на всякий случай еще раз все проверить. И понимаю: с овощами, с фруктами у нас явно не то, что мне хотелось бы для такого приема. Я еду на маши-

не на рынок, закупаю продукты, привожу в ресторан. Там все моют, накрывают. Прием проходит на «ура».

Гостям все нравится, они накупили шапок-ушанок и прочих сувениров с Арбата. А некоторые еще и решают на два-три дня остаться.

Каждый день пресс-конференции, встречи с прессой, аккредитована куча зарубежных журналистов и наши из всех изданий... Одним из пунктов программы форума была встреча с Михаилом Горбачевым. И эта встреча для Горбачева с зарубежными участниками конференции «Анатомия ненависти» оказалась последней на его посту президента.

Через несколько дней Михаил Горбачев покинул Кремль. СССР закончился.

А я сделала первое мероприятие для «Огонька».

3.

На снег смотрю. Февральский это снег.

А думаю о солнечной весне.

Так, вероятно, создан человек:

Апрельский зной ему милей, чем снег!

Шумит метель, а людям хоть бы хны:

Есть ощущение радостной весны!

Взять меня на работу – это прибавить себе головную боль. Нет, работник я, конечно, ответственный, добросовестный и творческий, но... неординарный и своеобразный.

Лето 1992 года. Состоялись премьеры «Ассы», «Унесенных ветром», «Русского дома», «Ночного портье»; прошли фестивали «Окно в Европу» в Ударнике, «Фестиваль некупленных фильмов» в Подольске, «Золотой Дюк» в Одессе, ММКФ, естественно, в Москве. Позади «Анатомия ненависти» и «Неделя совести».

Но сейчас я месяца три или четыре ничего не делаю, нигде не работаю, сижу (или, большей частью, лежу) дома. Мне хорошо, но меня все донимают. Никто не может поверить, что я могу сидеть столько времени без работы.

Звонит Лева Гуцин: «Сашка Вайнштейн сейчас организует «Кубок Кремля», он – московский директор, и ему для пресс-центра нужны люди. Пойди». «Лева, ну ты понимаешь, где «Кубок Кремля» и где я? К спорту я никогда в жизни не имела никакого отношения, а спорт ко мне. Что я могу там? Пресса специфическая...».

В общем, несколько дней мы препираемся. «Ну, что тебе стоит? Это же рядом с тобой – «Олимпийский», просто перейти улицу. Ну, пообщаешься с Сашкой. Пойди».

Действительно, почему бы мне не прогуляться? Вайнштейна я знаю еще со времен «Московского комсомольца», где он был внештатным корреспондентом, писал про спорт. Потом мы встретились в конце марта 1988 года накануне премьеры «Ассы» в Доме культуры МЭЛЗ (Московский электроламповый завод), где он был директором ДК. «Ассу» должны были показывать в «Ударнике», но испугались – такой фильм и в кинотеатре напротив Кремля... Дальше ни один кинотеатр на длительную премьеру (а предполагалось, что показ должен идти две-три недели) не соглашался. А МЭЛЗ,

т.е. именно Саша Вайнштейн, согласился. В 90-е он продюсировал первые мюзиклы в России – «Метро» и «Notre Dame de Paris». С 1995 по 2003 год был президентом ЗАО «Информационно-издательской компании «Московские новости»». В общем, известный человек – Александр Вайнштейн. А в 1992 году, когда спустя 4 года после «Ассы» мы встретились снова, Саша третий год был исполнительным директором теннисного турнира «Кубок Кремля». Очередной – третий – «Кубок Кремля» должен был состояться в ноябре 1992-го.

Разговор был недолгий. «Подумаешь, к спорту ты не имела отношения... Руководитель пресс-центра знает язык, знает спорт, знает журналистов. Он и будет проводить пресс-конференции, а ты, его заместитель, – делать все остальное». А все остальное – это что? Аккредитации, организации пресс-конференций, отслеживание публикаций – это все понятно. Но мне же скучно. «Давайте тогда выпускать каждый день газету». Саша был согласен: «Хорошо, будем выпускать каждый день газету». Восемь полос, формат А3, в 2 краски. Солидная газета с приличным бюджетом.

Поехали в типографию «Московской правды», подписали договор. Они его подписали, можно сказать, не глядя: восемь дней, восемь номеров газеты, предоплата за бумагу, за тираж, за печать. Тогда, в начале 90-х, таких желающих выпускать каждый день газету на своем мероприятии было много. Но обычно больше одного номера

никто не делал. В типографии были уверены, что восемь газет в договоре – для проформы.

Штат спортивных журналистов набрать было не сложно. Фотографов задействовали, в основном, из ТАСС. Компьютеры у нас были – и для набора, и для верстки. А вот технический персонал состоял, в основном, из детей сотрудников турнира. Те, кто помладше, конечно, тексты не набирали, а были разносчиками газет. Сыновья Левы Гущина, Саши Вайнштейна, Натальи Гольдиной (известной среди моих друзей, как Пешка), дети многих других знакомых и родственников.

Рядом с кортами был VIP-ресторан, куда ходили почетные гости. Организован он был по принципу шведского стола. В какой-то момент я вхожу в этот ресторан. В это же время чуть впереди идет Саша Вайнштейн. А навстречу, из ресторана, выходят секретарша Вайнштейна и ведет за руку сына Саши. Видимо, они уже пообедали. Саша Вайнштейн моментально оценивает ситуацию, и понимает, что сейчас будет сцена, и лучше, чтобы эту сцену разыграл он, а не я. И он начинает кричать на свою секретаршу: «Ты что?! Ты не понимаешь? Зачем ты его сюда привела? Он здесь не мой сын, он здесь Наташкин разносчик газет!». Так что мне эту мизансцену уже не разыграть.

Набирала текст шестнадцатилетняя дочка главного бухгалтера. Уже глубокий вечер, а текст еще не принесли. А его еще надо отредатировать, а потом отдать корректорам, сделать верстку газеты. А мама девочки закончила свою работу уже в четыре часа дня (потому что основная работа у бухгалтера до и после мероприятия, а пока шел турнир – минимальные выплаты и подписи бумажек). И вот бедная мама сидит до двенадцати, до часу, до двух ночи, ждет, когда освободится ее дочка, чтобы отвезти дочку домой. Кажется,

я всем устроила веселую жизнь. Но при этом все «загорелись», всем нравилось.

Газета получалась живая, интересная. Была регулярная рубрика «Прогноз» – кто как сыграет в текущий день. Его делали одна из наших ведущих спортивных журналисток Н. Быканова и Юджин Скотт, в прошлом американский теннисист, а на «Кубке Кремля» – директор. И каждый день счет менялся то в пользу нашей журналистки, то в пользу англичанина. Естественно, ежедневно были репортажи с пресс-конференций, материалы непосредственно с матчей. Было много фотографий, в том числе и зрителей, а среди зрителей были и Ельцин, и Коржаков, и Тарпищев, и актеры, и другие публичные люди, и знаменитости. Были и интервью с ними.

Одну полосу, как правило, отдавали под рассказ о какой-то службе – служба питания, транспортная служба, их много на каждом мероприятии. Как правило, их не замечают. И отдельно была полоса про спонсоров. Она у нас выходила каждый день разным цветом – желтенький, зелененький.

Одним из спонсоров турнира была Pepsi Cola, и в какой-то момент, уже после турнира и по совсем другому поводу, мы с ними встречались. Я говорю: «Мы давали вашу рекламу» – «Какую нашу рекламу? Мы не давали никакой рекламы, вы не имеете права давать нашу рекламу!» – «Вы же были спонсорами «Кубка Кремля»?» – «Да». И я им показываю один из номеров нашей газеты. А правила таковы, что

рекламодатель всегда утверждает рекламу. Тут же получается реклама, которую они в глаза не видели. Мы ее нарисовали и поставила в одном из номеров. Этот номер был «зелененький», т.е. спонсорская полоса была зеленого цвета. Я показала эту газету и уже убираю. И вдруг руководитель рекламной службы российского отделения Pepsi, а такие люди очень себя уважают и ценят... И вдруг он так: «А можно мне вот этот зелененький...», в смысле подарить, на память ему оставить. Это было трогательно. Но это уже было потом.

Набрать материал на любом мероприятии можно на газету, на книгу, на заметку в пять строк – это не проблема. Проблема придумать, как все это должно быть. Чтобы было свое лицо, которое запоминается. И действительно это все было. Причем свое. Даже своя эмблема – такой «бегающий» желтый мячик.

Сама газета собиралась поздно ночью. Я отвозила материал в типографию, потом там была какое-то время, подписывала готовые полосы, где-то в пять-шесть утра уезжала, пару часов спала, приезжала в «Олимпийский», и мы уже начинали заниматься новым выпуском. На турнир газету привозили к обеду, когда начинались самые популярные матчи. Газета была очень востребована зрителями. Тиража не хватало.

Бригада, работающая в пресс-центре, получалась разномастная. Весь пресс-центр одели в форму. Благо, у Кубка масса спонсоров. Из привезенной экипировки подобрали кроссовки, специальные майки с надписями.

Одним из спонсоров была израильская фирма, которая хотела поставлять на российский рынок соки. И они привезли эти соки на турнир. К тому времени у меня уже лет десять как была язва. И натуральные соки она не выносила. То есть, я могла пить кока-колу, растворимый кофе, курить

сигареты – язва никак не реагировала. Но стоило мне выпить натуральный сок, как тут же начиналась резкая боль. Так вот, у них были соки натуральные. Это было на мне проверено.

Главным спонсором, хозяином «Кубка Кремля» был иранско-азербайджанский швейцарец Сассон Какшури, который жил в Швейцарии. Его большое семейство – брат, жена, много детей, папа, мама – все приехали.

Сассон был важный и занятой. То они с Ельциным рядом сидят, то он еще с кем-то высокопоставленным общается. Что и как происходит с нашей газетой, он, казалось, не очень интересовался. А вот его жена – интересовалась. И жаловалась Саше Вайнштейну на меня, что, мол, неправильно делается газета. Про все службы написали, и уже про водителей, и про кухню. А как же про нас, про спонсоров? Мне Вайнштейн пересказывает. Говорю: «Подожди, будет».

Вообще, конечно, товарищ Какшури, как один из руководителей турнира, на страницах газеты присутствовал ежедневно. На первой полосе в каждом номере публиковалась его колонка с фотографией и автографом. Эту колонку на самом деле писала Аня Черняховская. Она хорошо знала английский. Каждый день она приходила к Какшури, брала у него пару-тройку фраз на тему следующего выпуска, согласовывала основную идею и писала текст (об игре, о спорте, отношениях между людьми и т.п.). Все уже привыкли, что газета – это очень важная вещь на этом празднике жизни, на этом турнире. Какшури сидит с Вайнштейном, а то и с Ельциным. Подходит Аня, требует внимания, Какшури сразу переключается...

А параллельно с написанием колонки Аня собрала материалы про всю многочисленную семью Какшури – про детей, родственников. И, естественно, подбирались фотографии. И вот самый последний номер, который должен

был выйти, вот два человека, которые вышли в финал, их фотографии, между ними знак вопроса. И здесь, в последнем номере, уже не полоса, а четыре полосы посвящено семейству Какшури.

С этим очередным, тем самым, где про семью, номером, приезжаю в типографию. А это уже в ночь на воскресенье. Пока это был понедельник, вторник, среда, четверг и пятница, то у типографии вопросов не было. Но в понедельник никакие газеты не выходят, поэтому в воскресенье типография закрыта, там никого нет. Естественно, всех разбудили, вплоть до директора. Но включать станки для печати мизерного для них тиража они не торопятся.

Я говорю: «А договор? А неустойка?». Они просто в шоке. У них ничего не заряжено, надо запускать машины, надо вызывать людей. И они понимают, что будут в полном прогаре в любом случае. Потому что, договариваясь на какую-то сумму, они были уверены, что издадут два номера, а тут они уже восьмой делают. Да еще надо в выходной день запустить этот огромный комплекс!

Но пришлось запускать, никуда не денешься – «Кубок Кремля», Борис Ельцин, финал. Запустили. Историю про семью опубликовали. А у них счастья... Никогда в таком объеме, так по-доброму, с фотографиями с двух турниров про них не писали. Это было очень трогательно.

Но это еще не вся история с Какшури. Заканчивается у нас работа, я подвожу итоги, рассчитываем гонорары, отправляю ведомость в бухгалтерию. А там – фамилия владельца. Он же в каждом номере публиковал авторский материал, гонорар: 243 рубля 17 копеек за вычетом всех налогов, пожалуйста, распишитесь.

Всю эту ситуацию мы долго ему объясняли, надо было переводить, по-русски он не очень сильно понимал.

Когда понял, говорит: «Я думал, что я на этот турнир трачу деньги, а я, оказывается, заработал! Я первый раз расписался в ведомости».

Дальше он меня вызывает, открывает коробочку и дарит серьги в виде сердечка. Здоровые, одеть невозможно. Я улыбаюсь, чтобы человеку сделать приятно, уши у меня проколоты, я их воткнула. Я понимаю, что это единственный раз, когда я их надела. Он говорит: «Но вы только никому не говорите, что это я вам подарил». Через какой-то момент подходит секретарша Вайнштейна и говорит: «Знаешь, что у тебя в ушах? Это же чистое золото». Тут я была сильно удивлена, потому что носить золото в таком объеме и размере у нас в тот момент как-то было еще не принято. Ну, если это не золотые цепи у малиновых пиджаков.

До конца турнира оставалось два или три дня. Сидим в VIP-ресторане слевой Гушиным и Валей Юмашевым. «Все, Наталья, заканчивай здесь, у нас в «Огоньке» реклама в полный ноль, ничего нет, мы хотим, чтобы ты этим занялась, тебе надо завтра туда выходить».

Завтра, конечно, не получилось. Я очень не люблю, когда мне не дают доделать что-то до конца. «Доделаю, сдам, потом к вам». «Нет, ты не понимаешь, журнал...». Но не убедили. Потом я поняла, что и Валя, и Лева меня знали достаточно хорошо, но для утверждения на редколлегии надо было показать, что я действительно тот, кто нужен.

И одно дело, человек полгода нигде не работает, хотя до этого проводил совместное с «Огоньком» мероприятие - «Анатомия ненависти», например, но это было уже год назад. А тут можно сказать: «Вот, вчера она была на «Кубке Кремля».

Так этот проект для меня оказался поворотным. Через неделю я работала директором рекламного агентства «ОГРЕ», название которого легко расшифровывается - ОГонек РЕк-

лама. Это был уже четвертый или пятый раз, когда Лева брал (или рекомендовал) меня на работу. Конечно, взять меня на работу – это прибавить себе головную боль. Хотя для меня лично это оказалось очередным крутым и удачным поворотом.

Но и наша газета сыграла большую роль в турнире. Потом выяснилось, что даже на Уимблдоне выходят всего три или четыре номера турнирной газеты, в основном с расписаниями и результатами. А уровень нашей, которая вышла в итоге восемь раз, был намного выше. А Саша Вайнштейн стал еще и директором фирмы «Юнайтед Тим Интернешнл» (Москва), издававшей газету «Новости Кубка Кремля» и другие спортивные материалы.

В конце 1980-х – начале 1990-х журнал «Огонек» – это целая империя. Тиражи – миллионные, публикации – суперинтересные. Деньги есть, все хорошо. Членами редколлегии были звезды: Елена Боннэр, правозащитница, Марк Захаров, режиссер театра «Ленком», Юрий Никулин, народный артист... Другие лидеры общественного мнения и политического влияния.

А потом начался спад. Сократили тираж, журнал начинает выходить не еженедельно, а раз в две недели или раз в месяц. А реклама выкуплена на год вперед и обязательства подписаны на определенное количество полос на определенное количество номеров. При таком графике выхода обязательства эти журнал выполнить не мог. Пошли претензии и судебные тяжбы.

Забуксовал фирменный проект «Огонька» – издание книг по подписке, деньги на которую также собрали.

В общем, положение было достаточно тяжелое. Но почему-то руководство журнала решило, что я могу вытащить журнал в плане рекламы. И я стала директором рекламного агентства «Огонек», которое так и называлось – «ОГРЕ».

А между тем, через несколько месяцев, 1 апреля 1993 года «Огоньку» в его советском варианте исполнялось 70 лет.

Решили, что праздновать не надо. От советского времени пытаются дистанцироваться. Ситуация в стране и самом журнале ну совсем не праздничная. Да и мероприятие это затратное.

Но я пропустить праздник не могу, это не в моих традициях. Начинаю доказывать членам редколлегии, что праздновать обязательно надо, причем не просто, а с большим размахом. И в результате всех убедила. Валя Юмашев, на тот момент заместитель главного редактора «Огонька», заручился согласием Бориса Ельцина присутствовать на юбилее.

Местом празднования основной даты выбрали Дом приемов президента, на углу Мосфильмовской и Косыгина. Дом приемов здесь располагается со времен Сталина. Не знаю, бывал ли там Сталин, но Хрущев точно. Комендант этого здания со времен Хрущева работал в этом особняке. Там бывали все первые лица, устраивались иностранные приемы и другие престижные мероприятия. Очень красивые залы, большая территория...

Гостей планировалось много – и члены правительства, и окружение Ельцина, и журналисты, главные редакторы разных изданий, зарубежные журналисты, деятели театра и кино.

Началась подготовка. Для начала я поехала к коменданту Дома приемов. Он на встречу собрал большую, представительную делегацию. С их стороны – одни мужчины. А я одна. Разговор шел странный. Они мне говорят: «Вы знаете, у нас тут проводили несколько мероприятий, но это было ужасно. У нас и ложечки воруют».

Каждый из приглашенных комендантом на совещание интересуется своим направлением. «А кто у вас будет за гостей отвечать?» – «Я буду». – «А за транспорт?» – «Я». Когда на пятом «я» они поняли, что это все завалится, то махнули рукой – ну будет, что будет. Пришло к ним распоряжение предоставить помещение? Хорошо, предоставим. А дальше – как получится.

Встречались мы сначала раз в две недели, потом уже чаще. Последний раз – накануне мероприятия. И я практически с первой нашей встречи говорила, что будет Борис Николаевич Ельцин. Они объясняли, что если Борис Николаевич будет, то они об этом узнают раньше. И так каждую встречу... Вот обсуждаем, что по бартеру у нас будет шампанское, водка... Вот еще какой-то момент, еще один... Ну а что там

с Борисом Николаевичем? Вы как-то к этому готовитесь? И каждый раз меня тихо задвигали, особо не слушали. Все, что я говорила, как-то пролетало мимо них. Они для себя понимают, что раз никакой команды сверху готовить супер-мероприятие с участием президента у них нет, значит, и Ельцина не будет.

Раз я готовлю мероприятие, то мне нужно, чтобы были сувениры, подарки всем гостям. И поскольку я не люблю делать вещи традиционные, надо что-то придумать оригинальное. И мы делаем большую красивую коробку со спичками – ведь мы же «Огонек»!

Эта коробка стоит отдельного упоминания. Она достаточно большая получилось, где-то тридцать на сорок сантиметров и пять сантиметров в высоту. По боковым сторонам – названия и логотипы всех дочерних проектов «Огонька», «деток» (советско-британская творческая ассоциация, фонд «Огонек-АнтиСПИД», «ОГРЕ» и другие)

Открываем: на внутренней стороне крышки – кроссворд по истории «Огонька» и вопрос, что впервые в конце 1920-х годов для своих читателей затеял «Огонек»? Тут же даются ответы, потому что другого варианта дать ответы не будет.

Дальше – пачка длинных «каминных» спичек, здесь все эмблемы «Огонька» за все годы его существования. Я послала нашего фотокора в Ленинскую библиотеку, чтобы он заказал дореволюционные журналы «Огонек», первые номера и последние, когда он еще выходил в дореволюционном варианте.

Он мне звонит: основной фонд в Химках, надо заказывать, но до революции выходило пять разных «Огоньков», в разные годы по-разному. Один выходил в Одессе. Один выходил несколько лет, но заглох. Я говорю: хорошо, чи-

тайте мне все аннотации. Времени заказывать все журналы и смотреть, какой из этих Огоньков «настоящий», просто нет. Читает. На слух я плохо воспринимаю, но другого выхода нет, надо выбрать прямо сейчас. Два-три раза в жизни у меня было ощущение, что это какой-то голос свыше мне сказал. Один из них – как раз в этой истории с дореволюционным «Огоньком». Описания – практически одинаковые, иллюстрированное общественно-политическое издание, тираж, город издания... Говорю, ну давайте вот этот.

Он заказал, через несколько дней фотограф отснял самые первые номера, отснял последний номер уже перед закрытием, приносит мне снимки. Причем были журналы, которые раньше выходили, чем этот. Почему я на нем остановилась, я действительно не знаю, но у меня было ощущение, что кто-то просто четко указал, что именно этот нужен.

Ну, а дальше смотрим – у последнего номера «Огонька», вышедшего в самом начале 1918 года, логотип точно такой же, как логотип журнала 1923 года, только без ятя. То есть, Михаил Кольцов, собираясь издавать журнал «Огонек» в начале 20-х, дает прямую ссылку на тот самый, который я выбрала!

И тут, кстати, любопытно, что, когда после революции начали издавать популярные прежде издания, в их дореволюционное название добавляли разные слова, чтобы сделать их более советскими. Например, «Нива» стала «Красной Нивой».

А Кольцов, наоборот, делает прямую отсылку к первоисточнику. При этом надо понимать, что первая редакция «Огонька» - это сливки поэзии и журналистики 1920-х годов. То, что именно 1 апреля решили выпустить первый номер советского «Огонька»... То, что он продолжает старый... Там были и второй, и третий, и какие еще другие смыслы заложе-

ны. Они играли, это была пародия, это была мистификация.

На самой первой обложке «Огонька», который выходит в 1923 году, такая костлявая рука, которая переворачивает три страницы между 1918-м и 1923-м годов: пять лет, а страниц там три...

Возвращаясь к коробке спичек... Здесь, мы собрали все дореволюционные и послереволюционные логотипы «Огонька». С ятями и без ятей, как он выходил с Орденом Ленина, и без Ордена Ленина.

Опять же, если говорить об истории. Вот дореволюционный «Огонек», первый номер, новогодние номера. Императорская семья, искусство в стиле барокко. А вот обложка первого номера 1923 года. Рука переворачивает все-таки три странички. Дальше уже обложки советского времени: «Наш паровоз вперед летит», «Сельское хозяйство», «Дело Ленина живет и побеждает».

Вот День Победы на обложке 1991 года. Вот фото Патриарха Всея Руси... Это разные варианты жизни советского и постсоветского общества – наиболее значимые картинки, которые символизировали время. Все это на коробках спичек, они разного размера и по-разному оформлены.

Еще здесь – коробочки со спичками «промежуточной» длины (длиннее, чем обычные, короче, чем каминные). Ими хорошо костер разжигать. На каждом – редакторы «Огонька», которые возглавляли журнал с апреля 1923 года: Кольцов, Евгений Петров, Ермаков, Добрынин, Сурков, Сафонов, Коротич. И на тот момент главный редактор Лев Гушин, учредитель – трудовой коллектив. Написано, что выходит с апреля 1923 года.

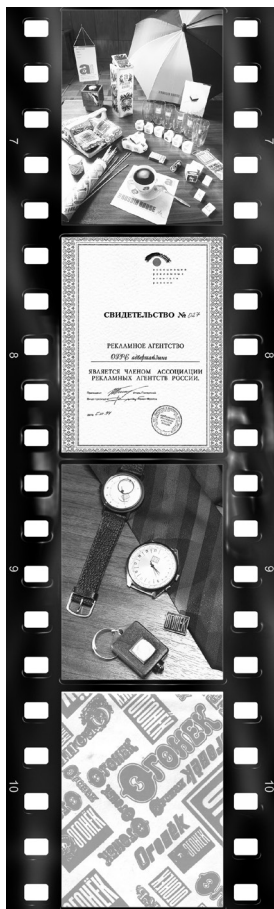
Но это были еще не все коробочки, надо было еще другие оформить. Одну коробочку мы решили показать – как журнал планируется, верстается и, в конечном итоге, выхо-

дит. Попросили Андрея Вознесенского, а он у нас был постоянным автором, и задача эта ему понравилась, он нарисовал эскизы, под нужный размер и пропорции.

Тут был, кстати, такой забавный эпизод. Мы встречаемся с ним в Доме литераторов, он приносит эти эскизы, и они у него падают. А у художников, писателей, архитекторов, есть примета, что если упало, то это очень плохой знак и надо обязательно сесть на упавшую рукопись или рисунок. И вот Андрей Вознесенский берет эту пачку эскизов и на нее садится.

В журнале было много рубрик. Вот «Огонек», вот его рубрики спрятаны, сдвинуты – «Политика», «Диагноз», «Зарубежье», «Реформы», «Шанс», «Житье», «Былое», «Культура», «Спорт», «Криминал», «Юмор». Первая буква была красная. И процесс: как приносится рукопись, ее читают, зам. ответственного секретаря, ответственный секретарь, зам. главного редактора. Здесь все подлинные подписи, даты, когда сдано, в какой номер. И стихи Андрея Вознесенского, которые были опубликованы. Дальше идет корректура, корректорские знаки, что сдвинуть, куда, указатели, какая полоса, номер и т.д. Вот из рукописного наброска все переносится на редакционный стол, на корректорский, а потом печатается и уже выдвигается рубрика «Россия. Поэзия».

А еще, так как «Огонек» – иллюстрированный журнал, то большое значение имеют фотографии, а следовательно – и фотографии. Поэтому у нас есть ко-

робочки цилиндрической формы, в виде свернутых пленок – Kodak, ORWO, Fuji. Всего их восемь. На каждой наиболее известные фотографии «Огонька» (один фотограф – одна фотография). Первая лампочка Ильича. Голые девочки на фоне Кремля. Горбачев. И т.д.

В серединке совсем маленькие спички – это «детки» «Огонька». И две квадратные коробочки – тоже рубрики. В «Огоньке» был такой клуб карикатур, который назывался «Нет проблем». На гранях коробки четыре карикатуры. На другой коробке – анекдоты от Юрия Никулина. Это тоже была постоянная рубрика. Но опубликованные в журнале анекдоты оказались слишком длинными для маленькой грани коробочки.

Звоню Никулину: «Нужно четыре анекдота, но очень коротких». «Наталья, где я их тебе возьму?». И гудки... Проходит три или пять минут. Раздается телефонный звонок: «Записывай». И я записываю.

Спички сделали в Балабаново на спичечной фабрике.

Но это были не все подарки. Нужны же сувениры?! Находим часовой завод в Петербурге, который делает, как все часовые заводы на тот момент стали делать рекламу. Но реклама на циферблате, которую делают все, – это же не интересно. Давайте сделаем рекламу на стрелке. Надо иметь в виду, что от переговоров до тиража – один месяц.

На часовом заводе мне объясняют, что никто в мире никогда не делал рекламу на стрелке, это невозможно, потому что это меняет механизм, все надо перестраивать, а стрелка становится тяжелее. Но попробовать мы можем? Вторые часы мы заказали на 24 часа, там сложностей никаких не было, просто эмблема на циферблате. А здесь никогда в жизни и никто не делал. И звонят мне с завода такие довольные и счастливые: «Наталья, у нас получилось!».

Потом нашли брелоки для ключей, и если нажима-

70-е

**ЗВЕЗДЫ
В ЧЕСТЬ «ОГОНЬКА»**

70-е

**ЗВЕЗДЫ
В ЧЕСТЬ «ОГОНЬКА»**

8

9

9

10

10

10

10

[illegible]

70-е

**ЗВЕЗДЫ
В ЧЕСТЬ «ОГОНЬКА»**

70-е

**ЗВЕЗДЫ
В ЧЕСТЬ «ОГОНЬКА»**

8

9

9

10

10

10

10

заниматься рекламой в «Огоньке».

Естественно, редакция тоже участвует. Сергей Николаевич занимается культурной программой, ведет встречи с разными артистами и режиссерами. Художники рисуют, фотографы снимают. Но главный штаб – это наше агентство. Соответственно, все отделы запрашиваются, кого они хотят позвать на мероприятие, за каждого почетного гостя отвечает кто-то из членов редколлегии и т.д.

Параллельно мы заключаем бартерный договор на 400 бутылок шампанского с «Заводом шампанских вин». Они нам шампанское, а мы ставим их рекламу. Агентство «ОГРЕ» занимало две небольшие комнатки. В какой-то момент войти туда было просто невозможно – все уставлено ящиками с шампанским.

Распределили шампанское так: 10 спектаклей театрального фестиваля, на каждый спектакль мы привозим 20 бутылок шампанского. Начинается действие с того, что выходит главный режиссер, поздравляет «Огонек», а после спектакля от нас выносят красивую корзину с цветами. Ни одна корзина не повторялась, каждая была шедевром.

Кроме театров был еще концерт в Торгово-промышленной палате, в которой только закончился ремонт. Красивейшее здание, в котором впервые звучит живой оркестр – у нас играл недавно созданный оркестр Вивальди. Здесь тоже поздравляли журнал.

И продолжают мои встречи с комендантом и с его коллегами, и каждый раз примерно одни и те же вопросы. И каждый раз я повторяю, что будет Борис Николаевич. Они по-прежнему не верят.

Отпечатали пригласительные билеты. Очень дорогая, красивая бумага. Пригласили специального каллиграфа, который вручную со всеми виньетками написал каждый

именной билет и конверт. Сотрудники редакции, водители, приглашенные курьерские службы уже развезли приглашения почетным гостям.

Работа кипит, так или иначе впряглись все.

С шеф-поваром Президента составляем меню. И еще предусматриваем отдельный небольшой зал на 20 человек, который накроют специально для членов редколлегии, чтобы, когда все гости разъедутся, можно было спокойно посидеть – снять напряжение, выпить и, наконец, поесть.

Параллельно привозят то одну, то другую сувенирку. И 31 марта утром мне из Балабаново привозят коробку спичек с тем, чтобы я завизировала, что все правильно, и можно остальной тираж доделывать, упаковывать. Я подписываю, коробка остается у меня.

В тот же день, 31 марта у нас по программе «Звезды в честь «Огонька» представление в цирке у Юрия Никулина. Утром мне звонит Никулин: «У меня сегодня гости. А где шампанское?» – «Все будет». Вечер, Лева Гуцин стоит на ступеньках цирка на Цветном бульваре, подъезжает машина, из которой выходят Елена Боннэр и привезший ее Константин Смирнов, журналист «Огонька». Боннэр растеряна: «Я не понимаю, зачем мы приехали в цирк? У меня встреча, мне надо было...» Лева ей : «А вы давно, наверное, не были в цирке?» – «Ну, лет тридцать». И как-то она оттаяла...

Приехал Марк Захаров, приехал Адам Михник. Всех провожают в директорскую ложу. Юрий Никулин выходит на арену, говорит красивые слова об «Огоньке», возвращается к нам, наливает шампанское. Я понимаю, что он мне диктовал анекдоты для этих спичек, он почти соавтор, ему будет приятно этот подарок сегодня получить, и я ему вручаю эту коробку, которую пока никто еще не видел, даже Лева Гуцин. Никулин радостно рассматривает большую подарочную

коробку, вынимает разнообразные спичечные коробки. А я боковым зрением вижу, что Марк Захаров и, особенно, Елена Боннэр обижены. Михник никак не прореагировал. А здесь явная обида, как у ребенка, которому не дали конфету или игрушку. Я выскакиваю в холл и начинаю скупать все на свете – какие-то носики, пищалки, распикиваю по карманам. Возвращаюсь: «А это вам, а это вам». Все улыбаются, Боннэр замечает: «А у меня двое внуков». Надо было как-то снять напряжение. А сказать, что завтра у всех будет по такой же коробке, было просто невозможно.

Заканчивается это замечательное мероприятие. Я еду в «Огонек», самая большая комната – это, естественно, зал заседания редколлегии. И в этот зал мы уже притащили все пакеты, все сувениры, все книжки, списки, кому что дарить. Начинаем укладывать. Около 12 ночи приехала машина из Балабанова. Часам к пяти утра мы, наконец, закончили раскладку.

Между тем, уже на 100% ясно, что Ельцин будет. Дня за три или за четыре он звонит Леве Гушину: «Нам прислали один билет на двоих с женой. А мы поедем из разных мест, ее могут не пустить. Нужен второй билет». Невозможно объяснить, что машину с их номерами, в котором он или она сидят, просто не могут куда-то не пустить или потребовать какой-то билет. Проще сесть на редакционную машину и поехать к этому каллиграфу и выписать второй билет на жену. Лева его спрашивает: «Вы во сколько приедете» – «Ну как же, там написано: съезд гостей к 17-30» – «Ну, может быть, вы минут на 15-20 попозже, когда народ...» – «Нет, я приеду вовремя».

И вот накануне, когда я привожу коменданту Дома приемов списки со всеми номерами машин, со всеми гостями и говорю в очередной раз, что будет Борис Николаевич. Мне

в ответ: «А нам никакая команда не поступала. Если он будет, то мы узнаем об этом первыми».

Потом уже выяснилось – произошло то, чего в принципе произойти не могло. Валя Юмашев напрямую передал Ельцину и первый, и второй приглашенные, и с ним много раз разговаривал на эту тему. Но никто – ни Борис Николаевич, ни Валя – не сообщили об этом мероприятии в протокольный отдел администрации президента. Кроме Бориса Ельцина, были приглашены многие из его окружения. Руководитель службы безопасности Коржаков и другие. Каждый сказал своему водителю, своему секретарю, но никому из них также не пришло в голову сообщить службе протокола.

И только утром 1 апреля (такая первоапрельская шутка) служба протокола узнает, что Ельцин будет в Доме приемов на Косыгина. Что нужно выставить охрану и т.д. Сообщает об этом коменданту и всем остальным. И вот я подъезжаю к этому самому Дому приемов на трех частных машинах. Со мной – большое количество юношей и девушек в возрасте 17-18 лет. Они должны раздавать сувениры, встречать гостей. Естественно, охранник нас не пускает.

«Соедините меня с комендантом». Меня соединяют. Комендант: «Вы понимаете, у нас сегодня будет Ельцин». Дальше, я честно могу сказать... Мат – это совсем не мой язык, и я им никогда особо не пользуюсь. Но в этот момент, кажется, не удержалась: «Я с первого дня говорила, что будет Ельцин. Кто кого принимает? Ельцин меня или я Ельцина? Если меня сейчас не пустят, то мероприятие не состоится». – «Я не могу вас пустить, пока не заступит охрана». А охрана заступает за час-полтора до приезда Президента. Значит, я не успею подготовиться. В общем, он на свой страх и риск, бело-зеленый, открывает эти ворота, пускает три частные машины, толпу малолетних и сумки неизвестно с чем.

Я понимаю его состояние, понимаю, что его инфаркт мне точно не нужен: «У вас есть какая-нибудь комната?» – «Да, вот моего заместителя». Мы все заносим в эту комнату, и детей туда же, все запираем на ключ и ждем, когда приедет охрана.

Охрана приезжает. «Мы будем дарить сувениры, в том числе Борису Николаевичу, кто у вас отвечает за сувениры?». От стеночки отделяется молодой человек, невысокого роста, худенький: «Я». Подарочные пакеты стоят на полу: «Вот видите, у всех пакетиков по одному бантику, а у этого пакетика два бантика. Это для Ельцина».

Дальше можно было только за его руками наблюдать. Как на конкурсе пианистов... Он развязывает эти бантики, открывает пакет, вытаскивает коробку спичек, а сверху у нее, как я вам говорила, еще бумажная обертка. Он снимает эту обертку, открывает коробку, открывает по очереди спички, вытаскивает, осматривает, складывает обратно. Укладывает так, как будто это только что с конвейера, и как вишенка на торте – одевает обратно бумажную упаковку поверху.

Потом достает часы, еще что-то. И вдруг ему попадаете брелочек: «А это что?». – «Это очень просто. Вы ночью вошли в подъезд, у вас не горит свет, вам надо попасть в квартиру». А перед этим были довольно бурная история по поводу Бориса Николаевича на мосту. Этот молодой человек, видимо, себе очень живо нарисовал картинку, как Борис Николаевич в темном подъезде не может попасть ключом в замок и войти в квартиру: «Дарите что хотите. Я больше ничего проверять не буду». Мы все завязали, приготовили.

А дальше начинают приезжать гости. Приехал Ельцин с Наиной Иосифовной. Был красивый стол, красивый зал, много красивых, празднично одетых людей, которые все были довольны, включая Боннэр, которой удалось поговорить с Ельциным и передать ему какие-то записи. Все

находили возможность общаться. Мероприятие удалось. Но рано или поздно все должно заканчиваться. И по протоколу в 21 час Ельцин должен станцевать вальс под президентский оркестр и уйти.

А Ельцин не хочет уходить, ему очень понравилось. Ему так душевно и так тепло. Но остаться он не может, потому что протокол... Ельцин решает побыть еще в Доме приемов, но в другом крыле вместе с Коржаковым и компанией.

Шеф-повар подходит ко мне с белым лицом. Ему приходится сказать, что у него нет здесь никаких продуктов, чтобы накрыть стол Ельцину. В Доме приемов нет кухни, все было привезено. И хотя в большом зале, где проходит прием, столы ломятся и еды полно, но не может же он ходить и собирать со столов угощение для Ельцина?

Единственное, что есть, это та комната на 20 человек, которую я просила накрыть. «Можно, мы из той комнаты всю еду перенесем Ельцину, в зал на другой половине, а вам потом еще раз накроем, соберем, что нужно со столов?». Нам-то все равно – со столов или не столов, свои люди. «Можно», спасая его положение, ситуацию, и будучи на высоте того, что я это все предусмотрела, а вы мне объясняли, что «у вас ложки воруют».

Ельцин ушел, остальные еще час или полтора общались. И на выходе каждому дарим пакет с подарками. Выходит Боннэр, я беру пакет, достаю коробку со спичками и вдруг слышу: «Наташа, когда я вчера увидела эти спич-

ки, мне их так захотелось. Андрей Дмитриевич всю жизнь собирал спичечные коробки». Предположить, что Сахаров всю жизнь собирал спичечные коробки, и для нее это важный сувенир, я не могла, но то, что у нее была такая почти детская обида накануне, это я увидела.

Проводили всех гостей. Тут еще остаются какие-то коробки, надо что-то прибрать... И вот мы вдвоем с Анечкой, ей 17 лет, и она только что пришла ко мне в агентство, сидим. Она – рыдает. Уже просто нет физических сил. Всего этого напряжения, подготовки, ночного сбора сувениров, проникновения на территорию вполне было достаточно, чтобы после финала пошла такая расслабуха.

С нами еще комендант, больше никого. И Ельцин уже давно уехал, и охрана вся снялась. Уже ночь. Комендант рядом сидит, говорит: «На моей памяти столько было мероприятий, но такого организованного не было никогда». Было приятно. Не знаю, может, лукавил, может, тоже уже слегка расслабился.

На следующий день у нас еще был внутренний прием только для редакции в Центральном доме литераторов. Потом начались рабочие будни, первое заседание редколлегии «Огонька», где мне объявляют выговор, что очень плохо мы работали с рекламой, рекламы почти в «Огоньке» нет, а им не на что жить... Такая трогательная история примерно полуторамесячной работы в «Огоньке».

Там, в «Огоньке» я проработала еще примерно год. Затем часть «Огонька» купил Борис Березовский, и одним из первых его требований было, чтобы меня там назавтра не было. Но это уже другая история.

А с этого самого дня летоисчисление «Огонька» вернулось к 9 (21 по новому стилю) декабря 1899 года, восстановив всю последовательность нумерации.

Очередной номер «Огонька» вышел с другой новой, вернее, старой датой рождения, через девять с половиной лет праздновалось его столетие, но уже без меня.

Из Википедии:

•50-летие «Огонёк» отметил в 1973 году, а 100-летие — уже в 1999 году. Это связано с тем, что во времена СССР официальной датой основания журнала было 1 апреля 1923 года, но в начале 1990-х редакция издания восстановила историческую справедливость.

•Макет обложки, полиграфия и логотип «Огонька», возрождённого в 1923 году в СССР, до 1936 года был таким же, каким был у этого журнала с 1908 по 1918 годы в России.

•В создании журнала «Огонёк» в 1923 году принимал участие Э. Г. Голомб, сотрудник дореволюционного журнала «Огонёк».

Когда я ушла из «Огонька», у меня было совсем самостоятельное агентство, но я по-прежнему оставалась вице-президентом Ассоциации рекламных агентств. И вот в Торгово-промышленной палате организуется вечер для журналистов, которые пишут о товарах, о промышленности, торговле. Конкурс, награждения ...

Вся церемония уже завершилась, журналисты на первом этаже, для них фуршет. А руководство Торгово-Промышленной палаты и Российской ассоциации рекламных агентств поднялось на второй этаж. В это время появляется Борис Березовский, который, видимо, опоздал и, видимо, вообще первый раз в ТПП. В одно место заглянул, в другое – куда идти?

Мне навстречу Березовский, «Борис Абрамович, вас проводить?» – «Пожалуйста», – говорит он, и мы с ним вместе поднимаемся на второй этаж.

Когда я собиралась на это мероприятие в ТПП, то не могла найти зажигалку и взяла со стенда с сувенирной продукцией, стоявшего в холле ОГРЕ, спички, на которых, сверху было написано «Огонек», а на обороте – «Реклама в «Огоньке» и телефон агентства.

Второй этаж ТПП – место не приспособленное специально для встреч и каких-то серьезных мероприятий. Гости сидят в креслах, кто-то устроился на диванчике... Мест практически нет, но одно свободное кресло находится. Борис Абрамович, как джентльмен, уступает мне его, а сам садится на широкий подлокотник кресла. Я достаю сигарету, достаю спички. Березовский хоть сам и не курит, но, опять же, как галантный кавалер, хочет дать мне прикурить.

Он берет мои спички и видит «Реклама в «Огоньке», телефон. Как так?! Он же поставил условие, чтобы ни меня, ни агентства, ни рекламы никогда в журнале больше не было. И с того трогательного момента прошло уже года два.

Как человек, хорошо все помнящий, он, конечно, эти условия не забыл. Отдает мне спички, каким-то быстрым движением достает из кармана маленький листочек бумажки, и, прикрывая его, пишет что-то ручкой. Мне ясно: он для себя пометил, что должен завтра выяснить по поводу меня и «Огонька».

Но я-то знаю, что я давно уже, два года как, с «Огоньком» никаких дел не имела. А спички эти у меня года два или три стояли исключительно в витрине. Я ему: «А давайте я вам подарю?» – «А я не курю» – «Но это же сувенир!» Он берет эту коробочку и кладет ее в карман. Вот такая была странная история.

Потом я еще несколько раз с Березовским сталкивалась. Но «Огонек» ни в каком виде между нами уже не вставал.

На доске фигуры не скучают,
А о ратных подвигах мечтают.
Так мечтают юноши лет в двадцать,
А потом безудержно резвятся.
Шахматисту тоже не до скуки,
Если возьмёт он доску в руки!

Сидор

Директором рекламного агентства «ОГРЕ» (оно входило в холдинг «Огонька») я стала в конце 1992 года.

Незадолго до того была создана Российская ассоциация рекламных агентств.

Рекламные агентства средств массовой информации в Ассоциацию не принимали. Но ОГРЕ приняли, так как мне легко удалось доказать, что у нас есть и другие клиенты, а еще мы занимаемся организацией мероприятий, сувенировкой и т.д. И очень скоро я стала вице-президентом РАРА.

Тогда все только начиналось, все было интересно. Зачем нужна реклама, что такое реклама? С одной стороны, все, вроде знали, что это такое. Реклама у нас была всегда, и до революции, и после революции, и все советские годы, но какая реклама была в советское время? Кто ее делал? Как размещали?

Сейчас же реклама просто ворвалась в информационное пространство. Все начиналось заново, с нуля. Специалистов не было. Техники – тоже, компьютеры тогда были большой редкостью. Работали с здоровенными дискетами. Когда надо было с одного компьютера перенести на другой какой-то плакат или информацию – даже не видео, а чисто печатную продукцию – то часа два перекачивали на дискету с первого компьютера, а потом еще два часа – с дискеты на второй компьютер. Программы у всех разные, шрифты друг к другу не подходили...

В общем, каждый старался и работал, как мог. У всех, кто входил в Ассоциацию рекламных агентств, задачи были свои. Тогда на рынке существовало пять-шесть ведущих агентств. Одно из них – «Видео Интернешнл» под руководством Михаила Лесина, который трагически погиб в Америке уже много лет спустя. Вторым заметным и мощным игроком на рынке был Юрий Заполь.

Кто-то хотел максимальное количество денег заработать, кто-то – заявить о себе. Ассоциация была площадкой дискуссий и встреч.

Российская ассоциация рекламных агентств ежегодно проводила фестиваль рекламы. В 1994 году я там была руководителем пресс-центра. Каждый день мы вывешивали фотографии с заседаний, проходили пресс-конференции. На каждой пресс-конференции за лучший вопрос журналисту выдавалась бутылка шампанского.

Участники были самого высокого уровня: Ирина Хакамада, и Влад Листьев, и председатель Торгово-промышленной палаты, в общем, весь цвет. Проходил он в «Президент-Отеле», в его рамках организовали «круглый стол» о том, какая должна быть реклама. По итогам выпустили меморандум участников. Реклама и общество, реклама как сегмент финансового рынка...

Фестиваль должен был пропагандировать работу рекламистов, показать, что она, в том числе, и творческая. Еще одной из злободневных задач был поиск кадров. Грамот-

ных рекламщиков просто не существовало. Ни режиссеров, дизайнеров, ни теоретиков. Два-три человека, не более... Поэтому решили создать учебное заведение, которое бы занималось рекламой.

И вот, после долгих обсуждений на фестивале, в самой Ассоциации, на базе Института молодежи, который когда-то был Высшей комсомольской школой, а теперь стал Московским гуманитарным университетом, решили сделать базовый для рекламной отрасли факультет.

Мы встретились с ректором – Ильинским Игорем Михайловичем. Учебное заведение было в полном развале. Высшая комсомольская школа финансировалась из денег комсомола и там для него обучались кадры. Комсомол перестал существовать, кончилось финансирование. Территория в Выхино очень большая, но кроме территории и старых зданий, которые просто разваливаются на глазах, считай, ничего нет. Набора – никакого. И вот на их базе мы вместе с ними решили создать Высшую школу рекламы, факультет рекламы.

Он до сих пор существует, ему больше 20 лет, там масса замечательных выпускников. Они уже и в Канн ездили со своими работами и массу призов получили. Доказали, словом, свою нужность и востребованность.

Но тогда все наше рекламное сообщество выступало против своего ВУЗа. Считали, что четыре года кого-то где-то учить – это слишком. Выйдет из этого что-то или не выйдет

– не понятно... А нам кадры нужны сегодня. Поэтому лучше короткие курсы, отправить за рубеж, два месяца поучиться.

Я настаивала на том, чтобы это было фундаментальное образование на постоянной основе. В результате и тех (гуманитарный университет), и других (рекламщиков) убедила, причем рекламное сообщество мне пришлось убеждать дольше. Институт, правда, не сильно рисковал, потому что рекламу мы взяли на себя, организовали первый набор, освещение в СМИ.

Набрали 20 или 30 человек. Мы им помогали техникой, информационно. Многие из Ассоциации стали потихонечку преподавать. Потом начали вести кафедры и черпать кадры оттуда. Потом уже, когда была создана Российская академия рекламы, почти все из «академиков» у них преподавали. Ну, а параллельно кто-то пытался другой ВУЗ создать, людей забрать. Все, как всегда, обычные болячки для 90-х годов.

Так вот, если возвращаться к Ассоциации, то большинство рекламщиков в ней привлекала возможность контактов с крупными рекламодателями. Кому-то хотелось расширить поле своей деятельности. Предположим, к видеорекламе добавлялась наружная. Или делился рынок телевизионной рекламы до бесконечности...

Понятно, что для нас, рекламного агентства «ОГРЕ», в котором работало 10 человек, это все были задачи эфемерные, из другой жизни. Но закон о рекламе, кадры для рекламы, выстраивание взаимоотношений между рекламными агентствами, фестиваль рекламы – это мне представлялось важным, и я в этом принимала активное участие.

Мы, например, впервые провели показ рекламных роликов победителей фестиваля «Каннские Львы». Привез их Володя Евстафьев, он был связан с Каннским фестива-

лем. Первоначально эти ролики хотели просто в кинотеатре в течение пары вечеров показать. Естественно, за деньги.

А я считала, что это неправильно, что мы должны перед показом лучших рекламных Каннских роликов показать лучшее из рекламы, что было снято у нас. В итоге мы собирали от агентств заявки, ролики распределяли по своим номинациям и программам, зрители голосовали. На фестивале рекламы в Каннах главный приз – Каннский лев. А мы здесь купили большого плюшевого льва, и у нас был приз Львенок.

Это закрепилось и продолжалось еще довольно долго. Тогда же, еще в мою бытность в Ассоциации, у нас начали проводить и «Ночь пожирателей рекламы». Она закрепилась, проводится до сих пор.

Вся эта общественная работа в то время, пока я была вице-президентом Ассоциации рекламных агентств, через меня как раз и шла. Но, пожалуй, главной общей проблемой было отсутствие закона о рекламе. И рекламщики устремились в Думу. Соответственно, более крупные игроки выбрали себе более крупные фракции. А про меня почему-то все решили, что у нас хорошо получится с «Женщинами России». Так я с ними познакомилась, и это имело свои последствия.

Хотя закон о рекламе «Женщин России» волновал мало. Значительно больше фракцию заботило участие в предстоящих выборах в Госдуму. Этим мы с ними и занялись вместе.

«Женщины России»

Это был уже конец лета 1995 года, а выборы в декабре 1995-го. Надо было составить концепцию, придумать ролики, слоганы, эмблемы – вообще все с нуля. Причем в этот момент у меня половина агентства ушла. Но простых путей

я себе никогда не искала, поэтому мы начали с основ.

Решили создать эмблему этого движения. Но просто так же эмблему нельзя создать. Надо поехать в Петербург в Гербовую палату, к председателю Геральдической палаты и выяснить, что к чему, что можно, что нельзя. У нас получился подсолнух, земля, небо, созданные художниками и одобренные Геральдической палатой.

С ними довольно плотно работал композитор-песенник Александр Морозов. Мы провели его концерт в концертном зале «Россия». А он «Женщинам России» – гимн.

Потом были конкурсы в Торгово-промышленной палате тоже с большой концертной программой, с представлениями из регионов по разным направлениям. Было создано огромное количество видео. Даже не роликов, а настоящих документальных фильмов. Я в Красногорске, где располагается киноархив, сидела несколько дней, подбирала военные кадры, всякую другую хронику с женщинами.

Кроме Екатерины Лаховой, в «Женщинах России» было довольно много известных на тот момент действующих лиц. Некоторые из них до сих пор на слуху. Во фракции было два сопредседателя. Одна из них – бывший председатель пионерской организации Алевтина Федулова. Еще одна – Светлана Орлова, сейчас губернатор Владимирской области.

Тогда у них было несколько главных идей. Во-первых, они проводили мысль, достаточно популярную, что только женщины могут спасти Россию, потому что мужики уже все развалили. Во-вторых, за рубежом – много женщин во власти, у нас их практически не было, ни одного министра, например. Это нужно исправить.

Мужчин во фракции среди депутатов не было. В целом во фракции всем заправляли женщины – только руководитель аппарата мужчина. Но такая связка не работала,

согласовать было нельзя ничего. Вот, например, мы приносим плакат. И сразу начинается – это мне не нравится, эту фотографию надо перенести, а эту – оставить, у этой не тот поворот лица, а эту надо перефотографировать. И опять приезжает фотограф, ставит свет. Все заново начинается... Все эти многочасовые беседы ни о чем...

Тем не менее, мы сделали отличные ролики по 15 секунд, где играли замечательные Александр Белявский и Галина Польских, другие известные актеры. Очень классные по идее, по исполнению, по всему. Но это проще показать, чем рассказывать.

Плакат сделали интересный: вся партийная элита поднимает тост за женщин России. Черномырдин с бокалом, Говорухин, Жириновский, Зюганов со стаканом, Рыбкин, Гайдар, Явлинский, Лапшин... В общем, все. Все с бокалами,

и каждый поднимает тост за женщин России. И наш логотип, шрифт. Напечатано это было в формате А3 тиражом 1000 экземпляров.

Я попросила Лахову завязать их бантиками и раздать всем руководителям фракций. Она раздала. После этого депутат Вячеслав Марычев, который очень любил в Думу то в пионерском галстуке прийти, то в телогрейке, с этим плакатом вышел в зал заседаний... А там Иван Рыбкин, на тот момент – спикер Госдумы. И вот Марычев к Рыбкину обращается: «А вы вообще за женщин России?», тот говорит:

«Я-то вообще да». И тут началась дискуссия о женщинах, политике... И все это на ТВ в новостных программах вечером. А дальше часть плакатов ЛДПР украла, пошли на Красную площадь ими торговать.

Я предлагала за 3-5 дней до выборов на больших билбордах повесить эти плакаты с мужчинами, выпивающими за «Женщин России». Получилось бы, что все партии агитируют за список «Женщин России». Но фракционные женщины побоялись.

Вместо игровых роликов они пустили ролик с Лаховой и ее внучкой. А в наших роликах была хроника в большом количестве, были сюжеты с депутатами из «Женщины России», которые решают реальные проблемы. Они ведь действительно много летали по стране, делали на самом деле много – для военных, для многодетных... Проблема заключалась в том, что членов фракции – 15 человек, и все решения обязательно должны были принимать коллегиально.

Жириновский все, что надо, решал сам. Коммунисты – на съезде, а дальше спускали в рабочую группу. А женщины каждый раз собирали всю фракцию и обсуждали любую мелочь, не говоря уже о серьезных вещах. С рекламной компанией так же. Она в 1995 году действительно была одной из лучших. Но вот в ходе кампании они решают: «Нет, все, давайте менять на другое!»

Если бы они согласились хотя бы с половиной той концепции, которую мы им предложили и все бы сделали, то точно бы прошли в Думу второго созыва. Им тогда не хватило каких-то сотых до 5%. На самом деле, по большому счету, «Женщины России» набрали свои проценты. Но многие из них шли не только по партийному списку, но и по одномандатным округам. И по своему округу они в любом случае проходили в Думу. А кому-то по партийным спискам

не хватало этих самых десятых и сотых. Ну, их и перекидывали. Тогда это было достаточно легко. Грубо говоря, они просто разменяли свой партийный список на пять человек по округам.

«Аврора»

Запомнилось пятилетие рекламного агентства «Аврора», которое мы устраивали в Ассоциации. «Аврора» – одно из первых рекламных агентств на рынке. У них было очень много телевизионной рекламы и разных рекламных проектов. Офис располагался тогда на Новом Арбате. Они решили, что праздник им должна со своим агентством провести я.

Не то, чтобы это была работа по подряду. Скорее, это

было наше с «Авророй» совместное творчество и мы много чего интересного вместе сделали. Например, издали книжку стихов и рассказов Владимира Филиппова, одного из учредителей агентства.

Выпустили ее на бумаге разного цвета и фактуры, практически вручную печатали. В выходных данных так и написали «Бумага: разная». Тираж был 33 экземпляра (Филиппову тогда исполнилось 33 года). Потом мы ее издали уже нормальной книжкой, а сначала была сделана такая. Мы тогда все страницы сами склеивали в этой обложке. Старались чего-нибудь такое придумать, чего ни у кого нет. Презентацию книжки провели в Центральном доме литераторов.

Само празднование проходило несколько дней. Агентство закупало много дореволюционной рекламы, у них была одна из богатейших коллекций, и мы устроили аукцион этой старой рекламы. Все по-настоящему – с аукционистом, табличками.

Потом провели футбольный матч на призы рекламного агентства «Аврора», в котором участвовали звезды шоу-бизнеса, люди из ведущих рекламных агентств, студенты Высшей школы рекламы. Тогда как раз был первый набор, мы их таким образом вводили в рекламное сообщество.

«Фармамед»

Крупную рекламную кампанию «ОГРЕ» провело для канадской компании по производству витаминов. У них были не мультивитамины, а «линии» на каждый случай жизни. Например, серия витаминов для женщин, с добавлением железа, для беременных, при менопаузе и т.п. То есть на разный возраст, на разные проблемы. Отдельно – детская формула (Kids formula) и женская Ladies formula.

На каждый из продуктов мы сняли отдельные видеоролики с актерами и научными светилами – профессорами, академиками. Все это делало ОГРЕ от начала до конца. Они привезли продукт вообще без рекламы.

Активно мы этим занимались с 1996 до кризиса 1998 года. Это были и специальные выставки, и аукционы, и лоте-

реи, и научные конференции. Мы делали ролики и большие сюжеты на телевидении с привлечением ведущих специалистов по гинекологии или по другим проблемам женским и детским. Была заметная «наружка», крутящиеся часы на Пушкинской, на Садовом и на Тверской. Публикации в большом количестве журналов. В общем, большая рекламная кампания, раскрутили витамины.

Тогда же, именно потому, что это были канадцы, которые уже знали, что интернет что-то приносит, мы решили сделать сайт. У нас в 1995-1996 году мало кто понимал, что это такое. Тем не менее, нашли молодого человека, который умел программировать. И мы с ним сделали первый в моей жизни сайт.

Когда начался кризис 1998 года, у меня во многих СМИ были запущены кампании, размещены рекламные материалы. В августе 98-го курс доллара резко подскочил, деньги сразу стали другими. Вся экономика стала другой. Финансовые сложности отразились на рабочем процессе. Отношения прервались не самым цивилизованным образом. Но опыт был получен, на рынке кампанию по продвижению витаминов оценили высоко.

«Облигации АвтоВАЗа»

Рекламная кампания облигация «АвтоВАЗа» – самая крупная наша рекламная кампания, которая, впрочем...

не состоялась. Идея была в том, что ВАЗ выпускает облигации, народ их покупает, а потом получает машину. Такая форма финансирования предприятия.

Июнь 1993 года. В Ставрополе-на-Волге, в Жигулях очень много осталось друзей, знакомых, т.к. папа в свое время строил Волго-Донской канал, а потом Куйбышевскую ГЭС. (И то, и то – не по своей воле, поэтому знакомые и друзья – из тех, с кем он сидел и с кем работал).

Соответственно, уже дети тех знакомых узнали, что на «АвтоВАЗе» собираются выпускать облигации, и объявлен конкурс на рекламную кампанию. Конкурс объявили так: типа сегодня объявили – завтра сдать, так, междусобойчик, для проформы. И мне мои знакомые об этом рассказали.

Я позвонила на АвтоВАЗ, они сказали: «Ну, присылайте предложения». Я позвонила им в конце июня, а 5 июля наши предложения были сданы. То есть, максимум за неделю мы все это делали. В этот момент глава АвтоВАЗа Владимир Каданников в отпуске, но его заместитель Николай Глушков на месте, и руководство завода подписывает с нами договор. Бюджет первого месяца кампании составляет 300 млн рублей. В 1993 году это был самый крупный рекламный бюджет в стране. Ежедневно на рекламу предусматривалось 10 млн рублей.

Вообще, когда они сказали: «Давайте присылайте», они и не предполагали, что в такие короткие сроки им что-то напишут. А когда увидели, то руками и ногами за это схватились. Все-таки делать рекламную кампанию им было нужно. И наше предложение им пришлось в тему.

Лето, все в отпусках, но деньги по первому этапу они перевели очень быстро. При этом сами облигации должны были выйти к 1 сентября. 1 сентября проспект эмиссии опубликовала «Российская газета».

Тема, бешеный режим, скорости, на которых мы тогда работали – все это было очень интересно. Например, нам пришлось сделать чуть ли не впервые для АвтоВАЗА «сквозное» описание их моделей, где каждая машина сравнивалась с другими по одной характеристике. Нам надо было сделать десять фотографий и десять описаний этих моделей, но сопоставимых друг с другом. Оказалось, что ни по одной модели так сделать нельзя. Здесь мотор, здесь колеса, здесь скорость...

Сейчас кажется само собой разумеющимся, что сравнивать можно вещи с одинаковыми показателями. Но на «АвтоВАЗе», при том, что нами занимались главный инженер и ведущие специалисты, и они представляли всю документацию, у каждой машины были свои характеристики, которые между собой не стыковались. Здесь цвет, здесь колеса, здесь скорость. Мы говорим: вот можно по минимальному количеству признаков привести к одному знаменателю? Смешно, но так оно и было.

Дальше мы придумывали всякую разную «сувенирку». Сделали на каждую модель машины свой брелок, который переворачивался: вот так – у меня есть облигация, а вот так – номер машины, которую я выигрываю. Была заказана коллекция одежды с демонстрацией моделями, подготовлены альбомы.

Сделали ролики для радио. В моих «творческих изысках» часто участвовал Коля Ламм. Многое из того, что было

в концепции рекламы «АвтоВАЗа», придумал Коля. Именно он написал рекламное четверостишие для рекламы на радио, а его друг композитор Виталий Галутва написал на это четверостишие мелодии в жанре оперы, вальса, танго и др. А потом со своим сыном еще и записал их.

Когда принесли эти радиоролики заказчикам, там просто пищали от восторга. Планировалось, что каждые полчаса в эфире будет пятисекундный ролик. И каждый раз это должен быть другой ролик – с разными голосами, мелодией. А текст – один и тот же.

Еще сделали компьютерную графику, когда из облигации появляется машина. Для 1993 года это была абсолютная новинка, и вот компьютер эту штучку вырисовывал и запоминал несколько дней уже нарисованную, по частям ее собирал. Сейчас это можно сделать примерно за 5 секунд, ну или за 5 часов в крайнем случае. А тогда это было просто невероятные и немыслимые достижения.

Смысл всей эмиссии заключался в том, что человек покупал облигацию, а ему обещали через год ее обменять на автомобиль. Всего закладывалась в программу около триллиона рублей; сами облигации уже отпечатали за рубежом.

Но в этот момент, когда все уже было вроде решено и облигации напечатаны, компания, которая в Москве разработала эту идею и предложила ее «ВАЗу», а те у них ее купили, предложила то же самое Борису Березовскому, уже под названием «АВВА». Но уже не на один триллион, а на три триллиона. И тоже с обеспечением машинами.

Тут интересно что? На триллион рублей «АвтоВАЗ» машин за год произвести еще мог, а вот на три триллиона – точно нет. А уж, чтобы мощностей хватило и на то, и на другое – было вообще нереально. Тем не менее, Березовского это

не остановило. Он обладал даром впечатлять. Привез Каданникову пятерых журналистов – из «Известий», других ведущих СМИ. И вот мне звонят из приемной Глушкова, сообщают, что приезжают журналисты, Борис Березовский и речь идет об облигациях. Звучит мысль, что хорошо бы мне присутствовать на встрече с журналистами.

Журналистское удостоверение «Огонька» у меня есть, за журналиста вполне могу сойти. Но до пресс-конференции остается всего несколько часов и как добраться из Москвы в Тольятти?

Но в Тольятти считают по-другому. У них в Шереметьево грузовой самолет, который как раз вылетает, и я могу полететь на нем. Я сажусь на машину, еду в Шереметьево, там действительно в ангаре стоит самолет. У него салон для перевозки пассажиров не предназначен, но два или три кресла там все же есть, и за два часа мы добираемся до Тольятти. Там меня уже ждала машина. И когда я вместе со всеми журналистами вхожу в кабинет Каданникова, глаза у Березовского становятся просто квадратными.

Он пытался меня чуть ли не за шкуру вытащить из кабинета, но у него не получилось. Начинается пресс-конференция. Журналисты, подготовленные Березовским, задают вопросы по поводу «АВВА», по поводу обеспечения программы машинами. Каданников рассказывает, как все хорошо и замечательно. И вот уже мероприятие почти заканчивается, как я спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, а вот завтра в «Российской газете» будет опубликован проспект эмиссии об облигациях. Как это?».

Каданников не знает, что ему на это отвечать. Журналисты начинают переглядываться. Они понимают: что-то идет не так. На следующий день в «Российской газете» проспект эмиссии напечатали. Это была целая полоса

и ее снять не могли. Сами облигации в Россию привезли. Но продавать их уже не стали.

А через неделю, Березовский у себя на Павелецкой в Доме приемов устраивает обед, куда зовет меня. Всего приглашено 11 человек, в том числе Глушков с «АвтоВаза», директор рекламного агентства «Коммерсанта», другие гости.

Всего было приглашено 11 человек, начало мероприятия – в 11 часов утра. И вот в 11 часов я прихожу, но не одна, а со своим юристом. Это вызывало неоднозначную реакцию.

Сидим за столом, обед, нам подают первое, второе, смена горячих блюд, все очень красиво. И по очереди каждый мне объясняет: типа, девочка, что ты здесь делаешь, отдай деньги и иди.

Глушков сидит здесь же. Я начинаю с ним говорить про дела в Тольятти, про экологию в городе, о проблемах завода. В отличие от всех остальных, кто сидел за столом, я про Тольятти немало знала, и про обстановку в городе, и про борьбу вокруг «АвтоВАЗа», Глушков заинтересовался, попросил выйти с ним в соседнюю комнату для конфиденциального разговора.

Остальные сидят. Что происходит – не понимают. Березовский заскакивает: «Нам надо ехать». Но Глушков не уходит. Разговор у нас с ним продолжается минут тридцать... Березовский злится.

В конечном итоге «АвтоВАЗ» принял решение, что он будет сотрудничать с Березовским и «АВВА». Проект с облигациями, в котором была задействована я, закрыли. Но денег им с меня получить не удалось. Все по договору уже мы выполнили. А других денег у меня и не было. Единственное, что я могла отдать – это выкупленное время на радио и на телевидении. Это примерно треть от того, что нам перечислил «АвтоВАЗ».

Остальное – буклет, модели, брелоки и все остальное – им не требовалось. Абсолютно весь контент они тоже делали заново. Хотя мы уже сделали ролики для телевидения и радио. И на радио они даже сутки открутились.

Так закончилась для меня рекламная кампания неосуществленного проекта. Но есть что вспомнить!

Ассоциация рекламных агентств для меня была общественной работой, а в своем агентстве я, естественно, занималась рекламой. Провели много небольших, локальных компаний, но достаточно интересных. Иногда было интересно, но непонятно и тревожно. Как в истории с «АвтоВазом»...

От сотрудничества с Банком «БИН», который решил открыть кафе и создать клуб, воспоминания довольно тяжелые. Банк представляли люди, чьи имена на слуху, но от общения с ними ощущение было тревожное и хотелось скорее закончить проект.

Рекламный рынок складывался стихийно, деньги крутились и зарабатывались большие, нравы царили шальные. После убийства Листьева все директора рекламных агентств ездили с охраной, поменяли место жительства. Но я ничего такого не предпринимала. И все обошлось.

В свободном полете или в ОГРЕ я участвовала в разработке фирменного стиля, создании сувенирки, полиграфической продукции, проведении пресс-конференций, организации мероприятий. Было много интересных клиентов с большими и маленькими заказами. Спасибо им за это.

Фестиваль «Окно в Европу» в «Ударнике», который совпал с Павловской реформой. Благодаря фестивалю за ночь я смогла поменять деньги многим журналистам и членам оргкомитета фестиваля. Балетная вечеринка, организатором которой был Гедиминас Таранда. Несколько мероприятий для театра Витюка, сувенирка для театра у Никитских ворот, совместные проекты с театром Эстрады, полиграфия для ИНИОР, Министерства экономического развития и торговли, особых экономических зон, рекламная кампания фильмов «Русский дом», «Список Шиндлера» и «Ночной портье» и многое другое.

13 апреля 1995 года, в четверг, при теплой солнечной погоде, после длительного периода туч, облаков и дождей на рекламном горизонте в Институте Молодежи напротив заповедной зоны Кууско состоялась презентация проекта «Высшая школа рекламы».

Его представляли ректор Института молодежи Ильинский И.М., президент РАРА Филиппов В.В. и Осипова Н.М. Организаторы представили первое в России учебное заведение, которое будет готовить высококвалифицированных специалистов, получающих диплом о высшем образовании установленного государственного образца по специальности «Реклама».

До первых вступительных экзаменов оставалось менее трех месяцев.

Чтобы оценить значение этого события более чем двадцатилетней давности, надо иметь некие точки отсчета. В мире существуют тысячи учебных заведений, готовящих рекламистов, в России – еще ни одного. Естественно, и специальность такая – реклама – отсутствует. Ее еще надо лицензировать в Госкомвузе РФ. И даже в рекламном сообществе мнения разнятся: высококлассные кадры нужны позарез уже сегодня, но правильно ли сейчас тратить силы и время на подготовку специалистов, которые закончат учебное заведение через 5-6 лет? Представьте - «старейшим» негосударственным рекламным агентствам страны в этот момент – 4-5 лет, Ассоциации – 3 года, Общественный Совет по рекламе только создается, Закон о рекламе еще не принят.

Организаторы Школы – Институт Молодежи, Корпорация «Социальное развитие» и Ассоциация рекламных агентств России – готовили образовательный проект «Выс-

шая школа рекламы» более полугода. Полгода мучительных дебатов и кропотливой работы, от согласования пунктов договора до составления учебных планов и программ, от создания концепции факультета рекламы до разработки, издания и приобретения учебных пособий, учебников, учебно-методической литературы, от вопросов материально-технического и финансового обеспечения деятельности нового факультета до организации рекламной кампании в СМИ и привлечения инвесторов и попечителей.

13 апреля 1995 г. прессе был представлен проект, рассчитанный надолго. Фантазии организаторов хватило на три этапа. Первый этап (1995 – 1997 гг.) был расписан по датам:

15 апреля 1995 г. начала работу приемная комиссия;

25 апреля 1995 г. начинают работу подготовительные курсы;

июль 1995 г. – вступительные экзамены для имеющих среднее образование на отделения по специальностям: «Рекламный маркетинг», «Рекламный менеджмент», «Режиссура теле-, видео- и радиорекламы», «Художественный дизайн рекламы», и творческие – для имеющих высшее образование на 2-х годичное отделение переподготовки;

1 сентября 1995 г. – начало занятий;

1 октября 1995 г. – начало работы подготовительного отделения;

сентябрь-октябрь – открытие спецкафедр и мастерских;

март 1996 г. – 1-й студенческий фестиваль рекламы;

весна 1997 г. – первый выпуск ВШР (по 2-х годичному циклу для имеющих высшее образование);

Второй (1996-1998 гг.) и третий (1997-1999 гг.) этапы – дат не имели и включали в себя каждый по два пункта, зато глобальных:

создание фото-видео-аудио-библиотеки рекламы на мировом уровне;

получение гранта, наряду с российским дипломом предоставляющего выпускникам магистратуры возможность получить соответствующий зарубежный диплом;

создание музея истории российской рекламы;

создание центра рекламы.

«Десять лет спустя»

За 10 лет произошло много событий, ВШР стала факультетом рекламы, Институт Молодежи – Московским гуманитарным университетом АРАР тоже переименовали.

Не все в поэтапном плане развития удалось реализовать. Что-то из этого плана, наверно, можно перенести и на следующее десятилетие.

Но главное свершилось – появилось первое в России учебное заведение, готовящее высококвалифицированных специалистов с диплом о высшем образовании установленного государственного образца по специальности «Реклама». Сегодня это ведущее высшее заведение, которое объединяет преподавателей и студентов рекламной индустрии в стране.

А ровно через год – 14 апреля 1996 года – в Москве, на стадионе МИСИ состоялся первый футбольный турнир рекламных агентств на призы Авроры.

Играли 15 команд – ВИДЕО ИНТЕРНЕШНЛ, АПР, ИМА-ПРЕСС, ВИДЕОАРТ, МАКСИМА, КОНТАКТ, БЛИК КОММЬЮНИКЕЙШНЗ, Р.И.М., СОТЭК, ПРЕМЬЕР СВ, ЧЕНИ, DMV&B, АВРОРА, McCann-Erickson и ВЫСШАЯ ШКОЛА РЕКЛАМЫ.

Рядом с Юрием Заполем, Михаилом Лесиным, Владимиром Филипповым, Игорем Писарским, Владимиром Жечковым играли под предводительством Валерия Ивановича Козловского, первого декана факультета рекламы, Максим Шихов, Денис Финберг, Павел Черемошнюк, Сергей Смолякин, Александр Викулин, Альберт Рябышев, Сергей Пархоменко, Денис Беловолов, Денис Мельников, Владимир Дьяконов.

Началась игра на одном поле.

«Двадцать лет спустя»

В мае-июле 1995 года на ведущих каналах центрального телевидения шла реклама. За кадром голос: «...объявляется прием на рекламу со специализациями: рекламный менеджмент, рекламный маркетинг, режиссура рекламы, дизайн в рекламе. Приемная комиссия работает с 15 мая, подготовительные курсы с 25 июня, вступительные экзамены с 10 июля...»

А в кадре заставка Каннских львов, когда эмблема превращается в награду.

Как сегодня, 20 лет спустя, оценить этот простенький 15-секундный ролик: авантюра, молодой задор или предвиденье?

На реализацию такого проекта могли потребоваться годы. В середине «лихих 90-х» на подготовку - от первой встречи организаторов до получения лицензии Госкомвуза - не прошло и полугода.

Многое изменилось за 20 лет. Нет Госкомтруда РФ, РАРА стала Ассоциацией Коммуникационных Агентств России, Институт Молодежи - Московским гуманитарным университетом.

За 20 лет работы факультета рекламы подготовлено 3000 специалистов для индустрии рекламы, связей с общественностью и дизайна. Многие выпускники возглавляют рекламные агентства, работают в крупных маркетинговых компаниях. В числе выпускников есть режиссеры кино и телевидения. Несколько человек после обучения в аспирантуре защитили кандидатские диссертации.

Преподаватели факультета рекламы с участием представителей рекламной индустрии подготовили и издали более пятидесяти учебников и учебных пособий по различным дисциплинам, по которым учатся студенты.

Студенты и выпускники факультета рекламы неоднократно были победителями престижного Конкурса молодых креаторов Московского международного фестиваля рекламы и получали право представлять Россию на международном фестивале рекламы «Каннские львы» во Франции. В 1999 году – Виталий Шепелев и Михаил Смирнов, студенты 3 курса факультета рекламы. В 2001 году – Анна Пушкарёва и Заур Засеев, студенты 2 курса факультета рекламы. В 2002 и 2003 годах – Виталий Шепелев и Ирина Бажанова. В 2006 году – Арег Сафарян и Денис Елисеев, выпускники Московского гуманитарного университета. В 2007 году – Михаил Лоскутов и Антон Демаков, выпускники факультета рекламы 2006 года. В 2010 году – Вера Карпова, выпускница факультета рекламы вошла в число победителей конкурса Future Lions 57 Международного фестиваля рекламы «Каннские львы». В 2010 году Оргкомитет Московского Международного Фестиваля Рекламы и Маркетинга Red Apple выразил

благодарность Московскому гуманитарному университету за помощь в организации и проведении двадцатого, юбилейного фестиваля маркетинга и рекламы Red Apple.

В июне 2011 года выпускница факультета рекламы МосГУ Арина Авдеева в составе команды рекламного агентства Leo Burnett на Международном фестивале креативности «Каннские львы» победила в номинации «Наружная реклама» и получила Золотую статуэтку Льва.

Вы заметили? Уже через четыре года после открытия факультета его студенты представляли Россию на «Каннских львах».

Заставка с первой рекламы факультета стала реальностью, воплотилась в жизнь.

На цвет морской воды похож
Аквамарин - и тем хорош.
Таков берилл, но не любой,
А светлосиний, голубой.
Шумит когда морской прибой,
Его я вижу пред собой!

79
Лодкин

С Высшей школой экономики я познакомилась в 1994-95 годах. Вначале мы сотрудничали как заказчик и агентство. Я была директором рекламного агентства.

С 1998 года я в штате Школы начальником Управления по связям с общественностью. В управлении – четыре отдела: отдел по работе со студентами, отдел PR (внутренний и внешний), плюс сайт и полностью обслуживание всех факультетов и подразделений внешней и внутренней рекламой. До 2003-го. В 1998 году у ВШЭ не было не только портала – не было сайта, не было буклетов, традиций, факультетов было совсем немножко. Не было зданий на Кирпичной, на Варшавке. Кто-то учился в Кочновском, только что переехали на Мясницкую. Студенты были разобщены. Одной из моих задач было создать связь. Связи с общественностью – это на любом уровне связи: между факультетами и студентами, между преподавателями и студентами, связи студентов по каким-то интересам, не только профессиональным, но и творческим, спортивным. Студенческая жизнь тогда только зарождалась со всеми ее проблемами, интересами, отсутствием помещений. Необходима была связь с базовыми школами, абитуриентами, их родителями, популяризация Школы, которая была еще достаточно молода и широко известна только в узких кругах. Необходима была связь со средствами массовой информации, которые должны были узнать и полюбить Школу.

Первое, что удалось сделать, – это сайт. Он открылся осенью 1998 года. В течение очень короткого времени стал одним из лучших вузовских сайтов. Все праздники, вся сувенирка, вся реклама так или иначе варились в двух-четырех комнатах на 5-м этаже. Этим бурно занимались 12 человек. Все дни открытых дверей мы проводили, участвовали в выставках, студенческих мероприятиях, и дискотеки, и Новый

год, и выпускные, сувенирная продукция, печатная продукция, буклеты и фильмы. Нам было безумно интересно. Работа была очень напряженной: 24 часа в сутки семь дней в неделю.

Когда открывалась Вышка, она открывалась только как магистратура. Набор был сто студентов. Предположить, что их будут тысячи, никто не мог. Необходимо было заложить традиции. Если что-то всерьез и надолго, оно должно иметь корни, традиции.

Первый день первокурсника был в 1998 году. С 1998 года Школа стала регулярно справлять дни рождения. До этого она их не справляла. Представьте себе 1998 год, со всеми дефолтами, со всеми неприятностями, какие только могут быть. Предложить справлять шестилетие было рискованно, но, тем не менее, после этого не было ни одного года, когда день рождения Школы не становился бы общим праздником.

Понимая, что десятилетие будет мощным, на девять лет решили устроить репетицию. Было принято положение о «Золотой Вышке». Первый раз было семь номинаций. 2001 год. Номинации: «Лучший студент», «Лучший преподаватель», «Лучшая студенческая организация», «Лучшая научная работа», «Вклад в развитие Школы», «Вклад в развитие страны», «Лучший выпускник».

Конкурс идет, и отбор такой же, как на «Оскар». Сначала до определенного срока все вносят заявки, заявки вносит любой человек, подразделение, кафедра, факультет, студенческая организация, сейчас, наверное, это ученые советы факультетов. Ученый совет отбирает по три представителя в каждую номинацию. Непосредственно перед началом вручения (мы это делали в Колонном зале на десятилетие) ординарные профессора в закрытой комнате определяют победителей. Сейчас престиж «Золотой Вышки» очень высокий,

материальное обеспечение тоже.

Студенты в какой-то момент обиделись на то, что их не замечают, и придумали в противовес свою премию – «Чугунное яйцо». Она вручалась в этот же день в этом же помещении. Если на основной сцене вручается «Вышка», то через час в холле студенты вручают неограниченное количество «Чугунных яиц».

«Не для школы, а для жизни мы учимся» – это девиз Школы. Мне кажется, что девиз крайне удачный. Его нашли студенты еще самого первого набора среди латинских фраз, и он оказался очень точным, определяющим суть Вышки.

Когда Евгений Григорьевич Ясин, научный руководитель Вышки, начал каждый месяц по средам проводить «семинар Ясина», мы стали приглашать средства массовой информации на этот семинар.

Прорыв в работе со СМИ произошел на первой международной Апрельской конференции, когда было аккредитовано порядка ста средств массовой информации. Они имели право присутствовать на всех мероприятиях.

Мы стремились выработать общий стиль, когда у каждого факультета своя птичка, символика, но в то же время такая же, как у других. На одном из городских парадов первокурсников только студенты Вышки шли с флагами факультетов, на которых были нарисованы смешные птички. Как ребята радовались!

Еженедельно мы выпускали газету «Ваша среда» на четырех страницах. Она выходила по средам. В 2002-м был сделан календарь. Каждая страница – это какой-то факультет. В середине были часы. Птичку мы сделали мягкой игрушкой. Она вручалась лучшим выпускникам. Шили их в Уфе дети из детского дома. Их обожали.

Еще одна традиция, нами заложенная, – церемония

Первый юбилей мне виделся в красивом и торжественном месте, как, например, Колонный зал Дома Союзов. Но без стола, покрытого зеленым сукном, и президиума.

О зеленое сукно и президиум мы сломали немало копий в кабинете Евгения Григорьевича Ясина, где собирался оргкомитет юбилея с участием проректоров.

Концепция вся держалась на «Золотой Вышке». Факультеты уже начали давать свои предложения. Ученый Совет отбирал, утверждал номинантов и победителей. А дальше – почти «Оскар»: короткий фильм о каждом номинанте (в каждой номинации их было три). Конверты. Победители, награды и призы. Вперемежку идут студенческие концертные номера, награждение и выступление почетных гостей. Потом фуршет в большом зале, специально накрытый для всех гостей. А до этого всего – фильм о школе, который снимали профессионалы, но по моему сценарию. Его никто еще не видел, но почти все участвовали. Что там, в фильме будет, никто не знал, но надеялись, что ничего плохого не будет.

Но проходит пять или шесть заседаний оргкомитета, и каждый раз все упирается в президиум на сцене за столом с зеленым сукном. Выступят, расскажут, как создавалась Школа. Потом президиум уйдет, потом концерт, ну и далее по программе. Президиум же с начальниками куда-то уйдет, и все остальное будет уже без них. Я же считала, что они должны присутствовать от начала до конца, но в зале.

А в это время кто-то раскопал, что министерствам исполняется в тот год 200 лет. Сначала Министерство налогов и сборов решило, что будет отмечать эту торжественную дату, потом другие министерства «заразились» этой идеей.

Ну и Минэкономразвития тоже решает, что 200 лет они празднуют. Заказывают значки, медали. Отвечает за это все один из тогдашних заместителей Германа Грефа по фамилии Жданов. И вот как-то он пожаловался Ярославу Кузьминову, что задача есть, а ни сценария, ни концепции – ничего нет. Кузьминов, недолго думая, от широты души предлагает: «А вот у нас есть Осипова, начальник управления, она вам все сделает».

Первая встреча в министерстве прошла под знаком того, что я, посмотрев то, что они уже подготовили, раскритиковала их в пух и прах. Дала советы, как и что, на мой взгляд, лучше сделать и мы расстались. Министерство выделило начальника департамента по кадрам Марину Овсянникову для связи со мной.

Была вторая половина августа. Соответственно, у меня и подготовка ко дню первокурсника, и открытие новых факультетов и дни открытых дверей, а тут еще 200-летие Минэкономразвития на меня свалилось.

Первый раз мы сидели с Мариной до часу ночи, прописывали разные идеи. Остановились на том, чтобы провести праздник в Большом театре, и пригласить на него артистов Мариинского театра. Так сказать, показать единение двух столиц, сотрудничество и т.д. Театры между собой тоже соперничали и конфликтовали, поэтому в таком совместном празднике имелся еще и скрытый смысл их примирить.

Стали проговаривать более конкретно. Я, конечно, большой «специалист по балету», но меня «понесло». Предлагаю, что одно действие может исполнять Мариинка.

Второе – Большой театр. Сделать все ложи «именными», назвав их именами министров экономики за последние 200 лет. Сделать ложу Ясина, Грефа и др. А при входе всем раздавать маски Грефа, Ясина, Уринсона и других действующих лиц тогдашней экономики.

Пятница, около часа ночи, мы закончили. Марина говорит, что завтра утром в субботу едет к Грефу. И надо успеть, потому что потом он едет в командировку и решение затянется.

А известно, что Греф – ночной человек. «Поезжайте к нему сейчас», – посоветовала я. Марина поехала. Около трех ночи она встретила с Грефом, ему все безумно понравилось. Прежде всего, сценарий резко выделялся из всех, которые все остальные министерства собирались устраивать. У них все было по классике, с президиумом. По поводу масок ему тоже понравилось, но это он решил не делать. Эльвира Набиуллина, тогда его заместитель, тоже безумно смеялась.

В общем, понравилось и Набиуллиной, и Грефу, они со всем согласились. И с Большим театром, и с Мариинкой, и с отсутствием президиума.

И вот середина октября, Большой театр. Меня и мою сотрудницу приглашают на праздник, приглашают руководство Вышки. Мы оказываемся рядом с Якобсоном, который входит в оргкомитет по подготовке к десятилетию ВШЭ, до которого остается чуть больше месяца. И вот он видит, что на сцене показывают фильм, потом Греф вышел с поздравлениями и ушел, а потом танцуют. Все, что было придумано, состоялось.

Якобсон проникся: «Ну, если двухсотлетие МЭРТ в Большом театре можно проводить без президиума, то мы тоже можем». И это оказалось решающим. Дальше у меня уже не оставалось почти времени на подготовку.

Тем не менее, 27 ноября в Колонном зале Дома Союзов состоялось празднование десятилетия. Греф опоздал, и мы как раз с Мариной его встречали. Марина нас познакомила и сказала, что именно я придумала празднование в Большом и здесь отвечаю за юбилей Вышки. Мне это было очень приятно. Мало кто из министерских работников любит кому-то отдавать идеи, когда их можно приписать себе.

Потом я встречала Грефа в Вышке на разных мероприятиях, он мне грамоту как-то вручал и каждый раз он вел себя доброжелательно и так, будто мы старые хорошие знакомые. Потом он узнал, что я Андриюшина мама, а к Андриюше он тоже хорошо относился.

После празднования 10-летия Вышки ректор задумал провести серьезные реформы. В частности, из моего управления было решено сделать пять управлений, оставив меня руководителем одного из них. Зарплата, штат – все сохранялось. Я сказала, что я уйду, потому что мне это неинтересно.

Все окружающие пытались убедить Кузьмина, что хорошо бы со мной поговорить. Но он сказал, что в этом возрасте уже никто не уходит. Я, тем не менее, ушла. Той деятельностью, которой занималось УПСО, потом стало заниматься несколько подразделений с гораздо большими бюджетами, где работало в разы больше сотрудников. Но это

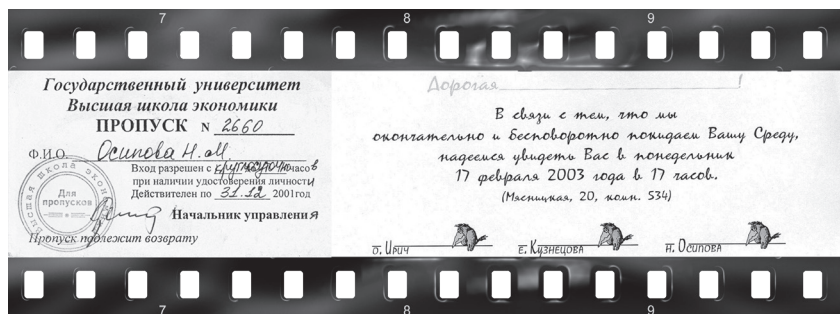
было уже без меня и не было моей заботой.

Но просто так уйти – это же тоже неинтересно. Прощальную вечеринку я устроила красивую, с фруктами, пирожными, выпивкой. Вместе со мной уходило еще несколько человек. Собралось довольно много народу из Вышки, наши друзья и знакомые, кто-то со стихами, кто-то со слезами, но все так, очень красиво.

И тут заходят Шохин с Кузьминовым с маленькой бутылочкой коньяка и большой трехлитровой бутылкой красного вина. И произносят примерно такой текст, мол, когда эта бутылка коньяка у меня закончится (а все знали, что я, кроме коньяка, ничего больше не пью), чтобы я возвращалась в Школу. А вот эти три литра – чтобы они все пили кислое вино, чтобы им было кисло без меня.

Потом Кузьминов зачитал приказ, что нам выплачивается трехмесячная зарплата в связи с уходом, и так оглядывается по сторонам, и говорит: «Это как раз, чтобы окупить ваши затраты на сегодняшний стол». Так закончилась история с двухсотлетием Минэкономразвития и десятилетием Высшей школы экономики и моей работы в Высшей школе экономики, которая в общей сложности заняла меньше пяти лет. Я пришла в июле 1998 года, а ушла в феврале 2003 года.

Спустя 10 лет мне было очень приятно прочитать та-

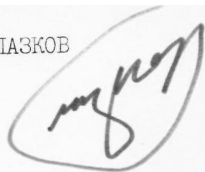

кое о себе в юбилейном альбоме ВШЭ «Нам 20 лет». Андрей Вершинин написал так: «В 1998 году был официально приглашен на работу в Вышку. Пригласила меня Наталья Михайловна Осипова. Это было очень красивое приглашение. Я работал в Болгарии с детьми, она приехала туда в отпуск, и деваться мне было некуда – впереди море, позади горы. Сделала предложение, сказав, что мне пора уже иметь зарплату и заниматься всем этим профессионально.

Для меня Наталья Михайловна Осипова – это именно тот человек, который вдохнул жизнь во внеучебную работу. В те годы она была еще и начальником Управления по связям с общественностью. Тогда как раз шло становление, появились первые КВН. Это был труд большой команды людей. Очень многое зависит от команды и от руководителя этой команды».

И еще, думаю, что меня до сих пор помнят, не потому, что я Андрюшина мама, а потому что они каждый год празднуют день рождения Вышки, потому что каждый год происходит награждение «Золотой Вышкой» – традиции, мной заложенные, оказались жизненными, отвечающими Вышке по духу.

Николай ГЛАЗКОВ

X X X

На Триумфальной арке шесть лошадок,
А на Большом театре лишь четыре.
То в мире установленный порядок,
А не случайность в прибранной квартире:
Шестёрку Марс забрал на оборону,
Ему она нужней, чем Аполлону!

Однажды мне довелось поработать с губернатором Псковской области Евгением Эдуардовичем Михайловым. Это случилось в 2002 году.

Губернатор решил освежить свой PR, пригласил московскую команду, политологов, психологов. Меня позвали присоединиться к десанту и я поехала в Псков на уикенд, чтобы не пропускать работу в Вышке.

В Москве стояла ужасная жара. Приехали в Псков, а там – холодно, даже не верится, что июль. У нас и теплых вещей-то с собой не было, решили зайти в магазин, что-нибудь купить – утеплиться. Прямо за углом был магазин с продукцией местной швейной фабрики по очень доступным ценам. И я купила брючный костюм, серенький, с длинным рукавом, шерстяной, тонкий и по какой-то фантастической цене, в два или три ниже московской. В этом брючном костюме я и поехала на встречу с губернатором.

В совещании участвовало человек 10. Познакомились, стали обсуждать текущую ситуацию, что и как можно изменить, озвучили свои предложения. Это не всем понравилось, хотя понятно было, что пригласили нас именно для того, чтобы дать советы. И одна из участниц встречи, руководитель пресс-центра, не выдержала и выдала тираду:

«Конечно, вот очень просто приезжать из Москвы, где можно все купить, в иностранных брючных костюмах и делать ценные замечания». Это явно прозвучало в мой адрес, потому что Вера, моя коллега, была не в брючном костюме.

Я делаю круглые глаза: «Не знаю, конечно, что вы имеете в виду по поводу московских цен и московских товаров. Но этот костюм я купила сегодня утром в Пскове и сделан он на вашей швейной фабрике». Девушка стала пунцовая, губернатор был доволен.

Продолжили обсуждение: какие события запланированы, на что особенно надо обратить внимание и т.д.

Губернатор сообщает, что через десять дней в Пушкиногорье должны показать оперу «Борис Годунов» в исполнении артистов Большого театра. Так сказать, в естественных условиях, на природе. Но офис губернатора в премьеру не задействован, только в качестве гостей.

Тут я решила, что упускать такой шанс нельзя, и надо его использовать, чтобы поднять рейтинг губернатора и показать его во всей красе.

Связались с командой Большого театра, организовали пресс-тур не только для журналистов, пишущих о культуре, но и политических, экономических, сделали для последних отдельную программу.

Подготовили пресс-конференцию и меню. С директором ресторана придумали сделать угощение в русском стиле. Повара на фуршет испекли из теста маленькие ложечки, в каждую положили по небольшой порции икры. Получились «тарталетки» с загнутыми ручками. Они лежали на тарелках, «ручками» от центра, это было просто замечательно. Нигде ни до, ни после я этого не видела.

Когда настал день показа «Бориса Годунова», погода была дождливая. Боялись, что прямая трансляция может сорваться. Решили полностью записать накануне генеральную репетицию для того, чтобы если пойдет дождь, пустить запись.

Генеральная репетиция прошла нормально. А на прямой трансляции, действительно, пошел дождь. Мне запомнился один момент... Гостей приехало очень много, местные начальники с женами, солидная публика, много прессы, оркестр, волшебные голоса – все на фоне природы, как естественной декорации.

И вот пошел ливень. Такой хороший, настоящий ливень. А дальше – очень неожиданный и трогательный момент. Дирижер подает знак, музыка стихает, и оркестранты, все во фраках, прячут свои инструменты под одежду. Делают это как-то очень красиво, благородно. Медленно встают и выходят с инструментами.

Это произвело, может быть, даже более сильное впечатление, чем сам спектакль. Наверное, потому что ни один человек, а зрителей было много, пока оркестр не ушел, не открыл зонтик. Оно как-то передалось друг другу. Трансляция, в конечном итоге, закончилась благополучно. Запись есть в интернете.

На следующее утро мы прилетели на самолете в Москву. Оттуда я прямо на работу. Еще не зная, что у меня уже первый микроинсульт... Слишком напряженно все вышло, слишком много участников проекта, слишком нервно...

А костюм, купленный в Пскове, я потом еще лет десять носила с удовольствием.

В спорте я замечена не была. Когда-то пару раз с первым мужем ездили в Карпаты, потом снимали избу под Москвой и каждые выходные там катались на лыжах. Но после рождения Андрюши и развода это само собой ушло из моей жизни.

Когда Васе, старшему внуку было пять лет, мои близкие друзья собрались поехать покататься на горных лыжах в Болгарию. Андрей с Ларисой согласились, и так мы с Васей оказались на горнолыжном курорте. У Васи был свой личный

тренер и хорошо получалось, ему понравилось. Я же наблюдала и все снимала на кинокамеру.

На следующий год опять поехали в Болгарию, Вася тут уже стал демонстрировать класс, да еще освоил сноуборд. Смешно, что там устраивали прогулки на лошадях и был жеребенок Вася. Наш Вася, для которого специально приводили четвероногого Васю, после прогулки кормил тезку сахаром.

Однажды мы поехали на горное озеро, где можно было половить рыбу. Выловили две рыбешки. И тут Вася свалился в прорубь. Спасатели моментально его вытащили, принесли в избу. Васю растерли, вещи высушили. Это я тоже сняла. Вечером рассказала родителям о происшествии. Кстати, ребенок даже не чихнул после купания в проруби. Лариса просит не рассказывать ее маме, Раисе Кузьминичне, про этот случай, потому что для мамы это будет шоком. Я и не

рассказываю. А в Москве, когда уже смонтировала видео и показывала родным, Раиса Кузьминична смотрит этот эпизод и спрашивает: «А где же съемка, как Вася в проруби?» Я представила, как я вместо того, чтобы за спасателями бежать, Васю бы в проруби снимала?!

А младший брат Васи Гриша, когда смотрел видео с Васей, каждый раз утверждал, что это он, Гриша, на лошадке, на сноуборде, на лыжах... Стало понятно, что пора Гришу брать в нашу компанию.

На следующий год мы поехали в Андорру. Здесь уже Гриша устроил водное купание – в фонтане на площади. Но тоже все обошлось.

В результате наших поездок ребята встали на горные лыжи и хорошо катаются. Лариса всегда была сторонницей беговых лыж, но они оказались менее популярны в семье. И Лариса пошла учиться горным лыжам и потом они вместе ездили на горнолыжные курорты, но уже без меня.

А вторая история, связанная с Васей и Гришей, – музыкальная. Гриша сразу после окончания детского сада сказал, что он хочет поступать в музыкальную школу. Его приняли на блок-флейту плюс фортепьяно.

Вася, увидев, что Гриша занимается, сказал, что он тоже хочет в музыкальную школу. Лариса не поддержала, зная, что Вася быстро загорается и так же быстро остывает к занятиям. Я купила Васе блок-флейту, мы стали с ним

отдельно заниматься, и через полгода примерно, разучив некоторый репертуар, мы с ним пошли к директору музыкальной школы. И Васю зачислили в тот же класс, где занимался Гриша.

И они оба играли на блок-флейтах, занимались фортепьяно, сольфеджио, и у Васи были приличные отметки, ничуть не хуже, чем у Гриши. Музыка, кстати, Вале в его основной школе помогла, когда там начали изучать дроби, он уже их знал по урокам сольфеджио. Той «пятеркой» по математике за дроби Вася очень гордился.

Из музыкалки Вася все же ушел, хотя очень переживал, что меня подводит — я же за него просила директора... А Гриша стал играть на саксофоне, закончил музыкальную школу с красным дипломом и иногда играет, например, у Васи на свадьбе или на моих днях рождениях для меня и друзей, что очень приятно.

Класса с пятого Гриши и восьмого Васи я входила в родительские комитеты их классов. И, можете догадаться сами — мы выпускали стенгазеты, снимали видеофильмы, проводили благотворительные вечера и так далее по списку всего того, что я делала в своей профессиональной жизни.

После «Московского комсомольца» я работала в «Союзинформкино» зам.главного редактора и руководила изданием разных журналов и буклетов о кино. В Вышке много издательской деятельностью занималась, и когда из Вышки ушла, самостоятельно освоила компьютерные издательские и видеопрограммы.

Андрюша и Лариса подарили мне компьютер на день рождения, а подруги – сканер. И я засела за сканирование фотографий, сложила первые слайд-шоу. На юбилей подруги сделала поздравительную газету, и когда привезла в типографию, меня спрашивают: «А почему не в фотошопе?» Я думаю – где я, и где Photoshop?! Однако, ребята из типографии мне стали показывать, сын друзей помогал разобраться ... Короче, освоила я и это!

Дальше – больше. Научилась верстать. Делала буклеты для экономического факультета МГУ. Памятное издание для курса Андрюши к юбилею окончания МГУ. Стала делать видеофильмы. Для себя, семьи, для друзей. Когда Гриша и Вася, внуки, заканчивали школу, сделала видео для их выпускных вечеров. С каждым видео у меня все лучше получалось. Новые программы меня уже не пугали. Переквалифицировалась, освоив то, что раньше мне казалось недоступным.

Тогда же возникла идея первой книжки. Это было 12 лет назад, предстояло 60-летие. Мне показалось, что это безумно скучно – праздновать 60-летие, дата не самая, по моим понятиям, красивая, а вот если устроить презентацию молодого автора, выход первой книжки?!

И я судорожно стала писать, дописывать, переписывать. Иллюстрации и верстку делал очень хороший художник, но жил он километрах в ста от Москвы. Это меня не останавливало, ездила к нему. А редакция и типография на-

ходились в Петербурге. Поэтому от художника я садилась на поезд и ехала в Петербург. Там мы за сутки что-то доделывали, потом я возвращалась. Успели в кратчайшие сроки.

И в мой день рождения я устроила день рождения-презентацию в профессорском клубе Высшей школы экономики.

Я притащила туда проигрыватель со старыми пластинками, пионерский галстук повесила на веревочке для белья, платье мое собственное, которое я носила, когда мне был год. Сделали натюрморт из бутылки кефира старого образца, банки с килькой и мышки с сыром. Наряды я за вечер меняла трижды. Вспомнила, что подиум тоже был в моей биографии.

В общем, праздник удался. И, кстати, открыл череду подобных презентаций. Так, когда праздновали юбилей Евгения Григорьевича Ясина, один из залов оформили как одесский дворик – Ясин оттуда родом.

А сейчас вы держите в руках мою вторую книгу, и я надеюсь, вам будет интересно ее прочитать.